

Татьяна Трошина

КРАСНЫМ ЛАГЕРЕМ В ГЕРМАНИИ

Т.И. Трошина

«КРАСНЫМ ЛАГЕРЕМ»

В ГЕРМАНИИ

*«Интернированная Красная армия»
в Германии в 1920-1921 гг.:
об одном полузабытом эпизоде
Гражданской войны*

Архангельск
2014

УДК
ББК
Т766

Трошина, Т.И.

Т 766 «Красным лагерем» в Германии. «Интернированная Красная армия» в Германии в 1920-1921 гг.: об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны.

ISBN

Изложение событий, связанных с наступлением Красной армии в июле-августе 1920 года на Варшаву, закончившимся поражением и вынужденным переходом красноармейских частей на территорию Германии, где они были интернированы и находились в течение 8 месяцев.

Название «Красным лагерем в Германии» заимствовано у Г.Д. Гая, командира кавалерийского корпуса, интернированного в Германии, который, первый и единственный, изучал этот эпизод истории Советско-польской войны. Книга построена на целом комплексе источников. Используются архивные документы, воспоминания интернированных красноармейцев, корреспонденции в прессе и проч. В качестве приложений в книге помещены наиболее содержательные тексты воспоминаний.

Основной акцент делается на том, что описываемые события войны с внешним агрессором одновременно были эпизодом борьбы за Мировую революцию и частью Гражданской войны в России.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК
ББК

Текст книги осуществлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-41-93006-к)

ISBN

© Трошина Т.И., 2014

ВВЕДЕНИЕ

«Красным лагерем в Германии» - это название заимствовано автором у Г. Гая. Именно так легендарный командир кавалерийского корпуса назвал свой первый очерк о пребывании в Германии на положении интернированного в августе – ноябре 1920 года.

В 1932 году Г.Д. Гай опубликовал небольшую брошюру под названием *«В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг.»*, поместив в нее кроме своего очерка воспоминания других красноармейцев, а также некоторые документы. Видимо, комкор надеялся, что эта публикация послужит началом изучения этого события, которое, по его словам, была *«одной из красочных, интересных и богатых страниц истории Красной армии»*¹.

И хотя на многие десятилетия эта тема оказалась невостребованной в исторической науке, слова Гая подтверждаются многочисленными воспоминаниями других красноармейцев, также побывавших в немецких лагерях для интернированных...

Автор этой книги ознакомился с их записями, работая с коллекциями, которые в 1920-е - 60-е гг. формировались истпартами² и партийными архивами. Среди воспоминаний других участников Гражданской войны, на меня особое впечатление произвели рассказы мемуаристов о пребывании в лагерях

¹ *Гая Гай.* В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. - М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – С. 5.

² «Истпарт» - сокращенное название центральной и региональных «комиссий для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии». Центральная комиссия была создана по распоряжению Совнаркома от 21 сентября 1920 г.; в ее обязанности входило создать местные комиссии, а также специальные архивы и библиотеки для хранения и использования собранных материалов. Истпарт обратился ко всем членам партии с призывом «спасти от гибели, до малейшего клочка бумаги, все, что хранит на себе след революции»; следующим этапом работы «истпартов» стал сбор «по свежим следам» воспоминаний участников установления советской власти и гражданской войны. Впоследствии собранные истпартами материалы хранились в особых фондах местных партийных организаций (партархивов).

на территории Германии осенью 1920 – весной 1921 гг. на положении «интернированной Красной армии». Эти тексты не только содержат массу подробностей и живых зарисовок о лагерной жизни, которые трудно найти в других источниках. Они отражают внутренний мир «поколения победителей» в Гражданской войне, их социальный энтузиазм, которым буквально наполнены впечатления от увиденной «другой» жизни, их нетерпение вернуться на Родину и строить у себя такую же благополучную жизнь, но более справедливую.

Разумеется, подобные воспоминания принадлежат наиболее активным участникам тех события. Большинство интернированных, которые своих воспоминаний не оставили, тяжело переживали положение, схожее с пленом, в котором они вынуждены были находиться в течение нескольких месяцев. Нельзя забывать и о том, что Гражданская война в России еще продолжалась, и у оказавшихся в «свободном мире» красноармейцев, среди которых в основном были принудительно мобилизованные, а также вынужденные вступить в ряды Красной армии пленные белоармейцы, появился реальный шанс определиться в своих политических предпочтениях. Собственно, желание посмотреть на эту сторону Гражданской войны в таком ракурсе, и подвигло автора этой книги изучить историю интернированной Красной армии в Германии.

Работая над книгой, автор ставила перед собой и другую цель: сделать достоянием всех заинтересованных читателей воспоминания красноармейцев, десятилетиями без движения хранившихся в фондах бывших «истпартов». Эти тексты содержат личные свидетельства не только о Гражданской, но и о Советско-польской войне, которая была менее прославлена в послереволюционной России. В ту войну Красная армия оказалась... не то чтобы побежденной; но она не выполнила поставленной задачи, не «разожгла» мировой пожар. Воспоминания об участии в войне с Польшей были спрятаны в архивных «спецхранах». Вместе с тем, судя по оставленным участниками войны рукописям, «поход за Вислу» произвел на красноармейцев большое впечатление.

Ни один из этих текстов не был опубликован. По словам первого и, пожалуй, единственного историка событий «интернирования», те события «к сожалению, не получили отражения в нашей литературе¹»; а впоследствии и сама тема Советско-польской войны на многие годы выпала из внимания историков. Некоторые связанные с ней события по идеологическим мотивам вообще умалчивались.

¹ *Гая Гай*. В германском лагере.... С. 5

В советской историографии война с Польшей 1919-1920 гг. рассматривалась как составная часть войны гражданской: как недружественный акт со стороны бывших союзников по Антанте и агрессия белогвардейцев, поддержанных польским правительством¹.

Советско-германские отношения этого периода основательно изучались немецкими и советскими историками², а также польскими³. В настоящее время тема той войны, особенно в связи с проблемой пленных красноармейцев в польских лагерях⁴ всесторонне изучается и является широко обсуждаемой общественной проблемой. Активизируется интерес к военно-политическому противостоянию двух стран в период между двумя мировыми войнами⁵.

Но эпизод с интернированием на территориях нейтральных стран, оставивший яркие личные воспоминания бывших красноармейцев, продолжает быть малоизвестным.

В чем же суть произошедшего?

В августе 1920 г., в разгар Советско-польской войны победоносное наступление Красной армии на Варшаву было остановлено неожиданным и стремительным контрнаступлением польской армии. Часть советских войск

¹ Кузьмин Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; Ольшанский П.Н.

Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.) - М.: Наука, 1969

² Норден А. Между Берлином и Москвой / перевод с немецкого. М.: Иностранная литература, 1956; Кобляков И.К. От Бреста до Рапалло: Очерки советско-германских отношений 1918-1922 гг. М.: Госполитиздат, 1954; Ахматазян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 гг. М., 1974; *Его же*. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1933 гг.: по новым документам. // Новая и новейшая история. 1990. № 5; Горлов С.А. «Совершенно секретно»: Альянс Москва - Берлин, 1920-1933 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; и др.

³ Баума М. Польша и советско-германские отношения в 1922-1926 гг.: автореферат ... канд. дисс.: 07.00.03. М., 1992.

⁴ Достаточно назвать лишь несколько работ: Иванов Ю.В. Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей. // Военно-исторический журнал. 1993. № 12; Иванов Ю.В., Филимошин М.В. Все пленные были парализованы ужасами. // Военно-исторический журнал. 1995. № 5; Михутина И.В. Польско-советская война 1919-1920 гг. М., 1994; *Ее же*. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919-1921 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3; Райский Н.С. Польско-советская война 1919-1920 гг. и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999; Симонова Т.М. Поле белых крестов: русские военнопленные в польском плену. // Родина. 2001. № 4; Филимошин М.В. Десятками стрелял людей только за то, что... выглядели большевиками // Военно-исторический журнал. 2001. № 2; Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг.: Сб. документов и материалов. М.;СПб.: Летний сад, 2004.

⁵ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Белый орёл против красной звезды. М.: Яуза, Эксмо, 2004

очутилась перед неизбежностью плена. Отступая с боями на северо-восток, оказавшись в окружении польских армий, отделённые друг от друга и от центрального командования, советские части с той иной степенью организованности стали переходить границу с Восточной Пруссией, где и были интернированы. В общей сложности, на положении интернированных оказалось до 50 тысяч советских военнослужащих, а также гражданские лица, сотрудничавшие с советскими властями и отступавшие вместе с армией.

Опасность вторжения польских войск для окончательного уничтожения неприятеля, а также ряд других причин потребовали от германских властей организовать транспортировку интернированных красноармейцев по так называемому «Данцигскому коридору» в центральную Германию. В течение 8 месяцев, пока шли мирные переговоры Советских республик с правительством Польши, интернированные части Красной армии размещались на территории Германии.

Связанные с пребыванием советских войск в Германии события остались в основном на страницах мемуаров¹, не привлекая внимания историков

В конце 1920-х – начале 30-х годов об интернировании красноармейских частей было опубликовано несколько работ Г.Д. Гая². Командир кавалерийского корпуса, который почти полностью был интернирован, впоследствии стал историком Гражданской войны. Следует признать, что его работы о событиях интернирования несут признаки субъективности и имеют целью оправдать свое решение о переходе границы с Германией, что другими командирами на Западном (Польском) фронте воспринималось неоднозначно.

О судьбе интернированных в Германии писали и некоторые эмигранты. Так, свои воспоминания оставил дивизионный врач С.Ф. Вербов³, которому удалось избежать плена и интернироваться в месте с кавалерийской дивизией Г. Гая. Впоследствии Вербов, как и некоторые другие интернированные,

¹ *Гай Г.Д.* В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. - М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932; Турек Л. Пролетарий рассказывает. Жизнеописание немецкого рабочего. / перевод с немецкого Сер.: Новинки иностранной революционной литературы. М.: Госиздат, 1931. К мемуарам же можно отнести и автобиографическую книгу белорусского писателя: М. Машара Шел двадцатый год / перевод с белорусского. М.: Советский писатель, 1977.

² См.: *Гай Г.Д.* На Варшаву! Действия 3 конного корпуса на Западном фронте. Июль-август 1920 г.: военно-исторический очерк. М., 1928.

³ *Вербов С.Ф.* «Даешь Варшаву!...» (из воспоминаний) // Русская мысль (Париж). 1967. 26 окт., 2 нояб.

Вербов Сергей (Самуэль) Федорович – земский врач; в годы Первой мировой войны военный, затем (в период Гражданской войны) дивизионный врач.

прежде всего из бывших офицеров, отказался возвращаться в Советскую Россию, стал эмигрантом.

На страницах эмигрантской газеты были опубликованы воспоминаний «бывшего красного» (а до этого «белого») офицера, оставшегося анонимным¹.

Среди собранных в 1920-е годы «истпартами» массовых воспоминаний красноармейцев, значительный пласт информации об участии в событиях Советско-польской войны и об интернировании в Германии содержат тексты, написанные уроженцами северных губерний, прежде всего Архангельской. Причина в том, что были окружены поляками и прижаты к немецкой границе оказались именно те части, которые формировались на Европейском Севере России, либо были переброшены с Северного фронта².

Воспоминания бывших «интернированных» полны ярких подробностей, подтверждая, что данный эпизод особо запомнился людям той героической эпохи. Возможно, это связано и с отличием боевых действий с регулярной армией хотя и только что образованного, но все же государства, что разительно отличалось от полупартизанских методов войны в условиях гражданского противостояния. Немаловажным было и то, что авторы воспоминаний побывали в Германии, которая для них, в основной своей массе крестьян, произвела особое впечатление.

Память об интернировании сохранялась и позднее. Например, один из тех ветеранов, кому удалось впоследствии получить образование и занять неплохое место в новой жизни, в своих «официальных» воспоминаниях, сданных в партархив, об интернировании упоминает лишь вскользь, а в воспоминаниях, написанных на склоне жизни, для членов своей семьи, подробно пишет об этом эпизоде своей богатой событиями биографии³.

Нельзя тут не упомянуть и о дискуссии, устроенной на одном из «форумов» интернета вокруг информации участника «форума» о воспоминаниях своего двоюродного деда, касавшихся в значительной степени именно ярких событий пребывания в лагерях интернированных красноармейцев⁴.

Авторами воспоминаний, сохранившихся в архивах, являются рядовые красноармейцы или младший командный и политический состав армии. Ме-

¹ .[N] Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9, 10 дек.

² См.: ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3.

³ *Коротких М.И.* Война с белополяками – захватчиками в 1920 году 156 полка 18 дивизии Красной Армии: из моих воспоминаний. URL: <http://www.onegaonline.ru/biblio/see.asp?kod=312>

⁴ См. «Генеалогический форум ВГД» URL: http://forum.vgd.ru/970/31128/90.htm?a=stdforum_view&o=

муаристы, таким образом, не были достаточно информированы о происшедших событиях. Присутствующая в воспоминаниях информация потребовала проверки и уточнения с помощью синхронных архивных источников¹, а также с помощью воспоминаний, которые оставили военачальники и политические деятели. Они рефлексировали, анализируя историю побед и поражений в Советско-польской войны, сразу же по ее окончанию². Их работы являются источниками для изучения событий советско-польской войны, в том числе ее идеологического содержания, дают материал для размышления как об истинных причинах войны, так и об источниках боевого настроения воевавших армий.

Однако военачальники на страницах своих мемуаров как будто представляют фигуры на шахматной доске. «Сверху» не видно было тяжелых, изматывающих переходов, коротких и жестоких схваток с неприятелем,

¹ В частности, события, касающиеся пребывания в лагерях, проверялись автором с помощью документальных материалов, хранящихся в ряде фондов Государственного архива РФ (*Далее* – ГАРФ): Ф. р-3333 (Центральная коллегия по делам пленных и беженцев); Ф. р-3341 (ЦК Российского общества Красного Креста); Ф. р-9491 (Бюро военнопленных при представительстве РСФСР в Германии, Отдел интернированных). В ГАРФ Ф. (р-9488) находятся дела по 35 лагерям русских военнопленных на территории Германии. Большинство этих лагерей были приспособлены для содержания интернированных. В архивных «делах» содержатся приказы по интернированным частям, списки интернированных, другая документация

Вопросы обстоятельств интернирования (отступление, прорыв окружения, переход через границу с Восточной Пруссией, переговоры на эту тему с германскими властями) выяснялись путем тщательной работы с документами, хранящимися в Российском государственном военном архиве (*Далее* – РГВА). Наиболее информативными для данного исследования стали фонды частей, в которых служили авторы воспоминаний: Ф. 1265 (Управление 18-й стрелковой дивизии); Ф. 1466 (Управление 54-й стрелковой дивизии); Ф. 1470 (Управление 55 стрелковой дивизии), а также фонды органов управления Красной армии и непосредственно Западного фронта: Ф. 104 (Управление армиями Западного фронта); Ф. 258 (Управление Мозырской группы войск Западного фронта); Ф. 47 (Военно-хозяйственное управление РККА). Следует учитывать, что достоверных сводок от отступающих и окруженных частей Штаб фронта получить не мог, поэтому автор выискивал любую информацию, сверяя ее со сведениями, полученными из других источников.

В РГВА же, в фонде 1265 хранится отчетная документация политотделов лагерей, позволяющая восстановить внутреннюю жизнь «интернированной Красной армии».

К синхронным документам можно отнести и отчет об интернировании корпуса Г.Д. Гая, представленный 25 сентября 1920 года бежавшим из Германии военным комиссаром 2-ой бригады 15-ой кавалерийской дивизии секретарю РВС Западного фронта С.Н. Орловскому (см.: *Орловский С.* Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 109-111.

² *Тухачевский М.Н.* Поход за Вислу: лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной Академии РККА. Смоленск, 1923; *Степанов И.И.* С Красной Армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920; *Мархлевский Ю.Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921; *Пилсудский Ю.* 1920 год. М., 1926.

страданий от полученных ран и боли утраты боевых товарищей... Поэтому основным источником при работе над этой книгой стали все же воспоминания рядовых участников тех событий.

Автор стремился смотреть на события той войны глазами не только красноармейцев, участников гражданской войны, но и с точки зрения других людей той эпохи. Для населения Германии, Польши, Белоруссии, Прибалтийских государств конфликт Советской России с новообразованным Польским государством оказался своего рода «послесловием» Первой мировой войны с ее переделом границ и развалом империй.

Судьба оказавшихся в Германии «большевиков» (так называли интернированных красноармейцев, в отличие от остальных русских интернированных - военнослужащих старой и белой армий, а также гражданских лиц, оказавшихся в специальных лагерях в результате войны и революции) была интересна как русским эмигрантам, так и самим немцам. Поэтому газеты того времени часто публиковали информацию о лагерях, довольно подробные очерки о быте интернированных. Прежде всего, эта тема привлекала эмигрантские газеты, которые посылали в лагеря корреспондентов, публиковали на своих страницах письма интернированных, а также перепечатывали в переводе любую информацию об интернированных соотечественниках, появляющуюся в иностранной прессе¹.

Эмигранты тщательно вглядывались в лица бывших соотечественников, ставших такими чужими; присматривались к любым мелочам их быта; вслушивались, пытаясь понять, что за стоит за их словами. «Вопрос о быте и мирозерцании наших интернированных – один из самых жгучих вопросов современной русской жизни: отношение интернированных красной армии к Советской России, параллели, проводимые ими между Россией и Германией, – все это дает богатый материал для правильной оценки современного положения России»², - поясняет свою задачу редактор социалистической газеты «Голос России», направляя в лагеря своего журналиста.

¹ При работе над книгой использовалась информация из газет Русского Зарубежья: Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920-1921; Время (Берлин). 1920-1921; Руль: Русская демократическая газета (выходит при ближайшем участии И.В. Гессена, проф. А.И. Каминки и В.Д. Набокова) (Берлин) 1920-1921; Новый мир: Ежедневная политическая, литературная и экономическая газета (Берлин). 1921; Воля России (Прага) 1920-1921; Эхо: Литературно-политическая ежедневная газета (Ковно) 1920-1921 гг.; Воля: Политическая, общественная и литературная газета (Рига). 1920; Варшавское слово: орган демократической мысли (Варшава) 1920.

² По красным лагерям // Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1921. № 14. 18 янв.

Особый интерес для читателей газет, а также для нас, смотрящих на события через многие десятилетия, представляют письма интернированных, регулярно помещавшихся в эмигрантских газетах. Содержащаяся в них информация идентична той, которую можно извлечь из советских документов, а также из позднейших воспоминаний красноармейцев. Однако расставление акцентов при описании событий, оценки этих событий нередко даются иначе, даже противоположно, чем можно получить из других источников. Объяснение тому – в «заказе» германского общества и редакций эмигрантских газет, которые являлись органами антибольшевистских партий.

А также в том, что такие письма писали представители другого активного меньшинства интернированных – бывшие белые офицеры, по убеждениям монархисты, социал-революционеры, социал-демократы. С точки зрения сотрудников советского Отдела интернированных войск, их письма были клеветническими. Вот характеристика на такого «белого» интернированного, бывшего офицера И. Иванова, активного корреспондента эмигрантских газет: «с первых дней пребывания в лагере [Зальцвельдт] Иванов вел самую провокационную агитацию про Советскую власть. Снабжал лагерь белогвардейской литературой из Праги и Парижа. Писал в редакцию “Воли России” также провокационные статьи про лагерь и про представителей Бюро военнопленных при их посещении лагеря. Освещал немецкой дирекции искаженные факты из жизни лагеря. Во время кронштадтского мятежа открыто заявлял, что вследствие падения советской власти, получил приказ от немецкой дирекции принять должность начальника гарнизона. Вообще, представляет типичного белогвардейца...»¹.

При работе над книгой привлекалась информация и из советской прессы. Следует отметить, что советские газеты уделяли значительно меньше внимания судьбе интернированным красноармейцам, как, впрочем, и находившимся в несравнимо более тяжелых условиях в польском плену. Предлагалось только о них «не забывать», что могло бы подорвать их доверие к социалистической Родине и поспособствовать успехам вражеских агитаторов, занимавшихся в условиях продолжавшейся в России Гражданской войне вербовкой красноармейцев вступать в ряды белых армий.

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1 Д. 47. Л. 10 (Доклад комиссара лагеря Зальцвельдт в Бюро военнопленных, 12 мая 1921 г.)

*

Несколько слов о предыстории: ход и последствия Советско-Польской войны.

Распад Российской империи привел к появлению множества государственных образований, и не только национальных. Если политические квазигосударства (такие, как Северная область с центром в Архангельске) были нацелены на воссоздание России, «Единой и Неделимой», – то национальные государства стремились к независимости. Пользуясь ослаблением России, вовлеченной в изнурительную гражданскую войну, эти государства приступили к укреплению своих границ и к расширению их за счет соседей.

Особым было положение Польши. Более века ее территория была разделена между тремя государствами – Австро-Венгрией, Германией и Россией. В результате наступления австро-германских армий во время Первой мировой войны Польша была «воссоединена» (что делалось в значительной степени из политических соображений). После победы стран Антанты единство и самостоятельность Польши было не только подтверждено, но Польша получила

новые территории. По результатам Версальского мира часть немецких земель после соответствующего референдума получили возможности войти в состав Польши.

Для восточной границы Польши была рекомендована так называемая «линия Керзона»¹, выстроенная по этническому ципу и ограничивающая территорию с преимущественным проживанием поляков. Этого, однако, Польше было мало. Она стремилась восстановить территорию государства в рамках «Великой Польши», в которых она существовала до 1772 года.

В 1918-1919 гг. Польша вела несколько войн с Литвой и Белоруссией с целью территориальных приобретений. 21 апреля 1920 г. Польша вступила в союз с Директорией Украинской Народной Республики, главой которой был

¹ «Линия Керзона» (англ. *Curzon Line*) — условное название линии, рекомендованной Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Установлена в ноте министра иностранных дел Великобритании лорда Дж. Н. Керзона (отсюда название), направленной Советской России 10 июня 1920 г. с требованием прекратить наступление Красной армии и отвести ее за эту «линию».

С. Петлюра. В обмен на помощь против Красной армии, Петлюра передал Польше Волынь и Восточную Галицию. Польские войска двинулись в Литву и захватили Вильно, затем вошли в Минск, а 6 мая в Киев.

Страны Антанты тогда проигнорировали стремление Польши расширить свои границы восточнее «линии Керзона». Считается, что в действиях поляков и первого главы возрожденной Польши маршала Ю. Пилсудского Антанта видела выгодное для себя создание «санитарного кордона», отделяющего Западную Европу от «большевистской заразы». О такой миссии Польского государства говорил и Пилсудский.

Белогвардейские правительства на территории России, объективно являясь союзниками Польши, в действительности не признавали ее самостоятельности, и поэтому говорить о каких-то совместных действиях не приходилось. Так, в августе 1919 года, когда британский военный министр У. Черчилль объявил о выводе английских войск из Северной области (то есть из Архангельска и Мурманска), это вызвало недовольство польского правительства. Оно выразило свое негодование в ноте британскому представителю в Варшаве П. Уиндхэму, в которой подчеркивалось, что оставление союзническими войсками северных районов Европейской России даст возможность Советскому правительству перебросить оттуда большевистские войска на Польский фронт. Предупреждая о негативных последствиях этого для всей Европы, поляки потребовали от Франции и Англии увеличения поставок военного снаряжения и продовольствия¹. Действительно, не сразу, но после окончания Гражданской войны на севере Европейской России красные войска, в апреле 1920 года отлично экипированные захваченным у белогвардейцев переданным тем Антантой обмундированием и вооружением, были направлены на Польский фронт.

Следует отметить, что победы Красной армии в начальный период польской кампании одобрительно были встречены антибольшевистскими силами и в самой России, и в эмигрантских кругах. Говорили о «восстании России из мертвых»²; с удовлетворением отмечали, что «военные операции характеризуются мастерским применением со стороны русских сильных кавалерийских отрядов», а «русская кавалерия ... превосходит польскую по численности и боеспособности»³.

¹ М. Лечик. *Послесловие* // Тухачевский М. Поход за Вислу. — Пилсудский Ю. Война 1920 года. М.: Новости, 1992. С. 303.

² На повороте // *Голос России: Орган русской демократической мысли.* (Берлин) 1920. 29 июля

³ Положение на польско-русском фронте. // *Голос России: Орган русской демократической мысли.* (Берлин) 1920. 16 июля

Косвенно об отношении к Советско-польской войне как способу восстановления победоносной российской армии и Российского государства можно судить и по широкому отклику, который встретил среди офицеров, в том числе белых армий, «призыв» генерала Брусилова.

Итак, Советское правительство, воспользовавшись некоторым затишьем на фронтах Гражданской войны (где-то она уже закончилась победой Красной армии, где-то фронт стабилизировался и активные боевые действия были прекращены), начал войну с Польшей, которая с переменным успехом продолжалась с 25 апреля по 18 октября 1920 г.¹ и закончилась Рижским мирным договором, по которому «линия Керзона» была отодвинута на восток и часть земель, захваченных поляками, вошли в состав Польши².

Красная армия оперировала на Польском направлении двумя фронтами – Западным (командующий М.Н. Тухачевский) и Юго-Западным (командующий А.И. Егоров). В связи с недостаточным комплектованием боевых частей наступление развернуть не удавалось. Тухачевский пополнял армию любыми способами, от розыска дезертиров до включения в состав боевых частей пленных бело-гвардейцев и перебежчиков.

Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский

Польская армия также создавалась с немалым трудом. Государство недавно получило независимость; командный корпус состоял из офицеров бывших русских, немецких, австро-венгерских армий, по национальности поляков.

Являясь этническими поляками и одновременно принадлежа к офицерской «касте» не все они готовы были разделять национальную идею³. Однако

¹ Переговоры по территориальным вопросам между Советской Россией и Польшей продолжались с марта 1920 г. и зависели от положения на фронтах. Возобновились в сентябре 1920 г. в Риге, и к 5 октября было достигнуто соглашение. 12 октября 1920 г. был подписан прелиминарный мир и договор о перемирии. 18 октября боевые действия были прекращены. Окончательный мирный договор был заключен 18 марта 1921 г.

² Эти земли вновь были возвращены в состав советских Украины и Белоруссии в 1939 году.

³ О сложностях, с которыми сталкивалась формирующаяся польская национальная армия («теперь, во время войны с сильным врагом, когда приближается критический момент для армии государства») можно судить по «офицерским приказам», выпускавшимся командованием Варшавского округа. Судя по содержащейся в них информации, в некоторых частях «полное отсутствие военной дисциплины, рядовые совершенно деморализованы, приказы своих командиров выполняют неохотно, с ворчаньем, обучение кончается обычно на общих принципах стрельбы. ...Обучение офицеров во всех отношениях неудовлетворительное, при полном отсутствии чувства долга. Постоянное стремление офицеров про возможности

в годы Первой мировой войны всеми воюющими сторонами создавались национальные воинские части из поляков. Так, Польша могла рассчитывать на помощь боеспособных польских частей, которые были сформированы в армиях Антанты.

Польские солдаты демонстрируют трофейные знамена красноармейских частей

Летом 1920 г. части Красной Армии освободили Вильно, Минск и пошли в наступление на Варшаву. Делая по 20 километров в день в условиях боевых действий, армии были измотаны, оторвались от своих обозов. Пытаясь обойти Варшаву с севера, вырвавшиеся вперед красноармейские

части не смогли удержать контрудар поляков, и вскоре началось ее стремительное отступление. 16 августа польская армия

окончательно перешла в наступление. Было нарушено взаимодействие Западного и Юго-западного советских фронтов; это привело к тому, что часть красноармейских частей, не получая помощи, вынуждены были либо погибнуть, либо сдаться в плен, либо перейти границу с Германией и интернироваться.

скорей отправиться в госпиталь, а оттуда опять в запасной батальон. ...Унтер-офицеры совершенно необученные». Если в Красной армии воспитание комсостава и красноармейцев строилось на принципах интернационализма, то в Польской акцентировалось внимание на единстве нации: в «приказах» присутствуют призывы понимать, что «солдаты из всех бывших оккупированных территорий являются братьями по оружию, обороняя общее отечество с одинаковым энтузиазмом и самоотверженностью». Осуждаются офицеры-поляки из бывшей германской и австро-венгерской армий, которые «разговаривают по-немецки в публичных местах, это недопустимо, ибо еще напоминает нам срам рабства...». При этом рекомендовалось «евреев и немцев, на вид более интеллигентных наших простых солдат, не зачислять в канцелярии», опасаясь шпионажа, а также «не принимать добровольцев, т.к. могут быть люди плохой нравственности, вражеские шпионы и большевистские агитаторы». Офицеров призывали не отрываться от солдат, что могло быть крайне опасно в войне с Красной армией, давая неприятелю в руки идеологическое оружие. (РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д.2418: Приказы и приказания по Бело-польским войскам за 1920 г.)

Об отношениях в польской армии писал немецкий коммунист Л. Турек, находившийся с ними в одном лагере для интернированных и имевший возможность сравнить увиденное с товарищескими отношениями, культивируемым в Красной армии: «Странно было видеть, как офицеры хлестали на поверке солдат нагайками, если находили что-нибудь не в порядке. Безгранична была и рабская покорность солдат, безмолвно подчинявшихся деспотизму офицеров. Одним словом: дух этих войск был отвратительный». (Турек Л. Пролетарий рассказывает. Жизнеописание немецкого рабочего. М.; Л., 1931. С. 307)

По некоторым данным, в боях под Варшавой погибло от 50 до 66 тыс. красноармейцев, до 110 тыс. человек оказались в плену, где от 60 до 80 тыс. советских людей погибли. В число этих безвозвратных потерь входят и до сих пор неизвестное количество (от 5 до 20-25 тысяч) военнослужащих, которые под влиянием агитации или собственных идеологических убеждений, а также стремясь выжить в тяжелых условиях польского плена, вступили в различные антисоветские военные формирования

В июле, когда успех сопутствовал Красной армии, Польша была готова согласиться на мирные условия и признать «линию Керзона», обеспечив тем самым себе открытую поддержку со стороны стран Антанты, которые стремились оказывать не только дипломатическую, но и военную помощь. Однако здесь «свое слово» сказала Германия, через территорию которой Антанта намеревалась доставлять военную помощь полякам. Германия нейтралитет и запретила транспортировку военных грузов и комбатантов.

20-26 августа, во время наступления польской армии, отдельные красноармейские части оказались прижаты к германской границе¹. Интернированы были 3-й кавалерийский корпус под командованием Г.Д. Гая, 12, 18, 48, 53 и 54 стрелковые дивизии 4-й армии², 4 и 33 стрелковые дивизии 15-ой армии. Всего 45-50 тысяч красноармейцев.

Первоначально эта цифра называлась выше – до 80 и более тысяч. Была ли это ошибка в первоначальном подсчете, или правы польские власти, обвинявшие Литву в том, что на самом деле в безвыходном положении оказалось не менее 130 тысяч советских солдат, и только часть из них были интернированы. Остальные же, пройдя из Восточной Пруссии через территорию Литвы,

¹ Точнее сказать, к границе Польши и Восточной Пруссии. После 1945 г. территория Восточной Пруссии частью вошла в состав Польши. Отдельные районы вошли в состав РСФСР (современная Калининградская область).

² 4-я армия (третьего формирования) была создана приказом РВС Западного фронта РСФСР от 11 июня 1920 из частей Северной группы 15-й армии и действовала в составе Западного фронта. Командующими во время Советско-польской войны поочередно были: Е.Н. Сергеев, В.А. Меликов, А.Д. Шуваев (именно он командовал армией в самые тяжелые дни отступления и затем интернирования на территории Восточной Пруссии – с 6 августа по 17 октября), Н.Е. Какурин.

В состав армии входили стрелковые дивизии: 12 (комдив А.Г. Рева), 18 (Б.А. Буренин), 48 (Е.В. Баранович Е.В.), 53 (А.И. Тарасов-Родионов, затем П.К. Щербаков) и 54 (комдив 54 Цветаев В.Д.), а также 3 конный корпус под командованием Г.Д. Гая. Все эти подразделения были интернированы.

По словам Юзефа Пилсудского, возглавлявшего польское сопротивление наступлению советских войск, «заслуга [4-ой армии] состоит в том, что она долго сохраняла в нас, поляках, призрак наших былых поражений и этим очень помогла 3-й и 15-й советским армиям при их отступлении...».

Большинство авторов воспоминаний, использованных в данной книге, были красноармейцами, младшими командирами и политработниками различных подразделений 4-ой армии.

заявлявшей, как и Германия, о своем нейтралитете, соединились с частями Красной армии¹. Литовское правительство опровергало эти обвинения польской стороны. Однако, как следует из воспоминаний, многие красноармейцы, перейдя границу Восточной Пруссии, действительно, стремились перейти на литовскую территорию и таким образом выйти к своим.

Чтобы у поляков не было оснований подозревать объявивших о нейтралитете Германию и Литву в «поставке» Красной армии пополнения за счет перешедших их границу красноармейцев, которых по международным законам следовало интернировать, то есть изолировать до окончания боевых дей-

ствий, осенью 1920 г. советские войска, оказавшиеся в Восточной Пруссии, в непосредственной близости к Литве и территориям, контролируемым «советами», были вывезены морем и по так называемому Данцигскому (или Польскому) коридору в центральные районы Германии. Там они были размещены в лагерях, которые после окончания Первой ми-

ровой войны постепенно освобождались от военнопленных: Минден, Пархим, Аленфалькенбергер, Марзебург, Франкфурт, Зальцведель, Цербст, Габельберг, Лихтенгорс, Заган, Сольдау, Кроссен. Небольшие лагеря были приспособлены для размещения «спецконтингента». Так, в лагере Нейгомер были помещены женщины, дети, находившиеся в обозе красноармейских частей гражданские специалисты. В лагере Альтдамм был размещен комсостав, а также артиллеристы и кавалеристы.

Отдельные группы интернированных получили возможность вернуться в Советскую Россию, в нарушение существовавших международных законов, еще до прекращения военных действий. Остальные красноармейцы выехали на Родину после заключения 18 марта 1921 года мирного договора между советскими республиками (Россией, Украиной и Белоруссией) и Польшей².

¹ Documents diplomatiques concernant les relations polono-lithuaniennes (decembre 1918 – septembre 1920). Varsovie: Imprimerie de l'Etat, 1920. P. 84-85. Цит. по: Нарушила ли Литва нейтралитет в советско-польской войне? Документы о польско-литовских переговорах 1920 г. / предисл. и коммент. М.А. Манкевич // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке: сб. научных трудов. Вып. 5./ АНО НОЦ «Балтийская Европа». - Калининград: НЭТ, 2009. - С. 8.

² См.: Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР с одной стороны, и Польшей с другой. 12 окт. 1920 г.; Добавочный протокол к советско-

Война с врагом или война Гражданская?

Итак, на развалинах Российской Империи образовались национальные государства, которые еще долго разбирались со своими границами. Пользуясь ослаблением погрузившейся в хаос революции и Гражданской войны России, ее соседи и бывшие соотечественники стремились решить свои территориальные проблемы, в том числе и за ее счет.

Особенно усердствовала Польша, стремясь взять исторический реванш и восстановить «Великую Польшу», то есть вернуться к границам, существовавшим до 1772 года. Эти амбиции послужили причиной того, что в первые же годы после Русской революции Польша имела столкновения со всеми своими соседями: с Чехией и Германией по вопросу Силезии; с Литвой - по вопросу принадлежности города Вильно; а также с Белоруссией и Украиной.

С конца 1918 г. у Польши сложились напряженные отношения с Советской Россией, поскольку поляки рассматривали установление советской власти в Белоруссии и на Украине как акт агрессии со стороны России, препятствующие Польше присоединить украинские и белорусские земли, которые она считала исторически своими. Вступив в союз с Петлюрой, Польша начала продвижение на восток. Ответом стало включение в войну Советской России.

По словам Л. Троцкого, война с Польшей была своего рода отголоском Первой мировой войны: «Западный фронт мы унаследовали от старой империалистической войны с Германией и Австро-Венгрией»; «Польская война является лишь новой попыткой, эпизодом в империалистической борьбе с Советской Россией»¹. Впрочем, исходя из своих идеологических установок, Советская Россия подчеркивала, что война ведется не против польского народа, а против антинародного польского прави-

польскому договору о перемирии и прелиминарных условиях мира // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М: АН СССР, 1963-1965. Т. 3. С. 428-438.

¹ Троцкий Л.Б. Война с Польшей: Доклад на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/trotsky_s/07.aspx; Польский фронт: Интервью с Л. Троцким. // Известия ВЦИК. 1920. 6 мая.

тельства: «Мы готовы были идти на соглашение с польскими правителями, пока их еще терпит польский трудовой народ, дабы избежать дальнейшего пролития крови русских и польских рабочих и крестьян», «готовы были к заключению мира с Польшей, ибо были убеждены, что ее рабочий класс, связанный с нами многолетней совместной борьбой против царизма, сумеет обуздать своих эксплуататоров»¹. Советским людям предлагалось уяснить, что «война с Польшей есть ... война за независимость социалистической России, за ее союз с социалистической Польшей и с пролетариатом Европы и всего мира»².

В воспоминаниях рядовых участников Советско-польской войны присутствует осознание ими этой войны как Гражданской. Только ли под влиянием официальной пропаганды? Или, может быть, войну с Польшей, бывшей частью России, русским людям трудно было воспринимать как-то иначе?

¹ «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России»: обращение ВЦИК и СНК. // Правда. 1920. 30 апр.

² [Троцкий Л.Б.] Польский фронт и наши задачи. // Правда. 1920. 30 апр.

I

«Даешь Варшаву! Дай Берлин!»

Нам прислала Москва
подкрепление.
Мы всем фронтом пошли
В наступление.

Шляхта дёру задаст,
Не оглянется,
От панов и следа
не останется.

Демьян Бедный

Энтузиазм борцов за распространение мировой революции на запад, ко-

гда красноармейцы направлялись на фронт под лозунгом «Даешь Варшаву, дай Берлин!»¹, был остановлен неблагоприятным развитием событий Советско-польской войны.

Разумеется, на уровне «большой политики» немцам было обещано, что советские войска германскую «границу не перейдут»². Однако часть крас-

ноармейцев все же получила возможность «дойти до Берлина» – в качестве «интернированной Красной армии»...

Наступление красноармейских частей на Польском фронте летом 1920 года происходило под лозунгом «Даешь Варшаву, и побыстрее!». Начавшееся удачно для Красной армии, оно закончилось «битвой под Варшавой» (13-25 августа 1920 г.) и контрнаступлением польских войск, которые прорвали фронт и вышли в тыл красных частей, заставив их беспорядочно отступать: «пришлось вперед пробиваться и сзади отбиваться... и тут сразу ударились

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 211 (Казиков Ф.Ф. Воспоминания, 1959 г.)

² Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М., 1955. С. 346-347.

все в панику»¹, - так вспоминал эти дни красноармеец. Отрезанные от основных сил и от командования, атакованные с юга и с запада, не имея боеприпасов, отягощенные обозами и ранеными, красноармейские части, «зажатые» в Данцигском коридоре, были вынуждены перейти границу с Восточной Пруссией и, по международным законам, разоружившись, получили право на защиту.

Почему победоносно наступавшая на всех фронтах Гражданской войны Красная армия оказалась в таком унижительном и бедственном положении?

Ведение войны с регулярной армией государства, имевшего более жизнеспособную идеологию, чем «белое» движение, потребовало срочного преобразования воинских частей Красной армии. Командующий армиями Западного фронта доносил в июне 1920 года Главкому: «Некомплект командного состава доходит до 28%. ... Одних генштабистов до 80% не хватает

Командование 4 армии (предположительно).

Лето 1920 г.

Источник: [https://ru.wikipedia.org/wiki/4-%FF-%E0%F0%EC%E8%FF_\(%D0%CA%CA%C0\)#media_viewer/File:Stab_4_armii_zapadnij_front_1920_g.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/4_%FF_%E0%F0%EC%E8%FF_(%D0%CA%CA%C0)#media_viewer/File:Stab_4_armii_zapadnij_front_1920_g.jpg)

... Некомплект боевых частей составляет 85% - людей почти полмиллиона при 75 тысячах лошадей». При этом налицо были дефекты воинских подразделений, сформированных в условиях Гражданской войны: «неслаженность, разношерстность, обилие единиц, но малочисленность»².

По наблюдениям красного командира, завербованного в Красную армию из бывших белогвардейцев, красноармейцы были «раздеты и разуты», а «привыкнув к гражданской войне», решали вопросы своего снабжения за счет пленных и местного населения, что негативно влияло на их дисциплину. Из-за некомплекта частей был «излишек командного состава», в результате, «25 краскомов весь поход сидели в тылу (в комендантской роте)». Имея неплохое трофейное вооружение, красные им практически не пользовались, их-за отсутствия, возможно, специалистов: в 53 дивизии, в которой служил этот командир, «танков было 3-4 штуки, но почему-то не пользовались... Связь мотоциклетная и автомобильная почти не действовала. Мотоциклы портились, походных мастерских

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591. Л. 1-5 (Турьгин Я.А. Об участии на железнодорожном направлении и Польском фронте : воспоминания, 1932 г.)

² РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 538 (Планы и соображения по наступлению и обороне. 1920 г.) Л. 5, 7, 9 (Доклад Командующего армиями Западного фронта Главкому. 12 июня 1920 г.)

не было. Автомобилей было шесть, но не было горючего». Даже «карт и планов не было»¹, наступали, опираясь только на данные разведки.

По словам М.Н. Тухачевского, «обучение красноармейцев в запасных частях было поставлено очень невысоко. Не получая обмундирования, невозможно было правильно его поставить, ввиду весенних холодов, не позволявших заниматься босыми. Как только получалось обмундирование, немедленно сколачивались маршевые роты и батальоны, грузились в эшелоны и отправлялись на фронты. ... Всем фронтам и действующим армиям приходилось изыскивать свои собственные местные средства для того, чтобы пополнить убыль в частях»².

Наступать с неукomплектованными, плохо обученными и не обеспеченными вооружением и обмундированием частями было нельзя. Возможность решить эти проблемы появилось в связи с окончанием боевых действий на большинстве фронтов Гражданской войны.

*

Остановимся на составе красноармейских частей, направленных на Польский фронт. В основной массе это были победители закончившейся на большей части страны Гражданской войны. Их пыл, который помог им «разделаться с беляками», в новых обстоятельствах играл неоднозначную роль. С одной стороны, сохранявшаяся партизанщина, подгоняя к постоянному наступлению и взятию препятствий «на ура», создавала сложности как для командиров частей, так и для командования в целом. (Трудно сказать, насколько искренен был Тухачевский, утверждая, что он не может сдержать красноармейцев, рвущихся вперед и готовых растерзать переговорщиков об условиях мира).

С другой стороны, отсутствовал важнейший источник подобной воинственности – желание отвоевать свои родные места. Искусственно подогреваемый революционными лозунгами пыл был ненадежен; в условиях отступления и других непредвиденных сложностей он мог резко смениться на свою противоположность – панические настроения и уныние. Проявившие себя в условиях русской Гражданской войны конники оказались во время войны с Польшей в сложной ситуации, поскольку не имели достаточного опыта ведения боевых действий в лесистой и болотистой местности. К тому же, привыкнув получать фураж у крестьян богатых южнорусских районов, кавалеристы и здесь кормили коней таким же образом. Однако в болотистых райо-

¹ Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера Красной армии // Воля России. 1920. 9 дек.

² Тухачевский М.Н. Поход за Вислу // Тухачевский М. Поход за Вислу. - Пилсудский Ю. Война 1920 года. М.: Новости, 1992.

нах Белоруссии и Восточной Польши овес и сено были плохого качества, и ощущался их недостаток.

Опыт Гражданской войны подсказал командованию мысль о том, что красноармейцы становятся особенно ненадежными, когда боевые действия проходят в непосредственной близости от их родных мест; это провоцирует их при малейших неудачах бросить свою часть и дезертировать. Однако переброска войск из родных мест на другие участки обширного фронта Гражданской войны ситуацию не исправила: дезертирство только разрасталось в своих размерах. Россия была переполнена дезертирами, которых население всячески поддерживало. По свидетельству белого офицера, бежавшего из лагеря для военнопленных, их с товарищем в деревнях принимали за дезертиров, оказывали всяческую помощь, кормили и прятали от карательных отрядов: «По дороге ... нас принимали за дезертиров, и потому относились хорошо»; «Нас не спрашивали, кто такие, принимали за беглых [красноармейцев]»¹.

В значительной степени армия, воевавшая в Польше, состояла из выловленных и вновь взятых на службу дезертиров. Именно таким образом командарм М.Н. Тухачевский решил ликвидировать серьезный недокомплект боевых частей. Но уже при направлении частей на фронт вновь происходило массовое дезертирство. «Солдаты бегут, как говорят крестьяне, “табунами”, несмотря на расстрелы»², - сообщает очевидец. «Из 800 человек направленного в 53 дивизию подкрепления разбежалось 160»³. «Из 97 человек “команды дезертиров”, направленных на Польский фронт, в районе Смоленска бежали, отпросившись купить на станции продукты, 42»⁴.

Объяснение для отлучки «добыть пропитание» было обычным: в случае, если поймают, такие дезертиры объясняли свой поступок тем, что случайно опоздали к поезду.

Только за август 1920 года из 11 тыс. красноармейцев, направляемых маршевыми ротами на фронт, дезертировало 1.254 человека⁵. Скорее всего, убегали из-за близости дома – возможно, на время, взять продукты или попрощаться, как было принято в старой армии (в Красной армии, опасаясь дезертирства, таких «отпусков» перед отправкой на фронт не давали). Иногда неполный комплект маршевых рот имел и другое объяснение, обычное в

¹ ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Оп. 1 Д. 26. Л. 61об., 62.

² ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Оп. 1 Д. 26. Л. 62

³ Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9 дек.

⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 69. Л. 252

⁵ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 69. Л. 261

условиях общего развала дисциплины в период Гражданской войны: «Начальник станции под угрозой расстрела забрал 100 человек для работ...»¹

Возможность побега во время движения по железной дороге казалась доступной, поскольку эшелоны нередко шли без конвойного сопровождения: маршевики категорически отказывались, чтобы их сопровождали как заключенных. Охраны воинских эшелонов не было и на станциях. По словам начальников эшелонов, местные комендатуры отказывались давать охрану, «раз нет восстания». В результате - «нередко бежит до половины состава», включая командиров. Огонь на поражение, который открывали по дезертирам, останавливал далеко не всех: «Когда открывали огонь, возвращались [только] некоторые из партийцев»². Судя по рапорту начальника кавалерийского эшелона, «красноармейцы... большинство бывшие дезертиры, прибывшие из штрафных команд. По ходу велись беседы, но... почти все красноармейцы вели себя обывательски... Эшелон вел себя буйно, на станции Вязьма побили начальника отряда по спекуляции и милиционера»³.

С целью не допустить массового дезертирства непосредственно с фронта, на дорогах и в селах ставились заградительные отряды, устраивали обыски деревень, хуторов и лесов в прифронтовой зоне⁴. Дезертиры, нуждаясь в продовольствии, объединялись в отряды и грабили население. Это позволило организовать поиски дезертиров под видом «борьбы с бандитизмом»⁵.

Почему дисциплинированные в целом молодые крестьянские парни становились дезертирами? Объяснение можно найти и в том, что их «ждали дома». Это видно из задержанных военной цензурой писем: «С нашей деревни все дома живут, один ты служишь...»; «У нас дезертиров ловят и гонят на позиции. Но если надумаешь, то приходи»⁶.

¹ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 69. Л. 261

² РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 69. Л. 261

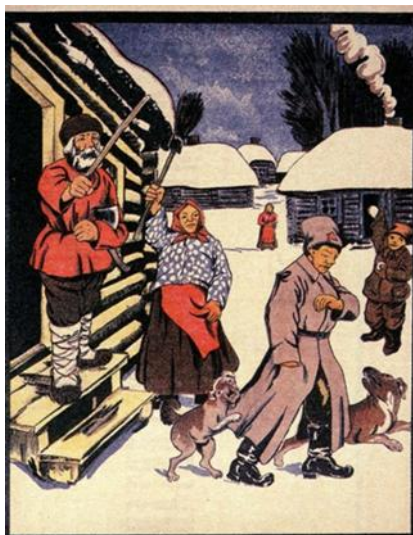
³ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 87 (Протоколы опроса, доклады, акты и другие материалы по расследованию причин дезертирства военнослужащих из эшелонов, отправляющихся в действующую часть армии. Июль-октябрь 1920 г.) Л. 1.

⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 69. Л. 115

⁵ См.: ГАРФ. Р-6990 (Полномочная комиссия ВЦИК по борьбе с бандитизмом на Западном фронте); РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 95. (Доклад председателя полевой комиссии по борьбе с дезертирством и бандитизмом при РВС Западного фронта).

⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 353. Л. 162-170.

Сцена, подобная той, которая представлена на плакате периода Гражданской войны, скорее могла быть отнесена к

«Позор дезертирам!» Плакат периода Гражданской войны

«царским» временам, когда служба в армии расценивалась как форма заработка, а для перенаселенной деревни и как возможность избавиться от лишних «ртом» и «рук». Во время Гражданской войны рабочие руки были нужны, поэтому деревня всячески «привечала» дезертиров, которые нередко жили и трудились в своих деревнях, не опасаясь, что их выдадут. В Северо-Двинской губернии, где «дезертирство в связи с польским фронтом ...увеличивается», отмечалось, что значительная их часть, «около тысячи дезертиров», проживают в Никольском, наиболее земледельческом уезде»: «Проживают они в глухих лесах

(имеется в виду, что деревни, в которых проживают дезертиры, расположены «в глухих лесах» - Т.Т.), поймать их очень трудно»¹.

Чтобы пополнить ряды армии накануне готовящегося наступления, комитеты по борьбе с дезертирами действовали решительно: устраивали облавы на деревни (по крестьянской традиции, целые деревни были «дезертирские» - если крестьяне принимали беглых солдат, то всех); не обнаружив их, забирали в качестве заложников отцов, а в некоторых случаях и ценные вещи (например, самовар). «Ценность» для семьи и для самого дезертира представляла не его жизнь или свобода, а благополучие семьи. В таких случаях дезертиры являлись сами, иногда собиравшись всей деревней или волостью.

Борьба с дезертирством имела и другие «экономические» формы. Например, семьи лишались пайка.

Набор карательных мер, предпринятых Западным фронтом для самостоятельного комплектования армии, привел к существенным результатам. По словам командующего фронтом Тухачевского расчет на 40 000 выловленных дезертиров был превзойден в 2,5 раза - «в течение июня месяца было изъято около 100 000 дезертиров», при этом большинство являлось добровольно - «только редкие элементы извлекались административным порядком»².

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т. 1: 1918-1922. Док. 45. Из информационной сводки секретного отдела ВЧК за 16-30 июня 1920 г. М.: РОССПЭН, 2000. С. 273

² Тухачевский М.Н. Поход на Вислу // Тухачевский М. Поход за Вислу. — Пилсудский Ю. Война 1920 года. — М.: Новости, 1992.

Польская война была, по сути, первой войной армии Советской России с «внешним» неприятелем, когда в одном строю оказались вчерашние против-

Отправка красноармейцев из Архангельска

ники по гражданскому противостоянию. С целью усилить армию кадровыми офицерами, «польская кампания» была объявлена борьбой с внешним агрессором, который, как неоднократно бывало в истории, воспользовался временным ослаблением России и попытался захватить ее территории.

Авторитетный для всех офицеров русской армии генерал А.А. Брусиллов, находившийся на служ-

бе в Красной армии, возглавил «Особое совещание по вопросам увеличения сил для борьбы с наступлением польской контрреволюции» и обратился к русским офицерам с призывом «забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию... дабы... отстоять во что бы то ни стало дорогую вам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае... наши потомкам будут вас справедливо проклинать... за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили Матушку-Россию»¹.

Этот призыв был обращен не только к офицерам, которые уклонялись от мобилизации в армию или участвовали в вооруженном гражданском противостоянии, которое еще продолжалось. Многие офицеры, служившие в белой армии, были заключены в лагерях с формулировкой «до окончания гражданской войны». Им было предложено вступить в ряды Красной армии, получив тем самым свободу.

Впрочем, некоторые воспользовались возможностью получить свободу, чтобы вернуться к борьбе с ненавистными большевиками.

Массовые расстрелы, которым были подвергнуты пленные офицеры, находившиеся в северных лагерях и не согласившиеся вступить в Красную армию (или не принятые в нее «по происхождению» и другим причинам), косвенно также были связаны с событиями Польской войны. Подобные действия против них были предприняты, возможно, из опасения, что те подни-

¹ «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились»: воззвание // Правда. 1920. 30 мая.

мут восстание, поскольку население летом 1920 года «ждало англичан»¹, а охранявшие лагерь красноармейские части были ослаблены постоянными мобилизациями «на Польский фронт»².

Однако немало офицеров честно выполняли свой долг перед Родиной. С другой стороны, неблагоприятно вели себя некоторые «партийцы», стремясь любыми способами уйти от мобилизации в армию. Один из таких предпочел отправиться в лагерь принудительных работ, согласившись на опубликование своего имени в газете как «труса», лишь бы не воевать³. И подобных случаев, судя по партийным документам того времени, было немало.

Формирование боевых частей из жителей одной местности, имевшее положительное значение для Красной армии в годы Гражданской войны, обернулось совершенно другой стороной, когда красноармейцев стали направлять на западные границы. Так, переброшенные с Северного фронта и состоящие в основном из жителей Архангельской губернии части выражали недовольство, передвигаясь по губерниям, где мужчины, напротив, возвращались по домам с фронтов Гражданской войны. По свидетельству поручика Г.А. Мухина, «из 250 человек, отправленных из Архангельска на Польский фронт, до Вологды дошли человек 35 - остальные разбежались»⁴.

Напряжение в частях, сыгравшее, возможно, не последнюю роль в событиях Польской кампании, создавалось тем, что на фронте пришлось воевать в одном строю со вчерашними врагами. Новые части были набраны как из красноармейцев, так и из распущенных после окончания боевых действий, а в связи с началом Польской войны вновь мобилизованных белогвардейцев. Командирами нередко становились бывшие офицеры из не участвовавших в Гражданской войне, и даже бывшие офицеры белой армии.

Поражение в боях, а затем пребывание в плену показало, «кто есть кто». Даже «проверенные в боях товарищи» на проверку оказались не большими

¹ Подобные слухи не были безосновательными. Известно, что 4 августа 1920 г. Англия объявила о возобновлении блокады Советской России и ввела для устрашения часть своего флота в Балтийское море. (См.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. 1917-1939 гг. М., 1967. С. 120-121).

² Такой вывод сделан автором на основании анализа ряда документов, хранившихся под грифом «секретно». Так, в Докладе секретно-оперативной части ОРТЧК Архангельского порта отмечалось, что в Холмогорском лагере (в котором находилось несколько сотен пленных белогвардейских офицеров) была проведена «операция»: «Операция проводилась не вполне аккуратно, на основании чего носят нелепые слухи. ... В Ухтоостровской и Куростровской волостях [Холмогорского уезда] расположены военные части..., солдаты – большинство из врангелевской и деникинской армий, ведут агитацию против советской власти – якобы, с наступлением навигации придут англичане, будет переворот и т.п.» (ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л.121)

³ ГААО. Ф. 2617. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.

⁴ ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1 Д. 3. Л. 64.

патриотами социалистического Отечества. Так, во время отступления «взводный командир Курочкин сорвал с себя коммунистический значок и сказал: кто, ребята, со мной?», отправившись с немногочисленными последователями в плен¹.

*

Итак, вопрос укомплектования красноармейских частей комсоставом решался путем привлечения в Красную армию бывших царских офицеров, и даже плененных белогвардейских офицеров («В настоящее время источник пополнения один – бывшее офицерство без различия годности или негодности к строевой службе: все они пригодятся на фронте»²). В частях на Польском фронте примерно пятая часть комсостава были бывшие офицеры. Так, в направляемых с только что ликвидированного Северного фронта частях были офицеры, которых собственные солдаты во время «переворота» брали «на поруки»³, что не могло не влиять на их психологическую зависимость от собственных подчиненных. Призыв генерала Брусилова был рассчитан на патриотизм русских офицеров. Однако следует учесть, что к 1920 году русское офицерство было уже измотано братоубийственной Гражданской войной, изморожено репрессиями, которые с 1917 года постоянно сыпались на них и на их близких, измучено бытовыми проблемами... Очевидно, немалая часть отозвавшихся на призыв Брусилова и других находившихся на службе Советской России генералов руководствовались личными мотивами. К тому же отношение к ним в Красной армии было не самым лучшим⁴. Поэтому на Польском фронте были случаи переходов на сторону неприятеля, дезертирство, неприязненное отношение к службе⁵.

Вторым источником пополнения недостающего комсостава были выпускники краткосрочных курсов красных командиров. По свидетельству инспектора РВС⁶, «красный командир, окончивший советские курсы, на должностях младшего комсостава расценивается значительно ниже, нежели [специалисты] старой армии с боевым опытом и подготовкой бригадных учебных

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591 (Турыгин Я.А. Ук. соч.)

² РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 538 (Планы и соображения по наступлению и обороне. 1920 г.) Л. 5

³ Об этом - в воспоминаниях красноармейца: *Алексеев А.Д.* 156 стр. полк 18 дивизии в боях на Польском фронте: воспоминания (1963-1965). Л. 8-10 (ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882)

⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 353. Л. 171-175 (Из перлюстрированного письма с Польского фронта: «В нашем полку ротные все старые офицеры, а комиссар ими распоряжается как хочет»)

⁵ РГВА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 58. (Переписка о дезертирах и лицах, перешедших на сторону противника) Л. 26 (Списки комсостава, совершивших дезертирство).

⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2438 (Сведения о состоянии частей. 1920 г.) Л. 113-115 (Рапорт инспектора артиллерии Биранова в РВС республики. Июнь 1920 г.)

команд. ... Подготовка вообще крайне слабая, к замещению должностей негодны. ... Красные командиры не имеют поэтому должного авторитета у красноармейцев, и многие из них, сознавая это, стремятся уйти из строя на политические должности. Те же из них, которые не признают неудовлетворительности своей подготовки и своего личного и служебного несоответствия, или не желают этого признавать, считая создавшееся для них неблагоприятное служебное положение актом несправедливости, занимают враждебное положение по отношению к комсоставу из кадровых офицеров, на которых в действительности и ложится главная тяжесть боевой работы в настоящее время. Подобное положение и нахождение лиц комсостава одной и той же части в состоянии антагонизма наносит серьезный ущерб делу службы».

Инспектор рекомендовал «изменить направление политической подготовки [красных командиров] в том направлении, что кадровые офицеры старой армии, состоящие ныне на командных должностях Красной армии, не

есть их враги, что ... вновь выпускаемые красные командиры под их руководством должны совершенствоваться, чтобы получить необходимые знания и служебный опыт для того, чтобы впоследствии их заменить».

Итак, воинские части на Польском фронте пополнялись за счет переброски подразделений с других фронтов, например, с Северного и Северо-Западного, в связи с победоносным окончанием боевых действий, или временно прекратив там активные операции (Кавказский фронт). Некомплект воинских частей ликвидировался за счет дезертиров и срочно мобилизованных различными путями людей. Широко практиковались партийные мобилизации, однако выяснилось, что «партийцы» нередко готовы отказаться от партбилета, лишь бы не отправляться на фронт.

Такое пополнение не радовало командование, осознававшее, что ведение войны с хорошо отмобилизованной армией, подготовленной к регулярным маневренным боевым действиям, требует особой дисциплины и подготовки состава. «В смысле людского материала» - сложность была не только в малочисленности пополнения, но и в его «качестве» и подготовленности: «слабость строевой и тактической подготовки, расхлябанность комсостава и низкий уровень дисциплины...»¹. Многих командиров особенно беспокоила не-

¹ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 538. (Планы и соображения по наступлению и обороне. 1920 г.) Л. 5

надежность бывших белогвардейцев, мобилизованных в связи с Польской войной в Красную армию. Уже при направлении маршевых рот отмечалось их массовое бегство; на фронте были случаи перехода к неприятелю как отдельных бойцов и командиров, так и целых частей¹.

Впрочем, некоторых харизматических командиров не испугивало «белогвардейское прошлое» солдат. Судя по воспоминаниям, Г. Гай брал бывших белоказаков и вливал их в свой корпус целыми «сотнями»: «Попавшие в плен под Новороссийском донцы были разоружены... после соответствующей «обработки» вновь вооружили, влили в состав Красной армии, ...отправили на Польский фронт... Сдавшихся кубанцев также “перековывали” и отправляли на Польский фронт. Некоторые воевали так добросовестно, что получали награды. Охотно принимал кубанцев в свой 3-й конный корпус Гай; почти вся 15-ая дивизия... была укомплектована из кубанцев»².

Следует осознавать, что оказавшись на положении «чужих» подобные «бывшие белогвардейцы» могли сражаться только из чувства глубокой преданности своему командиру, как было в случае «донцев» и «кубанцев», входивших в корпус Гая. Впоследствии они за ним перешли границу с Германией и интернировались; полностью подчинялись ему в условиях лагерной жизни; а тот в свою очередь, пользуясь предоставленными ему советским правительством правами как ответственного работника Отдела интернированных войск Красной армии, постарался уже осенью 1920 года вывезти своих верных конников в Россию.

*

Еще одной особенностью Красной армии, наступавшей на Польском фронте, была ее многонациональность. Вот как описывал корреспондент эмигрантской газеты интернированных красноармейцев: «по национальному составу – это пестрая картина: китайцы, татары, турецкие подданные, латыши, эстонцы, финны, немцы и венгерцы (большинство военнопленные, хорошо говорящие по-русски) – десятки и сотни каждой национальности»³.

¹ Так, прибывшей на пополнение кавалерийского корпуса бригады полк в полном составе перешел на сторону противника. (РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 487. Л. 342-343.)

² А. Терский. Белые у красных // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 5 сент.

³ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим. От нашего специального корреспондента // Воля России (Прага). 1921. 13 февр.

Обращалось внимание и на присутствие в армии российских «инородцев»: «...около 50 чел подошло к пограничному посту, между ними четыре китайца и черкеса» (Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920. 25 авг.)

При этом, как пишет корреспондент эмигрантской газеты, «утверждения, что все командные места в красной армии заняты исключительно евреями, сильно преувеличены. Из четырех комиссаров, с которыми я разговаривал, только один был еврей». (Интернированные советские войска в Германии // Голос России. 1920. 7 сент.)

В связи с тем, что военные действия происходили в Западной Европе, в Красной армии была попытка сформировать немецкие и польские части – как ядро будущих «красных армий» Польши и Германии. Их стремились создать из красноармейцев соответствующих национальностей.

В «Польскую армию» вербовали пленных и поляков-красноармейцев. Организовать армию не удалось, поэтому стали создавать отдельные польские части. Предполагалось, что после заключения мира некоторые из них вернутся в Польшу и станут там «агентами влияния». Следует отметить, что поляки-красноармейцы неохотно переходили в национальные подразделения, предпочитая воевать в обычных частях¹. Попасть в плен «к своим» полякам было особенно страшно².

Немцы, напротив, вступали в Красную армию вполне осознанно. Среди них было немало тех, кто стремился освободить от «захватчиков-поляков» свою родину (имеется в виду юго-восточные германские земли, переданные по решению Парижской конференции Польше). При продвижении Красной армии к германской границе они «небольшими группами и в одиночку» начали переходить через границу на территорию, контролируемую Красной армией. В частности, об этом упоминает в своей биографической повести немецкий коммунист Людвиг Турек: «В 1920 г. пошли с товарищем на помощь советской армии, воевавшей с Польшей, попали в плен к литовцам...»³.

Это был, конечно, не плен, а задержание. Дело в том, что литовское правительство подвергалось нападкам со стороны Польши, что через их территорию из Германии приходят желающие вступить в Красную армию, поэтому литовцы стремились всех подозрительных молодых немцев помещать в лагерь интернированных, а затем передавать немецким властям.

Немецкие перебежчики «частью вступали в Красную армию, а частью слонялись без военного дела по фронту», и 15 августа 1920 года был выпущен приказ об организации их в «Отдельную бригаду особого назначения», которая «создавалась на случай революции в Германии, когда она могла бы сыграть роль первой регулярной бригады в будущей Красной армии Германии». Для этого требовалась «усиленная политическая обработка, для чего были затребованы политработники из германской секции при РКП из Москвы»⁴.

¹ См.: РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26

² Врач Вербов в своих воспоминаниях описывал состояние комиссара-поляка, когда стало очевидно, что их часть окружена (*Вербов С.Ф.* «Даешь Варшаву!...» (из воспоминаний) // Русская мысль. 1967. 26 окт. С. 7)

³ *Турек Л.* Пролетарий рассказывает. Жизнеописание немецкого рабочего. М.; Л., 1931.

⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 93-94. (Доклад об Отдельной бригаде особого назначения по состоянию на 1 окт. 1920 г.)

По словам командира, «прибывающие [немецкие] добровольцы – благодатный материал. Средний возраст 23-24 года, до 80% обучены военному делу, многие с практикой прошлой войны. До 50% - бывший комсостав старой немецкой армии»; но «не то – политическая сторона дела. Большинство из рабочих, но только небольшой процент перешел к нам сознательно, влекомый в Советскую Россию классовым чутьем. В большинстве это авантюристы, которые при отсутствии заработков на родине ушли в незнакомую Россию в поисках приключений. В массе при переходе на нашу сторону были заражены духом керенщины. Так, требовали выборного начала, а потому с первых шагов потребовалась железная дисциплина»¹.

Немецкую бригаду создать не удалось, поскольку большинство немцев находились в частях, которые вели боевые действия на северном участке фронта и интернировались с остатками этих частей в Восточной Пруссии. Из различных свидетельств известно, что поляки немцев в плен не брали, убивая на месте. Германское правительство в самый ответственный момент Советско-польского военного конфликта, объявив о нейтралитете, обратилось к своим гражданам с предостережением не поддаваться на обещания различных вербовщиков²; осуществлялись и «решительные меры против вербовщиков и вербовочных бюро». По заявлению литовцев, среди немцев, переходивших через территорию Литвы через советскую границу «нет представителей германского ополчения, это искатели приключений, часть которых выслана обратно. [Германское] правительство не производит никаких вербовок»³.

¹ Там же.

² См.: Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920. 23 июля; Время (Берлин). 1920. 2, 23 авг.

Надо сказать, что переходы немцев через территорию Литвы продолжались на протяжении всей Советско-польской войны: «14 октября [1920 г.] через границу перешел невооруженный отряд в 190 человек и 2 офицера. 15 октября – 300 человек и 3 офицера. Отдельными лицами – 150 чел. Вооруженные отряды не переходили. (К переходам немецкими отрядами прусско-литовской границы // Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920. 29 окт.)

³ К переходам немецкими отрядами прусско-литовской границы...

II

«Большевики идут!»

В воспоминаниях присутствует информация, что оказавшиеся на Польском фронте «красноармейцы были преисполнены энтузиазма. Всюду слышалось слово “Варшава”»¹. Например, переброшенные после «ликвидации Пинежского направления» (в ноябре 1919 г.) на охра-

ну финляндской границы красноармейцы были этим недовольны и «просились в бой»². Подобная активность была вызвана, скорее всего, желанием получить трофеи. Дело в том, что этой части, вхо-

Вступление красноармейских частей в Киев

дившей в 54 дивизию

VI армии³, не удалось принять участие во взятии Архангельска, когда не только отдельные командиры и красноармейцы, но целые воинские подразделения были обмундированы в «белогвардейское» и «английское», имели трофейное вооружение и снаряжение. Даже обмундирова-

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (Рябов П. Ук. соч.)

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (Прялухин Ф.А. Бойцы Северного фронта на Западном фронте [и в Германии]: воспоминания, 1928 г.) Л. 6.

³ 54 стрелковая дивизия (командир В.Д. Цветаев) была сформирована приказами по 6 армии Северного фронта от 7 и 13 августа 1919 г.; оперировала в районах рек Северная Двина, Пинега Вага; принимала участие в освобождении от белогвардейцев городов Холмогоры, Пинега. Весной 1920 г. направлена на Западный (Польский); принимала участие в июльской 1920 г. операции (наступление на Гродно, взятие ст. Глубокое), в Варшавской операции (бои за крепость Модлин). В результате отступления части дивизии перешли границу Восточной Пруссии и были интернированы.

Дивизия расформирована приказом по Западному фронту № 2104 от 17 сент. 1920 г. Сохранившиеся части были переданы на укомплектование 18 стр. дивизии; туда же направлялись возвращающиеся из польского плена и из германских лагерей военнослужащие бывшей 54 дивизии.

ны красноармейцы, направляемые с Северного фронта, были в трофейную форму¹. По воспоминаниям связиста А.Д. Алексеева, их «непривычная форма обмундирования на вокзалах и всюду привлекала много публики. По внешнему виду солдаты напоминали иностранцев, у большинства на плечах зеленые френчики и такие же фуражки чужого фасона, в то же время у многих на грудях красные банты и у всех на фуражках яркие красноармейские звездочки»². (Между прочим, уже на фронте такая форма спасла Алексееву и его товарищам-связистам жизнь. Они тянули телефонный провод и случайно оказались в расположении противника. Те приняли их за своих, обмундированных в английскую форму, и огонь открывать не стали).

От многого (швейных машинок, граммофонов и других предметов невоенного назначения) красноармейцы вынуждены были избавиться, отправляясь на Западный фронт. Там «зажиточные», отягощенные трофеями части были лишены и другого «излишнего имущества»; им было предложено поделиться обмундированием, вооружением и запасами продовольствия с другими частями³.

Красная Армия входит в немецкий город Зольдау, отошедший по Версальскому договору к Польше.

Источник:

<http://mail.antclub.ru/forum/?showtopic=2799>

Как бы то ни было, успешные боевые действия предполагали наступление, взятие городов, что в глазах красноармейцев означало трофеи, хорошую пищу, комфортный отдых. По словам участника этого похода, «еще стоя на месте, когда только поднимался вопрос о наступлении, все чины армии, начиная с власть имущих “коммунистов” и кончая последним крас-

ноармейцем, смотрели на предстоящий поход как на средство к обогащению. ... в Польше можно будет “поднажиться”. ... Само начальство разжигало страсти, говоря, что у польских солдат великолепное ан-

¹ Один из героев автобиографической повести М. Машары был «в наброшенной на плечи английской плащ-палатке из трофеев Северного фронта с натянутым на голову капюшоном» (*Машара М. Шел двадцатый год... С. 130*).

² ГААО. ОДПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. (*Алексеев А.Д. Воспоминания, 1963-1965*) Л. 2, 29.

³ ГААО Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.162. Л. 2-5 (*Едошин А. О краткой истории 156 краснознаменного полка 18 стрелковой дивизии*)

глейское обмундирование, следовательно, можно будет хорошо одеться, а у жителей много добра – можно подзаработать»¹.

Используя подобное настроение бойцов, а возможно, не имея возможности ему противостоять, командование начало наступление без достаточного укрепления тылов. Первый результат был ожидаемый: «в руки красных достались богатые трофеи и пленные». В воспоминаниях красноармейцев о походе по Польше присутствует «привольная жизнь фронта, там мы ели свининку, гусятинку да фрукты»², «отдыхали в садах, ели хлеб с медом»³. После первых успехов «товарищи красноармейцы еще больше воодушевились и рвались дальше»⁴.

Впрочем, в письмах красноармейцев цензорами отмечалось наличие жалоб на плохое продовольственное обеспечение; солдаты жаловались родным, что они здесь буквально голодают. Возможно, это было некоторое преувеличение с целью вызвать жалость, а возможно, и получить «посылочку» из дому. В отдельных письмах присутствует, напротив, удовлетворение своим положением: «Жить здесь очень хорошо. Мы в праздничные дни [на Пасху] ели сыр, колбасу, сало, шпик, масло, а молоком хоть залейся. Ходим к крестьянам и едим вволю, а если не приходим, то они сами приносят нам молока и другие продукты. Если бы не поляки, то жизнь как в раю».

Вообще, сведения о помощи со стороны местных (белорусских, немецких) крестьян присутствуют во многих красноармейских письмах: «Крестьяне хорошие. Если бы на одном пайке, можно было бы с ума сойти. Приварка никакого»⁵. Возможно, продовольствие крестьяне предоставляли в обмен на какие-то солдатские вещи или на «николаевские» деньги, которые продолжали вызывать у населения бывшей Российской Империи доверие. Однако сведений об этом в документах не сохранилось.

Красную армию встречали как освободительницу не случайно. На территориях, занятых польской армией, происходил самый жестокий террор местного населения. По свидетельству младшего командира

¹ Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9 дек.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 7, 7об.

³ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 49. Л. 9-10.

⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. Л. 6. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 7об.

⁵ РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 353. Л. 171-175 (Доклады военкомов о политикоморальном состоянии частей). Л. 171-175

Ф.А. Прялухина, во взятом их частью Белостоке¹ прямо на улицах «валялись» трупы расстрелянных мирных жителей, «и как видно, более всего пострадали евреи, ибо большинство трупов оказались этой нации»². Иностранная пресса сообщала, что «в Хожеле польские войска перебили большую часть населения, в основном евреев»³.

*Жертвы резни еврейского населения. Польша, 1919-1920 гг.
Источник: <http://www.sandronic.ru/e/3038085-legend-a-o-shevchikah-leonid-zapadenko-chast-v>*

Решительное наступление в отрыве от обозов создало сложности не только для наступающей армии, но и для местного населения, которое первоначально встретило красных с воодушевлением: «по вступлении наших частей [в Бело-

сток] жители вначале относились сочувственно и радостно нас встречали, но когда по распоряжению командования необходимо было запасть ... для фронта фуражом ... и продовольствием, и когда начали проводить реквизицию скота, то части населения, преимущественно зажиточной, это не понравилось, ... со стороны зажиточных евреев заметно было сильное негодование, а некоторые даже оказывали вооруженное сопротивление и, конечно, за это некоторые поплатились своей жизнью»⁴.

Наступающим армиям не оставалось ничего иного, как заняться «самообеспечением», то есть реквизициями в привычных уже в Совет-

¹ Белосток – город на северо-востоке Польши. В 1918-1920 гг. был «яблоком раздора» между Белоруссией, Литвой, Польшей. 28 июля 1920 г. взят частями Красной армии; стал своеобразной «коммунистической столицей» Польши. Впоследствии был отвоеван польской армией.

² ГААО. ОДПСИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 1-11. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.)

О «бесчинствах» польских солдат на территориях, населенных белорусами и евреями, присутствует и в так называемых «офицерских приказах», выпускаемых в польской армии: «грабежи, воровство, отбирание лошадей и скота у населения явления обыденные». Отмечаются «жалобы [населения] на бестактное поведение великопольских солдат... Совершенно насилие над гражданским население г. Барановичи и грабеж ресторана, мясных лавок и склада часовых дел мастера...».

В отношении случаев жестокостей по отношению именно к еврейскому населению, указывается, что «еврейский вопрос нельзя решить избиением евреев и обрезанием бород» (РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2418 Приказы и приказания по Бело-польским войскам за 1920 г. Л. 89, 109).

³ Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920. 27 авг.

⁴ ГААО. ОДПСИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 1-11. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.)

ской России формах «разверсток». Старались реквизиции осуществлять у классовых врагов – польских помещиков. При этом, по сложившейся традиции, часть имущества раздавали «беднейшим крестьянам».

Но доставалось от таких реквизиций не только помещикам. «Для реквизиции скота, зерна, фуража и всего необходимого при всех частях, начиная с роты, имелись представители продкомидва (*дивизионная продовольственная комиссия - Т.Т.*). Хлеб и скот главным образом брали из имений, особенно из брошенных. Сгоняли крестьян для сбора хлеба. В городах реквизировали хлебопекарни и пекли хлеб. Скот реквизировали у кого попало, платя дешево - 1-1,2 тысячи за старую корову и 50-60 рублей за хорошо откормленную свинью»¹.

Вот как описывал происходившее служивший в Красной армии бывший белый офицер: «Вся интеллигенция и помещики в Литве и Польше спасались бегством. Я не видел ни одного имения, где бы помещики не выехали, забрав с собой все ценное. Наши войска, занимая усадьбы, все ценное забирали с собой или уничтожали, а домашнюю утварь раздавали окрестным крестьянам....

Крестьяне Литвы сначала встречали Красную армию как освободителей от польского гнета. Когда голодные красноармейцы начали хозяйничать в их огородах, когда после прохода каждой части стало уменьшаться количество кур, гусей и свиней, крестьянские симпатии в конце концов остыли.

Население Польши, напротив, сразу встретило Красную армию враждебно, и это чувство под влиянием – “шалостей” красноармейцев усилилось. В результате, во время отступления крестьяне вооружались чем попало и стремились навредить...

Еврейское население выражало даже радость. Но так как именно ими в местечках приходилось главным образом терпеть материальные убытки, т.к. торговля находилась в их руках, то быстро сменила свое восторженное настроение на страх перед победителями»².

Командование пыталось ограничить самовольные реквизиции, попросту говоря грабежи. Формально дисциплина в Красной армии была жесткая; за грабежи наказывали вплоть до расстрела. Но эти строгости не распространялись на командиров и штабных, которых нередко со-

¹ [N] Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9 дек.

² [N] Наступление на Польшу... //Воля России. 1920. 10 дек.

проводжали челны семьи (жены, дети, престарелые родители), и их также надо было обеспечивать всем необходимым. Уже в лагере один из бывших офицеров, вынужденно, по его словам, служивший в Красной армии, возмущался, что на его глазах комиссар, который «сам имел

*Хаджи-Мурат Уариевич
Дзарахохов (1975-1945).
Фото 1930-х гг.*

В Первую мировую войну служил в Осетинском полку Дикой дивизии. В период «Корниловского мятежа» с отрядом конников перешел на сторону советской власти. Принимал участие в событиях Гражданской войны на Северном (Архангельском) фронте. С августа 1920 г. - командир отдельного кавалерийского дивизиона в составе корпуса Г.Д. Гая.

краденые овечье одеяло и самовар», приказал расстрелять «за кражу одного поросенка двух голодных красноармейцев», что было вынужденной мерой самообеспечения в условиях плохого снабжения армии¹.

Разумеется, «за мародерство» наказывали и командиров, если они «попадались» вышестоящим начальникам. Но обычно им все же сходило с рук. Такое попустительское подталкивало и красноармейцев на неподобающее поведение. Так, солдаты «ста-

ли рыть молодой картофель и в имениях у помещиков забирать поросят. Командование заметило такие вещи и на большом собрании командир полка Нечаев строго запретил этим заниматься», при этом в самом штабе «едят свинину польских панов». Глядя на них, и связисты «тяпнули солидного поросенка в каком-то имении. На собрании один из красноармейцев задал вопрос: почему вы, тов. Нечаев, не запрещаете это делать телефонистам? Неча-

ев пообещал разобраться. Говорит [нам]: съели поросеночка, дак помалкиваете. Фактически дело касалось не одного поросеночка...»².

Политработникам казалось, что население, прежде всего восточных польских земель (белорусское, литовское, немецкое и прежде всего еврейское), подвергавшееся со стороны поляков религиозному и национальному гнету, а во время войны еще и жестокому обращению, безусловно, будет поддерживать Красную армию.

Однако местное население не могла не возмущать и жестокости красноармейцев, которые вели себя с пленными и с «недружествен-

¹ РГНФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 184 Л. Л. 90.

² ГААО. ОДПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. (Алексеев А.Д. Ук. соч.)

ным» населением часто не лучше, чем поляки. «Привыкнув к гражданской войне, красноармейцы, особенно казаки не брали пленных, добывая даже раненых»¹. Политработник М.И. Коротких писал в своих воспоминаниях о жестокостях по отношению к пленным полякам: «...видим, валяются убитые поляки, валяются каски, сумки солдатские, ...за домом у стены лежат раненые поляки и слезно просят оставить их жить. Подошли ближе, выясняем, что произошло. Наши кавалеристы поясняют, что поляки раненые лежат и стреляют в кавалеристов еще и после боя. А раненые поляки отрицают стрельбу, просят, чтобы живыми не закапывали в землю: “Лучше сначала убейте нас...”. Причем могилы копают этого же города жители, их это делать заставили наши кавалеристы. В это дело мы вмешались, говорим кавалеристам: “Мы же Красная Армия, пришли в Польшу освободить рабочих и крестьян от польских панов и иностранной интервенции и это нам надо показать на деле, простых людей-тружеников не трогать, закапывать тех, кто настраивает армию и население против Красной Армии”. Обещали нам, что не будут закапывать, а направят в лазарет. Мы спешили и не знаем, как поступили казаки»².

Негативное отношение к красноармейцам со стороны мирных жителей особенно сказалось во время отступления в августе 1920 года, когда польский президент Пилсудский обратился к населению с призывом не дать уйти с польской земли ни одному оставшемуся в окружении красноармейцу³.

Так, в городе Млавы, где отступающие красные части «намерены были отдохнуть и привести себя в порядок для дальнейшего сопротивления неприятелю», они столкнулись с враждебным отношением жителей. Против красных был устроен настоящий террор: конница Хаджи-Мурата Дзарахохова (командира конного отряда на Северном фронте, который прославился не только смелостью, но и жестокостью к врагу), «проезжая по городу для проверки наличия неприятеля в городе, в одной из улиц была обстреляна». Выстрелы раздавались из окон почти каждого дома. «Из чердака одного дома был даже замечен пулеметный

¹ [N] Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9 дек.

² Коротких М.И. Воспоминания (1966 г.) URL: <http://www.onegaonline.ru/biblio/see.asp?kod=312>

³ Пученков А. “Даешь Варшаву”, или “Чудо на Висле”: О советско-польской войне 1920 года. URL: <http://www.regnum.ru/news/1410265.html>

огонь», которым был убит командир взвода. «Видя это, конница уже церемониться не стала... Хаджи-Мурат решил во что бы то ни стало отомстить. Дом, из которого раздался выстрел, окружили, и несколько товарищей-кавказцев, сойдя с лошадей, ворвались в дом, подвергли его повальному обыску и на чердаке обнаружили засаду с пулеметом». Возглавлявший засаду «старый еврей лет 50-ти ... при задержании крепко держался за ручку пулемета. Но кавалеристы, оттянув его от пулемета, со всей яростью выбросили его с пулеметом в слуховое окно на улицу. Еврей, упавши на замощенную камнем улицу, разбился насмерть. Так кавказцы расправились за смерть своего товарища»¹.

Со своей стороны, польские командиры «с воодушевлением рассказывали, как все местное население спешит к нам на помощь. Если какая-нибудь незначительная группа противника оказывает сопротивление, то бабы с серпами и мужики с вилами чуть ли не рвутся в [польскую] атаковую цепь»².

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 5об.

² Пилсудский Ю. Война 1920 года // М. Тухачевский. Поход за Вислу. - Ю. Пилсудский. Война 1920 года. - М.: Новости, 1992. - С. 241.

III

«Русские не сдаются!»

Итак, Красная армия, ведя войну против захватнических действий Польши, представляла собой в политическом плане интернационалистскую армию, дополненную, однако, подготовленными военными служащими, не разделявшими этой политической идеологии. Внутри армейских подразделений – между «спецами» и «краскомами», между «идейными» красноармейцами Гражданской войны (прежде всего коммунистами) и принудительно мобилизованными, в том числе бывшими белоармейцами, - существовало напряжение, и оно впоследствии с особой силой проявилось во время интернирования в Германии.

*Командир полка С.Н. Смелков.
Фото 1919 г.*

При этом общее настроение было, по выражению М.Н. Тухачевского, «приподнятое»¹. Армия первое время совершала победоносное наступление. «Пять недель продолжалось наше безостановочное наступление, пять недель стремились мы найти живую силу врага, для того, чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу. Пять недель белополяки неизменно уклонялись от решительного столкновения»².

Наступление было настолько стремительным, что у старых фронтовиков стало вызывать сомнение. Как отмечалось в предыдущей главе, отрыв от баз снабжения вынуждал красноармейцев заниматься продовольственным «самообеспечением», вызывая недовольство местного населения. А во время военных действий все чаще возникали ситуации, когда ведущим успешные бои частям не успевали подвезти боеприпасы или прислать подкрепление.

Общее настроение ведущей, казалось бы, победоносное наступление армии передал в своих воспоминаниях доктор С.Ф. Вербов: «Не-

¹ Тухачевский М.Н. Поход на Вислу // М. Тухачевский. Поход за Вислу. - Ю. Пилсудский. Война 1920 года. М.: Новости, 1992. С. 46.

² Тухачевский М.Н. Ук. соч., С. 78-79

смотря на каждодневные победы, авантюрный характер продвижения чувствовался всеми, и по мере углубления в Польшу дух армии заметно снижался. Боевой ключ “даешь Варшаву!”, столь популярный в начале похода, звучал все менее победно и еще менее убедительно по мере приближения к цели»¹. Согласно другому свидетельству, «у красноармейцев [были] мысли, что поляки отступают, чтобы заманить в ловушку. [Присутствовали] пессимистические настроения, ожидание сюрпризов...»².

Младший командир переброшенного с Северного фронта полка объяснял изменения настроений красноармейцев так: «раньше подразделения полка... не принимали участия в маневренной войне на широком фронте, не было опыта, [поэтому здесь] боялись обходов, фланговых ударов...»³

По мнению политкомиссара одной из бригад корпуса Гая, дававшего пояснения сотруднику Реввоенсовета о «пленении корпуса», поляки специально устроили такую ловушку: «тов. Гай, увлеченный движением вперед, не заметил, что его умышленно загоняли в коридор, да-

Польские и советские пропагандистские плакаты периода Советско-польской войны

вая ему проходить без боев по 60 км в сутки»⁴. (Впрочем, Ю. Пилсудский о каких-то особых тактических расчетах ничего не писал).

Итак, оторванные от тылов, встречая негативное отношение мирного населения, красноармейские части стали тер-

петь поражение. Рваная линия фронта, плохая связь, и в результате это-

¹ Вербов С.Ф. «Даешь Варшаву!...» (из воспоминаний) // Русская мысль (Париж). 1967. 26 окт. С. 7

² [N] Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии // Воля России. 1920. 9 дек.

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.162. (Едошин А. Воспоминания).

⁴ Орловский С. Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 109

го отсутствие нормальной координации между частями, привели к тому, что небольшой, казалось бы, прорыв, устроенный польской армией, привел к отступлению¹, которое вскоре приобрело формы панического бегства.

Под городом Цеханов полк, возглавляемый боевым командиром Смелковым², вынужден был отступить: «несмотря на ряд принятых мер, положение восстановить не удалось, понеся громадные потери людьми, [красноармейцы] обратились в бегство». Полк оказался разрезан польскими частями; сам командир, пытаясь прорвать окружение, погиб или попал в плен.

Тыловые части под артиллерийским огнем были «окончательно обращены в панику и покидали все обозы». Возницы из мобилизованных местных крестьян, «видя это, окончательно растерялись и, покидав своих лошадей, бросились кто куда»³. «Мы оказались в окружении со всех сторон... Ждали победы, и такое сообщение на нас подействовало как гром с ясного неба...»⁴.

Оказавшимся в «капкане» красноармейским частям было приказано двигаться к польскому городу Августов, и собравшись там, в «августовских лесах», идти на прорыв.

Движение многочисленных частей к Августову превратилось в «поистине паническое отступление... Оставшиеся в живых собрались вместе, нестрелковые части ...соединились с боевыми частями и продолжали отступление, но куда отступали и что ожидало впереди, никто не знал, не знало даже и наше командование, ибо всякий маршрут был нарушен, а враг все время преследовал и не давал покоя. Так продолжалось эти роковые дни и ночи...»⁵.

Уже 13 августа Пилсудский «видел перед собой, по сути, дела пустоту... немногочисленные группки», которые он «принял за партизанские отряды, разосланные по всей стране на поиски фуража, для реквизи-

¹ Тухачевский М.Н. Ук. соч., С. 78-79

² Смелков Сергей Николаевич, уроженец г. В. Устюг Вологодской губ., из семьи священнослужителя. В годы Первой мировой войны - младший офицер пехоты. В годы Гражданской войны – командир полка на Северном фронте. Проявил себя на Северном фронте против белых партизан и регулярных белогвардейских частей, за что был награжден орденом Красного Знамени. Пользовался любовью и уважением бойцов и командиров полка.

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 5, 5об.

⁴ Коротких М.И. Ук. соч.

⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 5.

зиций и грабежей»¹. Через несколько дней хаотическое отступление советских армий производило уже иное впечатление. 20 августа Пилсудский пишет военному министру: «То, что здесь творится, трудно себе даже представить. Ни по одной дороге нельзя проехать спокойно - столько здесь шляется по окрестностям разбитых и рассеянных, но также и организованных отрядов с пушками и пулеметами. Пока что с ними справляется местное население ...если бы не вооружившиеся крестьяне, то завтра или послезавтра окрестности Седлец², наверное, были бы во власти разбитых и рассеянных нами большевиков, а я с отрядами вооруженных жителей сидел бы в укрепленных городах»³.

Когда Пилсудский проезжал по местам боев, «местные жители... с воодушевлением рассказывали, как „большевики” в панике и беспорядке убегали в разные стороны», и не советовали главе государства ездить без охраны, поскольку «в окрестностях бродили группы „красных казаков”»⁴.

Большая часть красноармейцев рассеявшихся воинских частей были, по словам Пилсудского, «выловлены местными жителями, которые устраивали на них настоящую охоту»⁵. Свидетельства о жестокостях как регулярных польских частей, так и крестьянских «банд» присутствуют и в советских документах («Банды местных жителей... разоряют и грабят одиночно отступающих красноармейцев и подводы»⁶), а также в воспоминаниях. С. Вербов писал об убийстве раненых, отправленных обозом в госпиталь; были перебиты и медики⁷. В воспоминаниях бывших красноармейцев присутствует потрясшая их информация о враче, который при поспешном отступлении остался для оказания помощи раненым и был зарублен польскими кавалеристами.

По словам бывшего красного командира, «поляки [жестоко вырезают] всех, даже подводчиков», и приводит сведения, что при пленении

¹ Пилсудский Ю. Ук. соч. С.237.

² Город на востоке Польши.

³ Пилсудский Ю. Ук. соч. С. 269

⁴ Пилсудский Ю. Ук. соч. С.242.

⁵ Пилсудский Ю. Ук. соч. С. 257

⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 580 (оперативные сводки фронта)

⁷ В середине июня «большой транспорт раненых был отправлен мною в тыл..., в госпиталь, который в этот момент находился верстах в 200 от нас. Раненых сопровождали фельдшеры, которые должны были, естественно, вернуться назад. Долго не было о транспорте вестей. И вот один из фельдшеров предстался в ужасном, растерзанном виде и сообщил, что поляки захватили транспорт раненых, и он один лишь спасся». (Вербов С.Ф. «Даешь Варшаву!...» // Русская мысль. 1967. 26 окт. С. 7)

окруженных красных частей «было 6-7 тысяч убитых при сдаче»¹. Побывавший в польском плену политработник Плетюхин рассказывал, что они «отстреливались до последнего патрона. Поляки говорят: сдавайтесь, убивать не будем. [После сдачи] стали выискивать коммунистов и комиссаров» и убивать. Самого Плетюхина красноармейцы не выдали; из польского лагеря он неоднократно пытался бежать. Его «поймали польские крестьяне и выпороли плетьюми»; наконец ему удалось бежать и перебраться в Германию².

Неслучайно, таким образом, беспорядочное отступление красноармейцев сопровождалось страхом перед пленом. Были случаи, когда солдаты, не успевая за отступающими частями, прятались в стогах. Переждав день-два, пока польские войска продвинутся вперед, выбирались и с оружием пробирались к своим. Дальнейшая судьба таких окруженцев зависела от находчивости командиров. Так, «командир полка тов. Сливин сказал: товарищи, держитесь за мной, будем живы!». Приказав облить бензином трофейные автомобили и поджечь, он пустил их вперед, и при таком освещении красноармейцы стали продвигаться ночью по болотам. Однако этот хитроумный шаг позволил бойцам лишь объединиться с другими отступающими частями: «и так отступали до 25 августа»³.

В процессе отступления красноармейские части отодвигались к польско-германской границе. Была надежда выйти к границе с Литвой и, пользуясь попустительством местных властей⁴, через ее территорию направиться на соединения с частями Западного фронта, размещавшимся в Белоруссии.

¹ [N] Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии // Воля России. 1920. 9 дек.

² *Плетюхин*. Отрывки из дневника краскома. // В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. / Г. Гай. - М., 1932. - С. 63-68

Надо сказать, что в лагеря интернированных на территории Германии нередко помещали и таких, бежавших из польского плена.

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591 (*Турьгин Я.А.* Об участии на железнодорожном направлении и Польском фронте: воспоминания, 1932 г.)

⁴ Литовское правительство оправдывалось, что не имеет достаточно военных сил, чтобы организовать интернирование войск обеих враждующих армий, которые во время Советско-польского конфликта периодически переходили под давлением противника границу Литвы. (*Манкевич М.А.* Нарушила ли Литва нейтралитет в советско-польской войне? // Балтийские исследования. Вып. 5. Калининград: НЭТ, 2009. С. 9).

В частности, приводится пример, когда интернированный польский отряд, переждав опасность, вырвался через литовскую границу обратно в Польшу.

Пилсудский описывал «следы» отступающих армий: «пушки без упряжек и расчетов, брошенные в поле, огромное количество трупов людей и лошадей вдоль шоссе...»¹

Участник отходившего в направлении города Млавы 156 полка 18 стр. дивизии² также рисовал неприглядную картину широкомасштабного отступления: «Всюду на обочинах лежало всевозможное имущество. Местами по дороге обозы, опережая друг друга, шли в 3-4 ряда. Артиллеристы тяжелых орудий пробивали себе дорогу мощью своих лихих упряжек, усугубляя этим тяжелое положение. В канавах лежали мешки сахарного песка, риса, ящики консервов. Продукты немногих интересовали... Лежали какие-то архивы, а в другом месте живые бараны, положенные там с каким-то имуществом. До него уже ни у кого дела не было, господствовал хаос. ... Долгие изнурительные бои, отсутствие сна и нормального питания превратило людей в пассивных наблюдателей и безвольную массу»³.

Схожее описание дает и Г. Гай, чей корпус двигался по следам 18 дивизии: «Всюду были разбросаны подводы, коляски, автомобили, пишущие машинки, патроны, пулеметы. Попадались документы тыловых учреждений корпуса и пехотных дивизий, находились и сломанные денежные ящики и казенные кассы. По всему было видно, что по дороге в панике бежали как тыловые обозы, так и строевые части армии... Повсюду валялись трупы людей и лошадей, снаряды, повозки и пр. То и дело приходилось слезать с коней и расчищать дорогу. Пехота и обозы, тормозившие марш, заполняя деревни и все дороги, двигались по 2-3 версты в час»⁴.

¹ Пилсудский. Ук. соч. С. 242

² 18 стрелковая дивизия сформирована в декабре 1918 г. в составе 6 армии, в основном из направлявшихся на Северный фронт полков. Оперировала на Железнодорожном направлении. После ликвидации Северного фронта части дивизии направлены на границу с Финляндией, оттуда в апреле переведены на Польский фронт. Во время августовского отступления связь между частями дивизии была потеряна. Штаб вместе с начальником дивизии и несколько полков были интернированы в Германии, оставшиеся части смогли выйти из окружения. Из них, а также возвращавшихся из польского плена и из Германии красноармейцев 11 сентября 1920 г. началось новое формирование дивизии. Впоследствии направлена на Кавказский фронт². (РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 347 Л. 149-150 с об.; Ф. 1265 (Управление 18-й стрелковой дивизии). Оп. 1. Д. 606).

³ ГААО. ОДПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882 (Алексеев А.Д. 156 стр. полк 18 дивизии в боях на Польском фронте: воспоминания. 1963-1965) Л. 50

⁴ Гай Г.Д. На Варшаву! Действия 3 конного корпуса на западном фронте Июль-август 1920 г.: военно-исторический очерк. М.-Л., 1928. С. 227.

Получив сведения, что «пехотные полки совершенно разложены: голодные, босые, измученные, настроение крайне паническое, они разбрасывают казенное имущество, винтовки, пулеметы и разбегаются», Г. Гай лично пытался собрать пехоту; уговорами и угрозами ему удалось водворить некоторый порядок. Однако «дорога, представлявшая картину панического бегства, разлагающе действовала на проходящие части»¹.

Пока одни части отступали, другие продолжали сдерживать внезапно развившего наступление противника. Юзеф Пилсудский в своих воспоминаниях отдавал должное красноармейцам. Наступавшая на Варшаву 4-ая советская армия «своими прежними победами и силой боевого духа нагоняла такой страх, приковывала к себе такое пристальное внимание, что все силы, собранные под Варшавой ... были брошены на эту армию, чтобы окружить ее, опутать густой сетью и раздавить», но красноармейцы продолжали защищаться «как львы»².

Дорога, по которой шли отступающие части, тянулась вдоль немецкой границы, по территориям, перешедшим к Польше по решению Парижской мирной конференции. Население здесь с симпатией относились к Красной армии, но помочь им ничем не могли. Красноармейцы шли через разоренные войной селения, где невозможно было достать пропитание, а квартиры для ночлега приходилось брать «с боем». При этом регулярными были обстрелы и атаки польских частей.

По свидетельству дивизионного врача, шанс вырваться из окружения был только у хорошо организованных конников Гая («единство и строгий порядок отдельных частей сохраняли лишь казаки»). К ним он и «пристроился». По его словам, последовавший затем прорыв был похож на «героическую, а по существу страшную, звериную эпопею борьбы за жизнь окруженных... И горе пехоте, горе отстающим!...»³

Итак, части, которые не потеряли управления, отступали, но с боями, под артиллерийским огнем и воздушными бомбардировками. Красноармейцы были готовы сопротивляться и далее, однако не было ни боеприпасов, ни сил, чтобы защищаться. «Лошади и люди от голода

¹ Гай Г.Д. На Варшаву!.. С. 227.

² Пилсудский Ю. Ук. соч. С. 256-257.

³ Вербов С.Ф. «Даешь Варшаву!» // Русская мысль. 1967. 26 окт.

и бессонницы еле двигались»¹. Лошади были настолько измучены, что всадники тащили их за собой во время похода, а бой нередко вели, спешиваясь. По словам офицера, служившего в Красной армии, «мы были настолько изнурены, что больше совершенно не могли драться. Кавалерия спала на лошадях...»². В одном из воспоминаний присутствует сюжет, когда командиры в момент внезапного отступления не могли разбудить своего товарища, спавшего «мертвецким сном» после долгого, изнурительного перехода... Так и оставили его в деревне, которая вскоре была занята поляками.

...«Идти уже было некуда, оставалось либо сдаться полякам, либо перейти германскую границу»³.

А рядом – простиралась относительно благополучная, безопасная, гостеприимная немецкая земля! «Люди, посланные на разведку, очень часто обратно уже не возвращались. Все случаи перехода границ ментально становилась известны красноармейцам; их вера в прорыв и соединение с Красной армией катастрофически падала»; не помогали уже ни угрозы, ни убеждения и уговоры. «Несмотря на усиленный надзор, полки редели с каждым часом, переходя целыми сотнями границу, доверяя рассказам немецких пограничных солдат, что в Германии вся 15 армия живут хорошо и свободно»⁴.

Судьба подразделений на северном участке для командования Западного фронта долго оставалась неизвестной. Сведения получали от небольших групп и отдельных красноармейцев, которым удавалось просочиться сквозь линию фронта и добраться к своим. По свидетельствам командиров, после ночевки они нередко недосчитывали своих красноармейцев. Видимо, те сговаривались небольшими группами, считая, что так им будет легче перейти границу. Чаще всего это были пехотинцы, поскольку кавалеристы предпочитали держаться вместе,

¹ Гай Г.Д. На Варшаву!.. С. 228.

² См.: Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920.

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л.7.

⁴ Гай Г.Д. На Варшаву!... С. 227.

Такое дружелюбие к красноармейцам со стороны немецких пограничников подтверждается и другими источниками. По свидетельству бригадного комиссара из корпуса Г.Д. Гая, «когда мы вели бой в нейтральной зоне, то неоднократно наблюдались случаи, когда немецкие часовые стреляли по белополякам. В немецких газетах писали о нашей храбрости и выражали уверенность, что Польша будет раздавлена» (цит. по: Орловский С.Н. Великий год... С. 111)

понимая, что именно массой могут противостоять неприятелю¹. Однако опасность для окруженцев составляли не только регулярные польские войска, но и отряды местного населения (которых было принято называть бандитами), которые нападали на небольшие группы красноармейцев, грабили и нередко убивали их.

От добравшихся через линию фронтов окруженцев командование и получало первые сведения о переходе отдельных частей через границу. Согласно оперативной сводки от 25 августа, «по словам только что прибывшего в Гродно комполка-154 18 дивизии..., немцы, стоящие на границе, предлагали [...] переходить границу. Действительно, комполка 154 лично видел много винтовок и шашек, сложенных в порядке и охраняемых немецкими солдатами. Ввиду задержки из-за обозов и темноты часть красноармейцев рассеялась, видимо, перешла границу... Красноармейцы под впечатлением полученных сведений, пользуясь темнотой, постепенно рассеялись, видимо, решившись перейти границу»².

По свидетельству тех, кто одними из первых перешли границу, «оставшиеся в живых к полудню 19 августа дошли до г. Серпца, отсюда идти уже было некуда, оставалось либо сдаться полякам, либо перейти германскую границу. Но сдаться полякам не хотелось, решили лучше перейти границу, чем живыми попасть в плен. Для окончательного решения этого вопроса собрали совещание всех присутствующих, на котором ставился вопрос, как быть дальше. ...Совещание пришло к выводу избрать надежных лиц и делегировать их к немецкому начальнику пограничной стражи и просить через него находящееся в Германии наше Бюро военнопленных о принятии нас и разрешении перехода границы. ...Благодаря хорошей связи переговоры продолжались недолго, и в 3 часа того же дня делегация возвратилась с положительным для нас ответом. ...К этому же времени прибыли фронтовики из других направлений фронта, вероятно, оказавшиеся в таких же условиях. 22 августа... выстроившись походным порядком, направились к указанному немецкой пограничной стражей пункту, где ...для более регулярного перехода и сохранения полного порядка нас разбили на группы по родам ору-

¹ С. Ветров и сам Г. Гай сообщают, что конники несколькими кровопролитными атаками захватывали даже бронепоезда. Настоящей опасностью для них была лишь авиация, «поливавшая» сверху скопление кавалеристов из пулеметов.

² РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 580 (Оперативные сводки фронта) Л. 237.

жия. В первую очередь были пропущены артиллерия и кавалерия, затем пехота и все прочие команды»¹.

По словам Пилсудского, сначала 15 советская армия «оставила нам большое количество пленных, а немалая ее часть, измотанная и полностью потерявшая боеспособность, перешла границу с Восточной Пруссией и там позволила себя разоружить». Затем пришел черед и 4-й армии. Сначала ей удалось расчистить путь своей пехоте и обозам, разбив выставленные польские преграды. «Но было уже поздно. Ей уже преградили путь две [наши] дивизии... После короткого боя и неудачной попытки прорвать и эту преграду, 4-я советская армия отказалась от дальнейших действий, перешла границу Восточной Пруссии и сложила там оружие»².

Сам переход не всегда был простым. Так, в польский город Млаву, где остановились на отдых отступающие, внезапно, по железной дороге, ворвались поляки. Им удалось разрезать части Красной армии. Одни были уничтожены неприятелем или оказались в плену, другим удалось вырваться из окруженного города, но «польские цепи несколько раз преграждали нашим войскам путь... по скоплению наших войск в темноте несколько польских бронепоездов открыли огонь из орудий и пулеметов. Чего тут было, трудно представить... Казаки корпуса Гая, спасая наше положение, действовали удивительно самоотверженно и лихо – помогли нашим измученным усталым частям перебраться через [немецкую] границу»³. По другим воспоминаниям, когда «был прорван фронт на левом фланге нашей дивизии, поляки зашли к нам в тыл. Мы вынуждены были отступить. ... Маршруты для отступления с каждым днем увеличивались, а части были истощены переходом огромного расстояния от Западной Двины до Вислы. К назначенному числу мы не смогли подойти к Августову. Встал вопрос: попасть в плен к полякам или интернироваться в Германию. Предпочли последнее, и в ночь на 24 августа под г. Кольно мы перешли германскую границу...»⁴.

Вечером 25 августа пришло время и «остаткам доблестного 3 конного корпуса», которые, «измученные и голодные после 5-дневных упорных боев и прорывов, ... собрались на небольшой поляне на гра-

¹ ГААО. ОДПСИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (*Прялухин Ф.А.* Ук. соч.) Л. 7

² *Пилсудский Ю.* Указ. соч. С. 256-257

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. (*Алексеев А.Д.* Ук. соч.) Л. 50.

⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (*П. Рябов.* Онежане на фронте. Из жизни интернированных в Германии: воспоминания, 1924-1927 гг.) Л. 33-46

нице с Германией... Нет боеприпасов, нет хлеба для людей и корма для лошадей, нет связи с Красной армией. Стонут раненые. Слышится мощное “виват” польской пехоты, которая сбивает наши арьергарды...»

По рассказу красноармейца, «командир Гай выехал на поле и сказал своим громким голосом: “Товарищи, кто куда желает? Кто желает здесь остаться, пожалуйста. Кто желает в Германию, тоже пожалуйста!” Туда мы все захотели в Германию...»¹

Сначала через границу под давлением наступающей польской кавалерии перешли обозы и двигавшиеся с ними потерявшие командование, разрозненные красноармейские части. Сам же Гай с сохранявшими порядок войсками еще шел какое-то время вдоль границы, надеясь вырваться из окружения и соединиться с основными силами. Для этого надо было всего лишь дойти до литовских земель... Но этого не удалось, и «на рассвете 26 августа организовано, с развернутыми знаменами, с пением Интернационала, под убийственным огнем тяжелой артиллерии [кавалеристы Гая] перешли границу, увезя 600 раненых, 2 тысячи пленных и 11 польских орудий...»².

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591 (Турыгин. Ук. соч.)

² Гай Г. В германском плену. М., 1931. С. 6, 7.

Здесь есть смысл ознакомить читателя с большим фрагментом доклада бригадного комиссара о последних днях перед интернированием корпуса Г.Д. Гая, представленного им в РВС 25 сентября: «После боя у Плоцка белополяки окружили корпус тогда, когда наши части отступали от Цеханова. Высшим командованием корпусу было приказано отступать. Отойдя от Плоцка мы встретились с кавалерией противника и вели с ней целый день бой. Затем было объявлено в приказе по корпусу, что он окружен и что нужно пробиваться к Млаве, где якобы должны находиться наши войска. Мы взяли левее Млавы и вели успешный для нас бой с белополяками. Здесь мы задержались, потому что Гай хотел спасти обозы и, пробившись, выжидал, когда они пройдут. Затем отошли к местечку Мышенец и, поведя наступление на него, выбили противника и взяли около 500 пленных. Противник начал отступать с другой стороны. Нам нельзя было оставаться здесь и мы пошли дальше. В районе Мышенец (60 км от границы с Германией) обозы и пехота были отправлены по приказу за границу. Мы хотели вести наступление на г. Кольно, но, узнав, что там сосредоточены значительные силы противника, взяли левее и после боя перешли в нейтральную зону в районе Кольно. Здесь развернули радиостанцию и стали запрашивать по радио дальнейших указаний центра. Нужно заметить, что к этому времени наши части почти совершенно не имели патронов и снарядов. Ответа радио так и не получили. Тогда командир корпуса собрал совещание командного и комиссарского состава, на котором поставил вопрос: «Пойдут ли их части прорываться далее?» и получил от всех утвердительный ответ. Белополяки границы не переходили. Были опрошены нами и красноармейцы, которые кричали «Надо прорываться вперед!». Неудовольствий против Гая никаких не выражалось, потому что во время боев он находился в первых рядах и в самых опасных местах. Надо сказать, что вообще пользовался среди своего корпуса большой любовью.

Таким образом, 20-26 августа на территории Восточной Пруссии отдельными частями интернировались войска 4 армии (12, 18, 33, 53, 54 стрелковые дивизии, 3 конный корпус, состоящий из 10 и 15 кавдивизий и отряда Хаджи-Мурата) и 15 армии (в составе 4-х стрелковых дивизий и 33 кубанской дивизии)¹. Число интернированных красноармейцев достигало по разным данным от 44 до 50 тысяч человек.

*

Граница с Восточной Пруссией плохо охранялась с обеих сторон. Польские пограничники покинули ее при приближении советских войск². Отозваны были и союзные войска, располагавшиеся на спорных территориях, где готовился «плебисцит» по вопросу о государственном самоопределении.

С немецкой стороны приграничная территория была демилитаризована по условиям Парижского мирного договора. Во время наступления советских войск, когда границу начали переходить прижатые к прусской территории польские отряды³, германское правительство обратилось к членам Парижской мирной конференции за разрешением перебросить туда части регулярных военных сил, во избежание могу-

Решено было дать последний бой, в меру имевшихся у нас огнеприпасов. С музыкой перешли в наступление – играло три оркестра. Двинулись. Сбили противника и гнали его до речки. Часть противника уничтожили, а часть спаслась, перейдя переправу. Но теперь мы не имели и сотни патронов на бригаду, ни силы и воли, чтобы форсировать реку и биться за переправы. До темноты мы занимали позицию на реке. Начдив 15 тов. Чугунов пошел в цепь Гая советоваться, что дальше делать. Гай вначале хотел 10 дивизию пустить за реку, но затем пришел приказ по корпусу об отходе в исходное положение. Мы отошли, выставив заставу. Было отдано приказание подать рапорт с просьбой нарушить нейтралитет Германии с тем, чтобы можно было пройти 50 км по ее территории для соединения со своими войсками. Немецких войск на границе было мало. Мы получили разрешение перейти границу при условии сдать оружие и отправиться в Йоганнесбург, находившийся в 21 км от этого места. Это было 26 августа. Сдали винтовки и шашки; орудия остались при частях и следовали за нами. С музыкой мы двинулись к городу и пришли туда в полдень...» (*Орловский С. Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 109-111*)

¹ РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 347. Л. 163

² Бои на границе Пруссии // *Голос России: Орган русской демократической мысли. [Берлин] 1920. 1 авг.*

³ Вот как эта ситуация отражалась в зарубежных газетах: «Нет достаточного количества войск для охраны [прусской границы]. Дальнейший переход поляков через границу приведет к нежелательным последствиям» (Бюро Вольфа сообщает // *Голос России [Берлин]. 1920. 8 авг.*)

щего возникнуть пограничного конфликта или перенесения боевых действий на немецкую территорию¹.

И хотя советский представитель тогда дал обещание, что Красная армия границу не перейдет², немецкая сторона, судя по всему, стремилась решить собственные задачи в связи с непростыми событиями на своей юго-восточной границе. Впрочем, безуспешно: даже страх перед «большевистской заразой» не позволил странам-победительницам отойти от первоначального плана по разделению и ослаблению Германии.

Переход, которого так страшились немцы, все же состоялся, но при других обстоятельствах: красноармейские части сами были вынуж-

дены разоружаться и интернировать на немецкой территории. Немцы не ожидали подобного, массового и беспорядочного перехода своей границы Красной армией; они опасались, что прорыв будет во время преследования красноармейскими частями отступающих поляков. Граница на всякий случай была укреплена³. В конце июля власти успокаивали взволнованное население Восточной Пруссии: «Немецкая пехота и кавалерия распределены по границе таким образом, что сразу могут быть стянуты ко всем опасным местам»⁴.

следования красноармейскими частями отступающих поляков. Граница на всякий случай была укреплена³. В конце июля власти успокаивали взволнованное население Восточной Пруссии: «Немецкая пехота и кавалерия распределены по границе таким образом, что сразу могут быть стянуты ко всем опасным местам»⁴.

¹ В июле, во время успешного наступления Красной армии, германский канцлер безуспешно пытался убедить правительства стран Антанты с целью «борьбы против большевизма» разрешить довести численность германской армии до 200 тысяч человек, то есть вдвое больше того, что предписывалось Версальским договором. (См.: Горлов С.А. «Совершенно секретно»: Альянс Москва - Берлин, 1920-1933 гг. М.:ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 35)

² Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М: Иностранная литература, 1955. С. 346-347

³ Официально в Восточной Пруссии находилось 15 тысяч немецких военнослужащих; впрочем, возникали подозрения, что в реальности их было более 40 тысяч (Интернированные советские войска в Германии // Голос России 1920. 14 сент.)

⁴ Русские войска на прусской границе (официальное сообщение германского правительства) // Голос России. 1920. 28 июля.

По воспоминаниям М. Машары, двигаясь вдоль границы, они не видели охранявших ее военнослужащих, поскольку всё было тщательно замаскировано. И только на той стороне убедились, что «на всем протяжении польско-немецкой границы, вдоль которой отступала Красная армия, расположились в укрытии пулеметчики и хорошо вооруженные усиленные патрули. А чуть дальше от границы размещались пехотные и кавалерийские части. Они находились в полной боевой готовности, были усилены легкими кавалерийскими батареями... Как только наши части под натиском белополяков пересекли границу, сразу наткнулись на пулеметы, стволы которых были направлены на польскую сторону. Словно из-под земли появились целые отряды вооруженных винтовками и гранатами пограничников. Они не стреляли и не останавливали наши обозы и бойцов, но бдительно следили за ними и были готовы ко всяким неожиданностям»¹.

А такие неожиданности могли возникнуть, поскольку переход красноармейцами границы нередко происходил в условиях реальной опасности и боя. По воспоминаниям того же М. Машары, во время прорыва польской кавалерии «всё неслись что есть мочи к границе. Бежали, охваченные паникой, с одной лишь мыслью – скорее добраться до спасительной черты»; сам он «пришел в себя уже за границей, в Германии», когда по обе стороны колонны красноармейцев «скакали на лошадях немецкие кавалеристы...»².

В подобных обстоятельствах могли возникнуть эксцессы. Так, после разоружения на немецкой стороне основных сил красноармейцев поляки перешли границу, убив пытавшихся их задержать немецких пограничников: «Добрых полчаса мы, безоружные, удирали от погони...»³. Преследование, по воспоминаниям Г.Д. Гая, превратилось в

¹ *Машара М.* Шел двадцатый год. М., 1977. С. 165-166.

² *Машара М.* Шел двадцатый год... С. 162.

³ Вот как выглядело это нападение по лаконичному описанию дивизионного врача: «Приказ сдать оружие, – процедура не из приятных, особенно когда за приглашением следует напоминание: “за укрывательство оружия – расстрел”».

...И вдруг тревога... Команда “по коням!” и “вперед!” Поляки прошли границу, убили немецких пограничников, пытавшихся их задержать, и скачут вслед за нами... Добрых полчаса мы, безоружные, удирали от погони и, нужно сказать правду, впервые за всю кампанию мы были в положении преследуемой дичи. Не думаю, чтобы польские уланы могли гордиться таким реваншем» (*Вербов С.Ф.* «Даешь Варшаву!...» Русская мысль. 1967. 2 нояб.)

бегство безоружных красноармейцев от поляков, пока последние не были остановлены своими командирами и уведены за границу.

Впрочем, судя по воспоминаниям того же М. Машары, «польское преследование» было вызвано иными причинами: «Когда белопольские кавалеристы, наседавая на наши части, сами перемахнули границу, их сразу же сдержали немецкие пулеметы и штыки. Сдержали, но ненадолго, потому что выяснилось, что они не по своей воле оказались за кордоном. Не потому, что не могли остановить темп погони, а потому, что у них на плечах сидит Гай со своими конниками и гонит их туда так, как они гнали наши тыловые части. Это была часть того слоеного пирога, который образовался в Августовских лесах... Немецкие части задержали белополяков только для того, чтобы обеспечить необходимый интервал между ними и нашими частями. А потом немцы [поляков] повели под эскортом к месту разоружения»¹.

Переход красноармейских частей был настолько массовым, что немногочисленные вооруженные силы Восточной Пруссии, состоящие в основном из полицейских и отрядов самообороны, не в состоянии были обеспечить должную охрану красноармейцев при их движении к намеченным лагерям. Немецкие пограничники направляли их подальше от границы нередко без караула. Воспользовавшись этим, небольшие отряды красноармейцев «блуждали» по приграничным территориям в надежде найти возможность обратного перехода границы и воссоединения с основными силами Красной армии. Так, по свидетельству красноармейца, пограничники направили их к ближайшему городу «почти без конвоя. Многие красноармейцы группами и поодиночке стали удирать, в надежде добраться до границы. ...Конвой был слаб, и удержать разбежавшихся не было сил»².

Подобная неконтролируемая ситуация беспокоила немецких обывателей. Были случаи воровства продуктов питания, предметов одежды. Однако, как сообщал корреспондент немецкой газеты, «за исключением небольших и вполне объяснимых краж съестных припасов, не известно ни одного случая насилия, ни одного посягательства на чужое имущество. Подумайте! Огромная разбитая, изголодавшаяся армия, и притом еще большевики! Без сомнения, сознание долга среди началь-

¹ Машара М. Шел двадцатый год... С. 165-166.

² См.: ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (П. Рябов. Воспоминания, 1924-1927 гг.) С. 36.

ствующих лиц и выправка солдат должна была стоять на очень высокой ступени развития. ...Немецкие войска находятся в дружеских отношениях к большевикам, и все караульные команды хвалят добродушие интернированных войск и полную готовность повиноваться. В настоящее время для населения Восточной Пруссии нет никаких оснований для беспокойства»¹. По официальному сообщению, поскольку «из некоторых мест приходят протесты против присылки русских», «надо указать, что не было ни одного случая [их] неповиновения. Из Москвы... войскам указано, что они не должны делать ничего, что может повредить корректным отношениям между Германией и Россией»².

Населению было рекомендовано сообщать о любых эксцессах властям, и в этом случае нанесенный красноармейцами ущерб будет возмещен за счет Советского государства, которое обязалось выплатить Германии все расходы, связанные с пребыванием на ее территории советских войск.

¹ Цит. по: Интернированные советские войска в Германии // Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920. 8 сент.

²² См.: Бюро Вольфа сообщает // Голос России. (Берлин). 1920. 8 сент.

IV

«Красным лагерем» в Германии

Первые массовые переходы красноармейских частей на территорию Восточной Пруссии происходили в районе городка Йоханнисбург¹⁵⁵, где одновременно перешло до 15 тыс. русских солдат – это были пехотные и тыловые части, которые сопровождал корпус Гая, а затем и сам корпус. Вообще-то, их целью было пройти по немецкой земле километров 50 и выйти к своим. Но немецкая сторона поставила условие разоружиться, по крайней мере, сдать винтовки и шашки¹⁵⁶.

На полное разоружение у находившихся здесь немногочисленных немецких пограничников не было возможностей, но этого, видимо, и не требовалось: «русские отдают на границе свое оружие и безо всякого конвоя отправляются вглубь страны, пока не наткнутся на немецких часовых»¹⁵⁷.

Таким попустительством со стороны немцев стремились воспользоваться красноармейцы, у которых еще были силы: «Многие группами и поодиночке стали удирать в надежде добраться до границы»¹⁵⁸. По информации комиссара бригады, в первые дни интернирования «бежали из лагерей: начдив Чугунов, комиссар 15 дивизии и масса красноармейцев. Через Литву прошло около 3 000 человек. Немецкие войска пропускали нас беспрепятственно»¹⁵⁹.

Отдельные группы, «просачивавшиеся» через германскую границу, направляли в ближайшие городки. В Йоханнисбурге красноармейцев «соединили с другими разными частями армий Западного фронта и

¹⁵⁵ Город в Восточной Пруссии. В настоящее время - город Пиш (Польша)

¹⁵⁶ Судя по всему, требование разоружить интернированных выдвигали представители Антанты: «Большое участие в разоружении наших войск принимали английская и французская военные миссии, но после протеста красноармейцев и немецких рабочих дело интернирования продолжали немцы» (цит. по: *Орловский С.* Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 111).

¹⁵⁷ Кенигсберг, 22 авг. // *Голос России: Орган русской демократической мысли.* (Берлин) 1920. 25 авг.

¹⁵⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (*Рябов П.* Онежане на фронте. Из жизни интернированных в Германии. 1924-1927 гг.) С. 33-46

¹⁵⁹ Цит. по: *Орловский С.* Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 111.

загнали на участок близ железнодорожной станции, огражденной колючей проволокой. Ночь на 26 августа мы провели под открытым небом. Лил сильный дождь. Земля превратилась в месиво. Всю ночь мы провели на ногах, вымокли до последней нитки»¹⁶⁰.

Те же, кто переходил границу в районе Вилленберга¹⁶¹, оказались в лучшем положении: их сразу разместили в бывшем лагере для военнопленных.

После последнего, самого массового перехода – в боевом порядке и под звуки маршей – остатков корпуса Гая командному составу «устроили обед. Немецкий майор, приехавший узнать причину сдачи, очень извинялся, что не может предложить лучшего обеда, так как они не ожидали такого количества войск»¹⁶².

Описывая переход границы и дальнейшую организацию движения интернированных частей, неожиданно «обрушившихся» на головы германских властей, мемуаристы не могут скрыть восхищения: «Пропустив всех нас через границу, а ведь нас было, ни много, ни мало, около 20-30 тысяч человек», немецкие власти, «чтобы не стоять на улице и не держать под открытым небом», направили интернированных «под строгим конвоем в товарных вагонах... в ближайший от границы лагерь»¹⁶³. В этот же лагерь временно привезли и интернированных польских солдат. По рассказу М. Машары, лагерь белополяков располагался «на расстоянии полукилометра от нас»; тут же «стоял на привязи табун [их] лошадей».

Польские интернированные части располагались и в лагере Эйдткунен¹⁶⁴; этот лагерь «загодя готовился для приема интернированных польских войск»; теперь он «освобождался от уже расположившихся там поляков и приспособлялся для красноармейцев»¹⁶⁵.

Как выше упоминалось, во время наступления Красной армии немцы опасались массового интернирования на их территории отступающих польских частей. В частности, беспокоились, что советские

¹⁶⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (Рябов П. Ук. соч.)

¹⁶¹ Город в Восточной Пруссии. В настоящее время Вельбарк (Польша)

¹⁶² Орловский С.Н. Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 110.

¹⁶³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Бойцы Северного фронта на Западном фронте [и в Германии]: воспоминания, 1928 г.). Л. 7об.

¹⁶⁴ Эйдткунен – город в Восточной Пруссии. Современный пос. Чернышевское (РФ, Калининградская обл.)

¹⁶⁵ Сообщение обер-президента. Кенигсберг, 5 сентября. // Голос России. (Берлин) 1920. 7 сент.

войска предпримут их преследование и перейдут границу с Германией. По информации Г.Д. Гая, в приграничных лагерях находились не только интернированные красноармейцы, но и 10 тысяч поляков, «загнанных туда во время нашего наступления. По воспоминаниям А.Д. Алексеева, вместе с ними границу с Германией перешли 16 тысяч поляков¹. Впрочем, мемуарист не уточняет, были ли это интернированные польские войска, взятые Красной армией в плен польские военнослужащие или сотрудничавшие с русскими поляки, спасавшиеся от гнева соотечественников. Из других источников известно, что на территории Германии было интернировано не более 2,5 тысяч польских военнослужащих².

Отступление Красной армии для европейских обывателей было совершенно неожиданным, и, видимо, поэтому, когда появились первые сведения о переходе красноармейскими частями границы, в западных газетах появилась такая информация: «6-7 тысяч русских перешли через немецкую границу и направляются к Нейденбургу³. Они желают захватить концентрационный лагерь, где уже находится 2 тысячи поляков»⁴.

Лагерь Арис. Бараки. 1914-1918 гг.

Как бы то ни было, интернированные советские и польские солдаты какое-то время находились в одном лагере, разделенные только колючей проволокой или немецкими патрулями. По свиде-

тельству М. Машары, можно было можно видеть, как вчерашние противники «сидят друг напротив друга и пытаются о чем-то разговари-

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. (Алексеев А.Д. Воспоминания) Л. 50об.

² ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 185. Л. 270-271.

³ Город в Восточной Пруссии. Современный поселок Крылово (РФ, Калининградская обл.)

⁴ Советские войска перешли германскую границу. По сообщением немецкого радио // Народное дело: политический орган комитета группы социал-революционеров Северо-Западной области России. (Ревель). 1920. 26 авг.

вать»¹. Впрочем, по свидетельству Г.Д. Гая, между красноармейцами и поляками часто возникали «кулачные схватки», в результате чего тех «вскоре отправили в другой лагерь»².

Немцы не были готовы к переходу русскими границы при столь печальных обстоятельствах и в таком количестве. Из временных, на скорую руку устроенных убежищ красноармейцев вскоре начали свозить в самый крупный в Восточной Пруссии лагерь Арис³, который начали срочно приспособлять к их приему⁴. Небольшие группы интернированных, в основном раненые и больные красноармейцы были размещены в других лагерях.

Арис был крупнейшим в Восточной Пруссии лагерем военнопленных, вмещавший до 15 тысяч человек. Он представлял собой целый город из каменных бараков. Война закончилась, и большинство зданий здесь пустовали и уже пришли в негодность. Из жилых и больничных помещений было вывезено все имеющее хоть какую-то ценность (вплоть до того, что нары были разобраны на доски), и создать здесь нормальные условия для более чем 40 тысяч интернированных было сложно.

Баракы находились на территории, обнесенной колючей проволокой в четыре ряда. По углам стояли вооруженные часовые. Занять баракы смогли только первые партии доставленных сюда красноармейцев. Но даже эти помещения были уже непригодны для жизни: «Екнуло наше сердце, когда мы вошли в барак. Крыши и стены были толевые, в некоторых местах рваные, и ветер ходил по баракам». Однако измученные тяжелым переходом люди⁵, «полуголодные и озябшие, улеглись на

¹ *Машара М.* Шел двадцатый год. М., 1971. С. 171.

² *Гай Г.* В германском плену. М., 1931. С. 9

³ *Здесь и далее названия лагерей даны в транскрипции синхронных архивных документов.*

Лагерь назван по близлежащему городу на территории Восточной Пруссии, которая после Второй мировой войны отошла к Польше; современный г. Ожиш.

⁴ По информации бригадного комиссара, корпусу Гая «часа через 3 (после перехода) предложили отправиться в г. Арис в военный лагерь и разместили там по баракам. Были поставлены караулы, и согласно объявлению немецкого командования, мы подверглись трехнедельному карантину. Лошадям фураж не дали, и их стали разбирать немецкие офицеры и жители» (цит. по: *Орловский С.Н.* Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 111)

⁵ Как писали наблюдавшие переход красноармейцев журналисты, «беглецы жалуются на крайнюю усталость от 8-недельного безостановочного похода» (Время (Берлин). 1920. 30 авг.)

полу барака спать. Сон был приятнее всего, ибо почти четыре дня не спали совершенно»¹.

Прибывшим в лагерь позднее мест в бараках не хватило. Они расположились в палатках, разбитых на территории лагеря и даже за его пределами, где «устроили лагерь наподобие цыганского табора. По ночам горели костры, вокруг которых на голой земле валялись красноармейцы, кони, повозки, имущество», - описывал первые дни интернированных Г.Д. Гай². По сообщению советского представителя в Берлине, «прилегающее к лагерю поле представляло из себя сплошной муравейник. Все копошилось, трудилось, зарывалось в землю... Небо ополчилось против несчастных интернированных... непрерывно извергало потоки дождя, и вся масса красноармейцев, в самых причудливых позах расположившаяся на улицах лагеря под защитой повозок, тряпок, веток и проч., являла собой весьма живописную и жалкую картину»³.

Первой задачей немецкой администрации было накормить огромную массу людей, которые за несколько дней отступления фактически не обеспечивались продовольствием. «У всех нас есть было нечего, давно уже питались колосьями, собранными с польских полей, пытались разварить эти зерна и получить кашу без соли и какого-либо жира»⁴. Во время отступления, ведя «звериную борьбу за жизнь»⁵ в условиях постоянных боев и стремительных переходов, они не думали о еде. Оказавшись в безопасности на территории Германии, они стали испытывать жгучее чувство голода.

Обеспечить питанием несколько десятков тысяч людей не сразу смогли даже известные своей организованностью немцы. Учет красноармейцев занял определенное время. Пока он не закончился, немцам трудно было определить количество «едоков», и даже скудного немецкого пайка на всех не хватало. Первые дни интернированные употребляли в пищу казенных лошадей, а повозки использовали для устройства временного жилья и в качестве топлива для костров.

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. Л. 7об., 8об.

² Гай Г. В германском плену. М., 1931. С. 10

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. (Отчеты об объезде лагерей военнопленных). Л. Л.72, 73.

⁴ Воспоминания М.И. Коротких. URL:

<http://www.onegaonline.ru/html/dz2/seetext.asp?kod=251>

⁵ Вербов С.Ф. «Даешь Варшаву!» // Русская мысль. 1967. 26 окт.

«У казаков корпуса Гая, перешедших границу на конях, положение было гораздо лучше, они резали коней и варили в котлах галушки, а мы глотали слюну... Я ходил добывать себе пищу, у лошадиных остовов перочинным ножом отрезал маленькие, уже позеленевшие кусочки мяса, их долго варили, и все же несмотря на варку в котелке стояла желтая пена. Но голод принудил есть и такое мясо. Помнешь это мясо в соли и с отвращением проглотишь...»¹. В качестве дров использовали деревянные части телег, и через несколько дней «остались одни железные ободья от колес да оси от телег, словом, все, что не подлежит горению. Лежат кучи лошадиных костей, скелетов, голов и т.д., то есть, то, что не мог переваривать желудок»².

«Круглые сутки бродили по лагерю группы людей, накидывавшихся на каждую валявшуюся кость, рывшиеся в отбросах и отправлявших непосредственно в рот попадавшие там под руку пищевые остатки. Люди промышляли также кражей лошадей, еще сохранившихся во множестве при отдельных частях, мясо которых они и варили в котелках. ...Столько вынесшие за время похода красноармейские лошадки в Арисе сослужили свою последнюю службу и спасли жизнь не одной тысяче красноармейцев»³.

Наконец, учет красноармейцев был налажен, переговоры с советским правительством о содержании интернированных достигли результатов, и началось плановое обеспечение красноармейцев питанием. Однако паек, предоставляемый красноармейцам, хотя и соответствовал нормам тылового довольствия немецких солдат, не мог утолить голода русского человека. Для привыкших к сытному фронтовому пайку красноармейцев 250 грамм хлеба-эрзаца и овощного супа было явно недостаточно⁴. Суррогатный хлеб и «немецкие обеды, состоящие из воды с крупой, не утоляли голода. Чтобы не замереть с голода окончательно, многие наши товарищи ходили по целым дням в поисках пищи... Некоторые додумались с этой целью проверять помойки, куда выливались

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. (Алексеев А.Д. Воспоминания) Л. 42.

² Коротких М.И. Ук. соч.

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л.72-75 (Доклад «Интернированные войска Красной армии в Германии»).

⁴ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 197 (Доклады о состоянии лагерей). Л. 224-227.

Показательны в этом отношении рассуждения красноармейцев, оказавшихся в лагерях интернированных: «В армию бы поскорей. [Там] 2,5 фунта хлеба на день, да мяса полфунта. А у поляков-то от белых булок отбою нет» (Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России. 1921. № 16. 20 янв.)

все отбросы с кухни: сельдяные головы и мясные кости. Эти отбросы добывали почти с боем, а затем во время топки печи в бараке эти головы и кости вновь переваривали и готовили себе суп, который считался хорошим ужином. Кости варили, пока они окончательно не разварятся. Картофельную шелуху тоже в котелках варили и приготавливали отличное картофельное пюре. Все это тяжело отражалось на нашем желудке...»¹.

В таких условиях и жили люди, а ведь среди интернированных было до 250 женщин, около 600 стариков и детей², преимущественно члены семей комсостава. Снимать жилье в ближайшем городке запрещалось даже семейным. Однако лагерь охранялся плохо, и некоторым красноармейцам удавалось выйти из него и договориться с местными жителями о ночлеге. Благо среди интернированных было немало тех, кто хорошо владел немецким языком. Это были не только уроженцы Прибалтики, но и «много бывших германских и австро-венгерских подданных, коммунистов, участвовавших в т.н. коммунистических международных батальонах», которые, по ироничным комментариям в русских эмигрантских газетах, «толпами бродят по селам, выпрашивая продовольствие»³. По воспоминаниям интернированного политработника, его товарищ, латыш, «хорошо знал немецкий язык. Ему удалось убедить двух немцев приютить нас поодиночке на ночь. Они не сразу согласились, т.к. за это жандармы налагали штраф. Меня взял рабочий-маляр, член партии «независимцев»⁴. ...Гостеприимная немка высушила всю мою одежду, основательно меня накормила и дала при уходе кусок хлеба, пожелав успешно добраться до России»⁵.

Надо полагать, что подобная помощь объяснялась не только «классовым чутьем» и элементарным сочувствием к людям, оказавшимся в

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (*Прялухин Ф.А.* Воспоминания, 1928 г.) Л. 7об., 8об., 9, 9об.

² РГНФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 62. (Докладная записка. 9 июля 1920 г.) Л. 33.

³ *Время* (Берлин). 1920. 30 авг.

⁴ «Независимцы» - члены левого крыла германской социал-демократической партии, отделившееся от нее в 1917 г. ввиду несогласия с политикой "классового мира". Наиболее радикальная группа Независимой партии, «Спартак», в 1918 г. вышла из нее и образовала Коммунистическую партию Германии. Правые «независимцы» в 1922 г. вновь воссоединились с СДПГ.

⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (*П. Рябов.* Воспоминания. 1924-1927 гг.) С. 36

тяжелом положении. Среди красноармейцев было немало тех, кому было чем расплатиться с немцами за помощь.

Большинство оказавшихся на чужой территории красноармейцев находились, разумеется, в бедственном положении. Отступление было столь стремительным, что многие перешли границу без какого-либо имущества; не было не только питания, но обмундирование было летним и к тому же порядком истрепанным. На деньги Советского правительства немцы смогли предоставить нуждавшимся старую форму германской армии, а вместо сапог или ботинок – деревянную обувь. По словам журналиста, интернированные красноармейцы выглядели так: «изодранные, из кусков состоящие шинели, дырявая обувь или в лучшем случае деревянные набитые соломой сабо, куда засовываются завернутые в тряпки ноги, отсутствие рубашек и вообще нижнего белья, голодные и изнуренные лица... По внешности они напоминают нищих, только одежда еще хуже; среди нищих преобладают старики, а здесь зеленая молодежь...»¹.

Особенно тяжелой была ситуация в первые дни после перехода границы, когда не было налажено питание и вещевое довольствие многих тысяч людей. Лучше обстояло дело у тех, кто перешел границу с каким-то имуществом. Например, на руках у красноармейцев было много советских денежных знаков, которые не имели хождения за границей². Но во время наступления в занятых красными войсками населенных пунктах торговцы первое время доверчиво их принимали. По словам одного из командиров 53 дивизии, бывшего офицера, там был разрешен «легальный грабеж» путем официально установленного курса рубля в 2 марки: «красные войска ... набросились на магазины, стали все скупать, даже ненужное – вещи были так дешевы, что на родине можно было нажиться. <...> Видел... красноармейцев, несших банками конфеты по 5 фунтов, кипами мануфактуру и т.п. <...> Частная торговля постепенно закрывалась, цены стали расти, а товары пропадать»³. Красноармеец вспоминал, что в Белостоке, куда их часть вошла 28 июля без боя, «была спокойная жизнь, магазины полны промтоваров,

¹ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим (от нашего специального корреспондента) // Воля России (Прага) 1921. 13 февр.

² «Имеющиеся у [интернированных] в изобилии русские советские деньги нигде никем не принимаются» (Время. 1920. 6 сент.)

³ Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии // Воля России. 1920. 9 дек.

особенно шерстяных костюмных тканей и ювелирных изделий. Пошли в ход наши “керенки”¹, я приобрел карманные часы фирмы “Смега”. ...Но через несколько часов наших денег не принимали ни в одном магазине»². Но торговля на запрещенные к обороту «николаевские» рубли, которые пользовались у населения неизменным доверием, продолжалась.

В результате, у некоторых интернированных оказались ценности и дефицитные в послевоенной Германии товары, которые легко можно было обменять на продовольствие. Так, у одного красного командира полицейским были изъяты предметы, купленные, по его словам, в Польше для жены: «шевровые дамские ботинки, 3 пары черных дамских чулок, 5 пар перчаток, 2 куса туалетного мыла, 1,5 фунта простого мыла, 2 чайных прибора с блюдами, 5 катушек черных ниток, 2 висячих замка, полный комплект головных дамских гребенок и 1 рюмка». Он пытался обменять эти предметы на масло³.

Любые имеющиеся у них вещи голодные люди готовы были обменивать по самому невероятному курсу. «Желудочные интересы, а иногда и “охота покурить” не давали покоя, и можно было видеть целые толпы людей на “толкучке”, где продавали все, что можно было снять с себя и продать»⁴.

Те, кто не имел или не смог перенести через границу подобных «ценностей», пытались выменять у крестьян продовольствие в обмен на казенное имущество. В ход шли лошади, телеги и прочее. Немалой ценностью было оружие. Дабы не допустить его проникновение в Германию, в руки революционно настроенных немцев, красноармейцы были разоружены уже при переходе границы. Вооружение было оставлено на хранение в крепости Лютцен⁵. Вскоре были изъяты оставшиеся лошади и другие материальные ценности, которые немецкие власти стали сдавать крестьянам в аренду, поскольку советское правительство предложило использовать казенное имущество в качестве оплаты за прием и содержание интернированных красноармейцев.

¹ То есть различные денежные суррогаты периода «военного коммунизма» – «расчетные знаки», которыми выдавали жалование во время.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. (Алексеев А.Д. Ук. соч.) Л. 39об.

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 184.

⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. (Реяк Я. Воспоминания, 1922 г.)

⁵ ГАРФ. Ф. 9491 Оп. 1 Д. 168. Л. 32

По свидетельству немецкого репортера, в первые дни после интернирования Красной армии «дельцы» городка Арис, рядом с которым был расположен лагерь, «успели... использовать тяжелое положение русских... Голодающие русские в уплату за несколько фунтов хлеба отдавали золотые часы и другие ценности. Во всех углах и во всех концах Ариса ведется оживленная торговля. Имеются всевозможные товары, начиная от шнурков для ботинок, кончая лошадьми». Сам городок «оказался переполнен сотнями спекулянтов, привлеченных сюда «фантастическими сообщениями о миллионных наживах и миллиардных сделках»¹. В условиях этой массовой спекуляции определенную товарную ценность приобрели и советские деньги. Предприимчивые барышники выменивали их по курсу 3-5 марок за 1000 рублей, а затем продавали отъезжавшим на родину бывшим военнопленным I Мировой войны².

В конце концов, немецкой администрации совместно с восстановленными в лагерях органами управления Красной армии удалось навести порядок. «Барахолка» была ликвидирована, а спекулянты изгнаны с применением силы: «организованные шеренги из партийцев, комиссаров и сознательных бойцов с дубинками в руках ...разгоняли эти рынки, выгоняя оттуда назойливых спекулянтов и немецких лавочников-кулаков»³. Но на протяжении всех месяцев интернирования обеспечение питанием вызывало недовольство красноармейцев. Немецкий хлеб «из древесной муки», желудевый кофе с сахарином, супы из сухих овощей не утоляли голода. К тому же, присутствовала существенная разница в продовольственном обеспечении обитателей лагерей в зависимости от их расположения, поскольку цены в различных регионах страны значительно отличались, а средства на продукты питания выделялись одинаковые.

Свои претензии красноармейцы предъявляли регулярно посещавшим лагерь представителям Советского государства. Эти жалобы, а также объективное состояние лагерей тщательно анализировались с целью облегчить положение интернированных. Причин такого гуманного отношения было несколько. Прежде всего, следовало не допустить

¹ См.: Интернированные советские войска в Германии. // Голос России. (Берлин) 1920. 8 сент.

² Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9, 10 дек.

³ Гай Г. В германском плену. М., 1931. С. 11

недовольства красноармейцев. Гражданская война еще продолжалась, и таким недовольством могли воспользоваться многочисленные вербовщики «человеческого материала». Во-вторых, даже интернированная на территории другого государства, Красная армия должна была показывать пример социалистической справедливости. Наконец, жалобы красноармейцев могли быть использованы для предъявления немецкому правительству претензии при решении вопроса о выплате денег за содержание интернированных войск на территории Германии.

По международным законам, военнослужащие одной из противоборствующих сторон, перейдя границу нейтрального государства и интернированные на его территории до конца войны, обладали определенной экстерриториальностью. На этом основании с первых же дней делались попытки организовать жизнь в лагере в соответствии с требованиями гарнизонного устава Красной армии.

В лагере Арис были размещены красноармейцы, которые перешли границу организованно, как, например, корпус Г. Гая и некоторые другие части, не потерявшие своих командиров, а также маленькими разрозненными группами и даже поодиночке. В бараки немцы стремились селить их по принадлежности к воинским подразделениям, но это было связано с определенными сложностями, после чего «махнули рукой», и позволили селиться, кто с кем хотел. Началась самоорганизация по земляческому принципу¹, что представляло определенную опасность для регулярных армейских частей². 28 августа Г. Гай как старший командир созвал общелагерное собрание всего командного и политического состава и «началась кипучая работа, упорнейшая борьба против начавшегося разложения». Был избран начальник гарнизона (им стал сам Г. Гай), семь комендантов – по числу дивизий, как правило, из комдивов или, в случае их отсутствия, других старших дивизионных командиров. Штаб 3-го конного корпуса был преобразован в «штаб интернированных войск Красной армии».

¹ «Красноармейцев распределили партиями по 50-60 человек и разместили в бараках. Немцы, видимо, не возражали, чтобы люди сами выбирали себе соседей, и бараки заселялись по “земляческому” принципу» (ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. Л. 7об., 8об.)

² В лагере Арис «находились долго, порядок наводили тоже долго, не получая ни откуда питания... Нас опять сформировали по ротам. Это долго не удавалось, [так как] люди перебегали из одной роты в другую, стараясь попасть со своими земляками» (ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 3)

Уже через несколько дней после массового интернирования в лагере Арис были восстановлены штабы красных дивизий, бригад и полков, политчасти, трибуналы¹.

Гай предложил советским дипломатическим представителям, занимавшимся вопросами интернированных, договориться с властями Германии, чтобы подобный, принятый в Красной армии порядок был применен во всех лагерях, куда были направлены красноармейцы.

Тут следует остановиться на вопросе внешнего управления лагерями.

Каким образом командование Западным фронтом, а затем и Советское правительство узнало о столь массовом перемещении красноармейских частей на территорию Германии? Судя по документам, о переходе границы в штабе фронта узнавали от случайно вырвавшихся из окружения красноармейцев и командиров. Из воспоминаний интернированных следует, что в некоторых случаях договариваться о переходе к немецким пограничникам направлялись парламентарии, и разрешение было получено после соответствующих консультаций с властями в Берлине, которые в свою очередь информировали о происходящем советских дипломатов.

Вопросами русских военнопленных в Германии занималось соответствующее «Бюро» при Генеральном консульстве Советской России в Берлине. Бюро в основном занималось проблемами военнопленных и интернированных гражданских лиц периода Первой мировой войны. Русские беженцы периода революции и Гражданской войны и интернированные военнослужащие белых армий на помощь этого советского учреждения, естественно, рассчитывать не могли.

19 сентября 1920 г. при Бюро был создан Отдел интернированных войск Красной армии, заместителем заведующего которого стал Г.Д. Гай (заведующий – сотрудник Бюро Камецкий). Около 65% всех расходов советского правительства на содержание в Германии военнопленных было направлено на помощь интернированным красноармейцам. Были также получены дополнительные средства в виде кредитов в немецких банках, для чего представитель РСФСР по делам военно-

¹ Гай Г.Д. В германском плену, с. 11.

пленных в Берлине В.Л. Копп¹ просил выделить определенное количество золота².

По договоренности с советским правительством, немцы могли реализовать часть имущества, которое интернированные доставили на территорию Германии при переходе границы (в частности, оружие, кавалерийские и обозные лошади, подводы, автомобили и проч.), и использовать полученные средства на частичное покрытие понесенных расходов по содержанию красноармейцев. При этом их реализация должна была осуществляться в присутствии представителя от Советской России. «Мертвый инвентарь», как уже было сказано выше, находился на хранении в крепости Лютцен. Лошади (которых не успели пустить в пищу изголодавшиеся красноармейцы) были изъяты и проданы или переданы в аренду немецким крестьянам за определенную плату³; таким образом удалось решить и непростую задачу обеспечения лошадей фуражом.

Советское правительство выделяло на содержание каждого интернированного чуть больше 4 марок в день; определенные средства шли на закупку необходимого обмундирования. Интернированным полагалось и жалование - по 10 марок в месяц; только на эти цели за первые 4 месяца интернирования (сентябрь – декабрь 1920 г.) было израсходовано 1.517.180 рублей. Средства направлялись также на организацию культпросветработы в лагерях, на оказание интернированным в некоторых случаях индивидуальной помощи, а также на оплату командировочных расходов инспектировавшим лагерь сотрудникам Советского генконсульства, на поездки в Берлин для решения различ-

¹ *Копп Виктор Леонтьевич* (1880-1930), профессиональный революционер, член РСДРП с 1903 г. Участник Первой мировой войны; находился в германском плену. В 1918 г. освобожден и включен в качестве советника в состав советского посольства в Берлине. Занимался делами русских военнопленных Первой мировой войны, а с конца августа 1920 г. – интернированными красноармейцами. Впоследствии на дипломатической работе.

Предлагал идею завоевания коммунистами власти в Германии во время наступления Красной армии против Польши путем использования «антиверсальского синдрома» и ущемленного чувства национального достоинства немцев (См.: *Черноперов В.Л.* Дипломат В.Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии: 1919-1924 гг.: дисс. ... д-ра историч. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2006)

² ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 185. Л. 270-271

³ ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 185. Л. 98, 99 (Дополнительное соглашение к договору об отправке на родину военнопленных и интернированных от 19. 02. 1920 г.)

ных вопросов должностным лицам из интернированных и членам лагерных комитетов¹.

Содержания интернированных: питание, обмундирование, оказание им медицинской помощи возлагались на немецкую администрацию. Расходы, понесенные немецкой стороной в связи с приемом военнопленных Красной армии, Советское правительство обязывалось оплатить. До 1 июня 1921 года предполагалось внести деньги за точно установленные на 1 января расходы. За расходы, понесенные после 1 января, - не позднее, чем через 3 месяца после того, как они будут подсчитаны, обоснованы и представлены для оплаты (если не будет достигнуто соглашение об ином урегулировании этих издержек)². Так, за содержание интернированных за 4 месяца 1920 года германское правительство выставило счет на сумму 67 млн. марок – по мнению советской стороны, «цифра космическая и ничем не обоснованная»³.

Пребывание интернированных красноармейцев в приграничных лагерях Восточной Пруссии было кратковременным, поскольку присутствие десятков тысяч «большевиков», даже разоружённых, в находившейся в состоянии революционного брожения Германии вызывало опасения как властей, так и населения Восточной Пруссии. С одной стороны, Красная армия воевала с Польшей, к которой у немцев были немалые претензии после передачи ей по итогам Версальского мира германских земель. С другой – она несла идеи интернационализма и

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 44 (Приходно-расходный баланс Бюро военнопленных на 1920 г.)

² В 1921 году был заключен советско-германский договор об обоюдном отказе от возмещения расходов на содержание военнопленных, по которому Германия отказывалась и от взыскания средств на содержание «интернированных чинов Красной армии» (См.: Выписка из текста русско-германского договора, заключенного в Женеве 16 апреля 1922 г. // *Гай Г.Д.* В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. (приложения) М., 1932. Л. 96-97).

³ ГАРФ. Фонд р-3333. Оп. 3. Д. 50. Л. 71.

Когда интернированные были возвращены в Россию, вместе с ними были вывезены документы красноармейских лагерей на территории Германии. Это было необходимо для того, чтобы изучить правильность выставляемых немецкой стороной счетов за их содержание. Была создана комиссия из представителей РСФСР и Германии. Задачей советских членов этой комиссии было, кроме прочего, «выяснение и предъявление встречных претензий». Это касалось в частности выяснения фактов изъятия у интернированных личных вещей, нанесение физического и морального ущерба.

«мировой революции», и могла оказать военную и моральную помощь немецким коммунистам¹.

*Форма красных командиров и комиссаров.
(Современная реконструкция)*

Общественное мнение Германии не могли успокоить заверения Советского правительства о невмешательстве интернированных во внутренние дела Германии и осуждение советской стороной инцидентов, возникавших по инициативе отдельных «горячих голов» из оказавшихся на «немецкой стороне» комиссаров².

Опасность вызывало то, что близость границы многих красноармейцев тянула к побегам. Маленькими группами или в одиночку, люди надеялись пройти через польскую территорию и вернуться в Россию. Германскому и литовскому правительствам сложно было убедить Польшу и стоявшую на защите ее интересов Антанту, что эти побегии не иницируются самими немцами и литовцами, находящимися с Польшей, мягко говоря, не в самых добрых отношениях.

¹ Даже начавшаяся отправка интернированных в центральные земли Германии вызывала у части немецкой общественности недовольство своим, как они говорили, медленным темпом: «Реакционные круги находят, что отправка интернированных советских войск морским путем вглубь Германии производится слишком медленное. Союз «верных конституции» уроженцев Восточной Пруссии потребовал от Министерства государственной обороны отправки советских войск по железной дороге, предлагая в случае необходимости полное прекращение обычного пассажирского движения. Это обосновывается тем, что «много тысяч незваных гостей, находясь на воле, распространяют среди немецких людей безумные идеи Ленина и Троцкого» (Отправка интернированных советских войск из Восточной Пруссии: сообщение из Кенингсберга // Голос России. 1920. 2 сент.)

² Как следует из мнения немецкого журналиста, проникшего в лагерь интернированных красноармейцев и ознакомившийся с ситуацией на месте, «опасность распропагандированных русских солдат для благополучия германской республики преувеличена. Немецкие коммунисты проникнуть в лагерь не могут. Немецкая сторона инертна к лозунгам красноармейцев. Единственный печальный инцидент – братание немецких стражников с красноармейцами в лаг. Пархим» (В русских лагерях // Руль: русская демократическая газета. 1920. 31 дек.) И действительно, «во время последнего коммунистического восстания интернированные соблюдали полное спокойствие» (Работы для интернированных красноармейцев // Голос России 1921. 13 апр.)

Немцы боролись с побегами, поскольку могли возникнуть конфликты и с местным населением: надо полагать, беглецы занимались мелкими кражами, чтобы обеспечить себя питанием.

Дабы не искушать интернированных легкостью побега, а также успокоить волнуемое население, боявшееся как возможных приграничных эксцессов, так и опасностей, которые могли бы исходить от находящихся на территории Восточной Пруссии красноармейцев, германские власти приняли в сентябре 1920 года решение вывезти интернированных красноармейцев в центральные районы Германии. Там для них были подготовлены 11 лагерей в различных областях Германии: Цербст, Зальцведель, Сольтау, Лихтенгорст, Кенигсмоор, Ален-Фалькенбург-Моор, Гаммельн, Эрланген, Байрейт, Пархим, Заган.

Транспортировка осуществлялась как морским путем, так и железной дорогой по так называемому «Данцигскому коридору» (по договоренности с Польшей). Интернированным «выдали на дорогу по полфунта хлеба и банке консервов. Разбили на партии для отправки, разные части направлялись в разные города»¹.

«Красноармеец» (с польского плаката)

Красноармеец-хозяйственник в своих воспоминаниях профессионально оценил организованную немцами транспортировку десятков тысяч интернированных: «Нас направили на ближайшую железнодорожную станцию для посадки в вагоны и дальнейшего направления. Ожидать вагоны долго не пришлось. Минут через 10 по прибытии на станцию поезд подошел и, рассчитав по 25-30 человек в вагон, посадку закончили через час»².

Неприятной частью путешествия был проезд через Польшу по так называемому Данцингскому коридору. Например, комкор Г.Гай, опасаясь быть выданным полякам, настоял на транспортировке своих бойцов морем. Остальных «везли в товарных вагонах под пломбами, и на остановках приказано было молчать, т.к. поляки могли заметить и высадить у себя. Нам к полякам в плен попасть очень было не-

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 8.

² Там же.

желательно, поэтому терпели... Везли в условиях крайне тяжелых, вагоны были забиты до отказа, духота была невероятная... Естественные надобности проводить было почти невозможно: двое такого человека подсаживали к окну товарного вагона, у которого еще железная перекладка, вот в таких условиях и по большому опралялись...»¹.

Путешествие красноармейцев по Германии продолжалось 3-4 дня, за которые они увидели эту страну, проехали по поразившим их городам, вызывая немалое любопытство и населения. Так, в лагерь, расположенный в Баварии, красноармейцев привезли поздней ночью: «Высадили из вагонов моментально и построили в ряды по четыре человека. Окруженные конвоем, следовали по городу в лагерь, который находился в 3-4 километрах от города». Жители города «с удивлением смотрели на нас. ... Да и как было не смотреть, ведь шли русские большевики, и шли кто в чем, кто в немецкой шинели, кто в русской, у кого на ногах русские сапоги, а у кого немецкие колодки. Малые дети гоняли вслед за нами и кричали “Рус, большевик”»².

Здесь следует несколько слов сказать о внешнем впечатлении, которое производили большевики на немцев, а также на русских эмигрантов проявлявших повышенное любопытство к своим соотечественникам – вдруг ставшим такими чужими и загадочными. По описаниям журналистов, красноармейцы-коммунисты «вид имеют самый ухарский и дикий, с красными значками и советскими звездами»³, но «поражают своей уверенностью в победе. Все они чрезвычайно действенны, активны, энергичны. ... Костюм: шлем суконный с красной звездой, красные бархатные галифе, коммунистический значок на гимнастерке. Впечатление внушительное...»⁴.

Удивление вызывали и «новые русские» - молодые интеллигенты, которые пошли добровольцами в Красную армию. Это – «студенты университета до переворота. Они настолько опролетарились, по крайней мере, внешне, что» журналист эмигрантской газеты «не мог скрыть удивления, когда они представились как бывшие “университеты”. Костюм (солдатская рубаха и шаровары), лица, движения, словечки – все

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. (Алексеев А.Д. Ук. соч.) Л. 52.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 8об.

³ Штеттин (от нашего корреспондента) // Руль. 1920. 26 нояб.

⁴ Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России. 1921. 18 янв.

простонародное»; при этом, занимаясь культурно-массовой и образовательной работой с красноармейцами, «работают они со вкусом»¹.

Кроме удивления обывателей, в воспоминаниях присутствуют сведения и о весьма доброжелательном отношении, которое встретили красноармейцы со стороны немцев. При этапировании в лагеря красноармейцы «заходили в деревушки. Крестьяне-немцы оказались очень гостеприимны и при остановках подкармливали нас»².

Еще больше доброжелательности встречали красноармейцы со стороны немецких рабочих. Во время переезда по железной дороге они увидели поезд, в котором ехали рабочие. Те «о нашем путешествии, очевидно, были осведомлены... При встрече поездов [они] выглядывали из окон, махали нам лоскутками красной материи, выражая тем нам свои приветствия. В ответ, открыв окна вагона, мы прокричали “ура!” и запели Интернационал. ...Поезда быстро промелькнули. Настроение среди нас приподнялось. Чувствуем, что мы не одни, немецкие пролетарии с нами»³.

При транспортировке интернированных в лагеря центральной Германии произошло, случайно или намеренно⁴, нарушение воссозданного с таким трудом в лагере Ариес армейского порядка. Немецкая администрация разделила красноармейские части, расселив их бойцов по разным лагерям. По воспоминаниям Гая, его корпус в вагоны погрузился по подразделениям. Но по прибытии выяснилось, что во время ночных остановок вагоны «перепутали», и вместо казаков и кубанцев он «увидел толпу полураздетых людей... От наших – лишь 3 эскадрона кубанцев, штаб корпуса и его оркестр»⁵.

Под предлогом помещения командиров отдельно от рядовых, как это было принято в армиях «капиталистических стран», были попытки отделить комиссаров от основной массы красноармейцев⁶. Такие попыт-

¹ Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России 1921. 20 янв.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (Рябов П. Ук. соч.) Л. 33-46

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 80б.

⁴ Видимо, это было сделано не случайно. По словам статс-секретаря Германии, опасность влияния русских большевиков на немецких рабочих «устранена тем, что русские части при размещении в лагерях были раздроблены (Запрос о русских военнопленных в рейхстаге» (Руль: Русская демократическая газета. 1920. 19 дек.)

⁵ Гай Г.Д. В германском лагере... М., 1932. С. 19.

⁶ Как сказал газетному репортеру комендант одного из лагерей, «комиссары помещены отдельно от солдат, т.к. те могли бы влиять во вред государству, [поскольку] могли вступить в соглашение с немецкими коммунистами» (Немецкие коммунисты и русские интернированные // Голос России. 1920. 5 окт.)

ки оказались особенно удачны в лагерях, где не оказалось политработников и красных командиров, которые взяли на себя выполнение поступающих от советского командования распоряжений. Под давлением Генерального консульства Советской России такая сегрегация была отменена¹.

В сентябре-октябре 1920 г. Отдел интернированных войск Красной армии выпустил ряд предписаний, призванных навести единообразный порядок во всех лагерях. Интернированные войска должны были сохранять воинскую организацию как во внутреннем, так и во внешнем управлении. «Извне» деятельностью лагерей интернированных занималось командование Западного фронта. В белорусском местечке Молодечно² был размещен штаб 18 дивизии, которая находилась в стадии формирования из остатков частей, отступивших с северного участка Западного фронта, и из возвращавшихся из польского плена и интернирования на территории Германии красноармейцев. Политуправление дивизии получало из лагерей отчеты о политико-моральном состоянии интернированных войск³.

По настоянию советского командования, Демобилизационное управление Германии⁴ распоряжением от 27 ноября 1920 г. ввело управ-

¹ Следует учитывать, что германские власти находились под давлением и различных общественных групп. По мнению депутата рейхстага, «из лагерей следует изгнать всех коммунистов, заключить их в отдельный лагерь и там предоставить им возможность агитировать сколько угодно», а среди красноармейцев надо проводить культурную работу, и прежде всего ввести обучение немецкого языка (В русских лагерях // Руль. 1920. 31 дек.) С другой стороны, газета немецких коммунистов «Die Rote Fahne» от имени рабочих требовала, чтобы комиссары, не являющиеся военнопленными, были выпущены на свободу и могли работать среди красных солдат с целью недопущения среди них белогвардейской пропаганды (Немецкие коммунисты и русские интернированные // Голос России. 1920. 5 окт.)

² По результатам Советско-польской войны Молодечно вошло в состав Польши; с 1939 г. в составе БССР.

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 51.

«В конце августа 1920 г. в районе Молодечно начал функционировать штаб резервной армии, целью которого была комплектация отдельных разрозненных боевых единиц ... армий, вырвавшихся из окружения, бежавших из польского плена, а также сумевших уйти с германской территории красноармейцев, и формирование из них 18 дивизии» (РГВА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 548. Л. 22, 27) В эту же дивизию впоследствии стали вливаться те красные командиры, политработники и красноармейцы, которые стали выезжать из лагерей интернированных.

⁴ Так после поражения в войне стало именоваться Военное министерство Германии.

ление лагерей согласно Уставу о внутренней службе Красной армии¹. Во главе каждого лагеря был поставлен начальник гарнизона (как правило, старший воинский начальник, преимущественно партийный или из «сочувствующих») и военный комиссар. При них имелся штаб и политотдел, состоящий из политического, партийного, культурно-просветительского отделов. Хозяйственная работа выполнялась управлением начальника снабжения, заведующим вещевым и пищевым довольствием, заведующими портняжной, сапожной и другими мастерскими.

Всем старшим командирам и комиссарам было приказано «незамедлительно принять на себя обязанности, указанные в Уставе о внутренней службе, и принять зависящие меры для упорядочения внутренней организации интернированных и установления внешних отношений», сообщив обо всех назначениях в Отдел интернированных.

Далее, командиры частей (по согласованию с немецкой администрацией они именовались комендантами или начальниками лагерей) должны были составить списки всех воинских частей, находящихся в подчиненном им лагере, а также списки личного состава этих частей. Следующим шагом было составление списков интернированных, нуждающихся в обмундировании, а также списки женщин и детей, находящихся в лагерях, с пояснением, на каком основании они интернированы, и списки «лиц, проявляющих враждебное отношение к советской власти не желающих возвращаться в Советскую Россию». В обязанности начальников лагерей входило назначение на внутренние работы по лагерю, организация строевых и гимнастических занятий, а также ознакомление комсостава лагеря «с их правами и обязанностями по отношению к товарищеской крестьянской среде, начальникам гарнизона и немецким властям», а красноармейцев – «их правами и обязанностями по отношению к комсоставу и немецким властям».

Комиссары лагерей должны были работать с интернированными, объясняя им «необходимость внутренней товарищеской дисциплины и отношение к местному населению». В обязанности комиссаров входило также принятие мер «к незамедлительной организации школ, чтений, лекций, спортивных занятий и увеселений (хор, оркестр, спектакли) и открытию мастерских»².

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 5. Л. 28-29.

² ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 5. Л. 21-23.

В результате «притирки» между советским Генеральным консульством в Берлине и немецким правительством было принято решение, что начальствующие лица из интернированных - начальник гарнизона и комиссар лагеря – все свои решения и действия будут согласовывать, в соответствии с распоряжением Демобилизационного Управления от 27 ноября 1920 г., с немецкой лагерной администрацией¹. Такая мера была вынужденная, поскольку правительство Германии находилось под давлением определенных общественных сил, а также испытывало недовольство со стороны властей стран Антанты, опасавшихся излишней экстерриториальности красноармейских частей.

Так, вместо существовавших в Красной Армии (и первоначально воссозданных в лагерях) трибуналов были созданы следственные комиссии, которые занимались расследованием проступков красноармейцев по представлению немецкой администрации, а также преступлениями немецкой охраны в отношении советских людей.

Медико-санитарная работа выполнялась управлением санитарной части во главе с гарнизонным врачом. В каждом подразделении (бараке) создавались, как было принято в Красной Армии, выборные контрольно-хозяйственные комиссии, занимавшиеся распределением получаемого от германской комендатуры довольствия.

В лагерях созывались барачные и общелагерные собрания, решавшие вопросы внутренней жизни. «Комитеты лагерей» состояли из выборных от каждого подразделения. Представители лагерей собирались на съезды, устраиваемые в Берлине. Для такой поездки им предоставлялись личные и проездные документы. Отделу военнопленных удавалось таким образом вызывать в Берлин и отправлять в Советскую Россию отдельных «нужных» людей (как правило, комиссаров и старших командиров).

Армейское руководство лагерей стремились объединить красноармейцев одного боевого подразделения. Их помещали в отдельном бараке вместе с командиром, военкомом и строевым комсоставом. Комсоставу настоятельно рекомендовалось не отделяться от красноармейской массы. Независимо от армейского статуса, интернированным выплачивалось одинаковое жалование².

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 5. Л. 28-29.

² Интересное свидетельство о взаимоотношениях в красноармейской среде оставил немецкий коммунист, находившийся какое-то время с ними в одном лагере как

Воздействие на комсостав удавалось оказывать благодаря полулегально существовавшим партийным организациям: в бараках были «коллективы коммунистов», в полубараках – партийные ячейки. Коммунистов среди интернированных было меньшинство, но они занимали ключевые должности и оказывали значительное моральное влияние на красноармейскую массу.

Такая система организации жизни лагерей вызывала любопытство как революционно настроенных немецких рабочих (которые видели в них своего рода «советскую» модель), так и других групп немецкого населения, включая внушительную русскую эмигрантскую диаспору. Лагерь постоянно посещались журналистами, оставившими достаточно подробные рассказы о жизни «красных». А ведь «для [немецкого] правительства поселение здесь интернированных было нелегким делом, т.к. местная пресса и ...местное самоуправление высказывались против интернирования [в их землях] красноармейцев», опасаясь «большевистской опасности, заноса [заразных] болезней, возможность грабежей и т.п.»¹

Несмотря на призывы советских представителей к интернированным (прежде всего политработникам) не заниматься большевистской пропагандой среди немцев, те стремились нести «коммунистическую идею» в любую внимающую им среду. В конце концов, разразился скандал. Немецкие газеты писали о проникновении большевистских эмиссаров в среду германских рабочих. С 1921 года лагеря интернированных красноармейцев, из которых большинство политработников уже выехали в Советскую Россию, были переданы в ведение военного министерства Германии. Посещение лагерей сотрудниками Бюро по делам военнопленных было ограничено и допускалось при условии, что они будут общаться с обитателями лагерей только в присутствии немецких властей и переводчиков, не станут организовывать митингов, а будут призвать

интернированный (поскольку был задержан при переходе границы с целью вступить в Красную армию): «Их обмундирование было из рук вон плохо, некоторые проделали всю кампанию против поляков без всякой обуви. Но весьма важным моментом было, по-видимому, сильно развитое среди них чувство товарищества. Они не ссорились друг с другом, а также и с другими обитателями лагеря. Начальников у них не было. Табаком все пользовались из общей для всех коробки». При этом, жизнь красноармейцев автор мог наблюдать только визуально, поскольку «мы почти не понимали друг друга» (*Турек Л.* Пролетарий рассказывает. Жизнеописание немецкого рабочего. М.; Л., 1931. С. 307)

¹ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим (от нашего специального корреспондента) // Воля России (Прага). 1921. 13 февр.

интернированных красноармейцев, остававшихся в лагерях, «к спокойствию и ожиданию возвращения на родину»¹.

Пребывание «интернированной Красной армии» за границей советские власти, видимо, пытались использовать в пропагандистских целях. Политкомиссары внимательно следили за тем, чтобы красноармейцы являли собой положительный пример граждан «Страны Советов». От них требовалось следовать под наблюдением политработников особым инструкциям, в частности, «все увольняющиеся в город должны иметь опрятный вид. Явиться для осмотра к дежурному. Вести себя добропорядочно, как подобает красноармейцу. Не ходить большими группами, не останавливаться у магазинов и на перекрестках, не ходить на вокзал и ни в коем случае по деревням». Последние запреты были связаны с тем, что интернированные «недопустимо для воинов Красной армии» навязывали немцам свои услуги «за ничтожную плату»².

Рассматривался каждый случай критических высказываний в отношении советской власти, каждый случай «попрошайничанья». Не допускалась работа интернированных по найму, а ведь возможность получить дешевую рабочую силу смирил многих немецких фермеров и буржуа с пребыванием в непосредственной близости с ними «большевиков». И красноармейцы рады были поработать, чтобы скрасить дни вынужденного заточения, а также заработать немного денег. Известно, что значительная часть интернированных пренебрегая запретами соглашалась на любые условия оплаты, чтобы получить работу. Это могло резко сократить заработную плату для самих немцев, и политкомиссары ставили всяческие препоны в приискании красноармейцами работ³.

¹ ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 15. Л. 113.

² ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.

³ Вопрос о работе для интернированных красноармейцев мог бы стать лучшим способом вбить клин между русскими коммунистами и немецкими социал-демократами. Вот один из эпизодов: «Померанский союз сельских хозяев ... обратился к министру труда с просьбой предоставить для сельскохозяйственных работ в Померании 10 тыс. русских красноармейцев. Несмотря на все свое отвращение к «красным», аграрии заинтересовались [в этой] наиболее дешевой рабочей силе. Германские социалистические газеты возмущены этим и видят в этом попытку понизить заработную плату германских сельскохозяйственных рабочих. ...Наилучшим разрешением [этого конфликта] было бы, чтобы русские крестьяне, из которых главным образом состоит красная армия, поскорее бы вернулись домой и стали бы засеивать собственные пашни...» (Работы для интернированных красноармейцев // Голос России: Орган русской демократической мысли. 1920. 13 апр.)

Большинство опасений, вызванных пребыванием на территории Германии десятков тысяч «большевиков», не подтвердились. Однако эти опасения сохранялись до того момента, пока последний эшелон с интернированными был отправлен в Советскую Россию. Так, занятия в лагерях физическими упражнениями, с целью занять чем-то интернированных и позволить сохранить им физическую форму в условиях длительного бездействия, рассматривалось как «занятия военным обучением», с тем, чтобы, когда потребуется, «помогать немецким коммунистам»¹.

¹ Лагерь Фалькенмор: письмо //Воля России. 1920. 19 дек.

V

«Везде жизнь!»

Быт интернированных красноармейцев

Нахождение столь значительного военного контингента за пределами Советской России было сопряжено с немалыми политическими сложностями. Гражданская война на территории России еще не закончилась, и сохранялась опасность, что под влиянием опытной пропаганды часть красноармейцев окажется завербованной в белые части. Не способствовала устойчивому моральному состоянию военнослужащих и ситуация в России: сельское население (а большинство красноармейцев были из крестьян) ожесточилось против политики «военного коммунизма», повсеместно вспыхивали восстания, переросшие весной 1921 года в опасное для сохранения политического режима движение.

В связи с этим, политической работе в лагерях интернированных уделялось особое значение. Со своей стороны, подобная политическая активность не могла не волновать германские власти, поскольку Германия находилась в беспокойном, предреволюционном состоянии. Впрочем, судя по инструкциям Главного политуправления Западного фронта, разработанным для руководства лагерных политработников, им рекомендовалось не допустить участия интернированных красноармейцев во внутренних делах Германии. Возможно, на таких условиях немецкой администрацией и допускалась «большевицкая диктатура» в лагерях; немецкой общественности же давалось объяснение, что лагеря интернированных находятся в юрисдикции Советского государства.

Лагерные политработники (комиссары лагерей и сотрудники политотделов) обязаны были дважды в месяц представлять отчеты о своей работе и заполнять специально разработанную статистическую форму¹ в Отдел интернированных войск Красной армии, созданный при Бюро по делам русских военнопленных в Берлине. Вопросы, которые отслеживались, касались состава интернированных (общее их количество, число комсостава и партработников, наличие женщин и детей, а также «движение лагерного населения», то есть учет умерших и бежавших, выехавших на родину или переведенных в другие лагеря). Следовало докладывать о медико-санитарном состоянии лагерей, о степени удо-

¹ РГНФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 81. Л. 1, 4.

влетворения основных бытовых потребностей интернированных. Требовалось сообщать о наличии красноармейских организаций (таких, как контрольно-хозяйственные советы, товарищеские суды, культпросветкомиссии).

Особое внимание уделялось культурной и политической работе среди интернированных. В лагерных политсводках рекомендовалось отражать настроение интернированных, фиксировать существующие отношения между комсоставом и комиссарами, отношение красноармейцев к комсоставу и комиссарам; отмечать наличие контрреволюционных настроений и организаций. Таким образом, данный вид источников может дать достаточно подробное представление о жизни обитателей лагерей.

Разумеется, формализованный отчет не раскрывает все оттенки жизни людей, оказавшихся после победоносного и динамичного наступления на положении фактически заключенных¹. Среди воспоминаний, на основании которых построена эта книга, немало таких, где жизнь в лагерях описывается с позиции отдельного человека.

Как всегда в подобных обстоятельствах (да и в более благоприятных жизненных условиях), отношение человека к происходящему зависело от его личного оптимизма. Из лагерей в эмигрантские газеты приходили, например, такие письма: «люди обречены вести жалкое существование. Работы нет никакой, весь день проходит в ожидании подачи хлеба, обеда и ужина. Промежутки заполняются лежанием на боку и игрой в карты. ...Скверные жилищные условия, недостаточное питание и другие мелочи, связанные с лишением свободы... [в результате] развивается отупение, апатия и лень»².

Подобную проблему можно было бы решить трудом, но интернированные фактически лишены были возможности покинуть лагерь (как это делали даже военнопленные, не говоря уже о находившихся на положении интернированных белоармейцев, которые спокойно передвигались по стране). Изоляция интернированных в лагерях вызывала недоумение у современников. Они все же не были заключенными. Если в Восточной Пруссии их изоляцию можно было объяснить постоянными побегами, то при переезде в Германию такое отношение к красно-

¹ Интернирование в международном праве означает лишение свободы передвижения, принудительное задержание (вступившего на территорию нейтрального государства войска)

² Лагерь Зальцведель (письмо из лагеря) // Воля России (Прага) 1921. 1 янв.

армейцам было непонятно. Немецкая администрация находила причины для ограничения выхода из лагерей. Постоянно объявлялись карантинные, связанные с эпидемиями или опасением «бунта»¹.

Можно предположить, что изоляция красноармейцев была в интересах и немецких властей, и советских представителей. Первые опасались «красной пропаганды» среди рабочих. Вторые не желали конфликта с немецкими пролетариями в связи с конкуренцией на рынке рабочей силы, которую могли бы создать десятки тысяч мужчин, готовых браться за любую работу и к тому же находившихся на скудном, но все же содержании – соответственно, они могли трудиться за значительно меньшую плату, чем «вольные» рабочие.

Возможно, о таких «местных условиях» писал автор доклада в Отдел интернированных. Отпуски в город красноармейцам предоставлялись, но, «по местным условиям» ограничено, их «количество и очередность устанавливается немецкой администрацией совместно с начальником гарнизона и комиссаром»². По согласованию с немецкими пролетарскими организациями, русское начальство лагерей отказалось давать интернированным разрешения на работы. Как следовало из объяснения комиссара лагеря Минден, он «решил никого не выпускать за проволоку», во-первых, из соображений социальной справедливости: «за скверное обращение предпринимателей с рабочими, недостаточную оплату и несвоевременную выдачу ее рабочим-красноармейцам»; а во-вторых, потому что «в окрестностях [лагеря] было много безработных немцев, которые прислали письмо с просьбой о сочувствии»³.

¹ Все подобные случаи отслеживались Отделом интернированных в Берлине. Например: «Лагерь Сольтау. Избиение Иванова и Гусева офицерами комендатуры в отместку за их выступление за права интернированных.

Лагерь Гамельн. Столкновение красноармейцев, вышедших на объявленный митинг, с немецким патрулем. Несколько красноармейцев было избито. ...Разгон митинга, один красноармеец избит офицером. (ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-3)

Инцидент, произошедший в декабре 1920 года в лагере Сольтау, был прокомментирован лагерной администрацией: «подстрекаемые беспокойным элементом» интернированные образовали «несколько ударных групп», и поскольку «это угрожало спокойствию города и округа, правительство послало в лагерь две сотни полиции» с пулеметом. Арестовав зачинщиков беспорядков, «лагерная дирекция в течение двух недель держала лагерь на усиленной охране». Когда «главные крикуны» были удалены» (имеется в виду принудительный перевод шестисот красноармейцев в лаг. Кроссен), в лагере был наведен порядок (В лагере Сольтау // Руль: Русская демократическая газета. 1920. 29 дек.)

² ГАРФ. р-3333. Оп. 2. Д. 185 Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 97. Л. 4-5.

При этом «отпуск на работу, – пишет корреспондент эмигрантской газеты, – ежедневная мечта интернированных. Ждут теплой погоды, когда их, как они надеются, будут отпускать на сельскохозяйственную работы. Но администрация [этого делать] не собирается»¹.

Работу как способ занять время и получить дополнительное питание пытались организовать централизованно. Разумеется, были и наряды, но против некоторых из них вступали комиссары лагерей, видя в них форму эксплуатации красноармейцев со стороны немцев, которые за выполнение этих видов работ получали деньги от советского правительства.

В лагере Ален-Фалькенбергер-Моор по договоренности с немецкой администрацией интернированные должны были заняться уборкой урожая картофеля и других овощей, при этом «было условлено ...о выдаче 5% картофеля и моркови, вырытых интернированными, им. Было вырыто 700 центнеров картофеля и 250 центнеров моркови. Вместо выдачи 5%, администрация заявила, что интернированными якобы похищено с полей и из ям продуктов на 6000 марок», при том, что «такое количество с полей интернированные взять не могли, т.к. выход за пределы лагеря запрещен, а поимка нескольких интернированных с небольшим количеством картофеля не говорит о таких масштабах хищений»².

Кроме таких конфликтов, были постоянные жалобы крестьян о якобы имевших место случаях воровства продовольствия. Так или иначе, но отпуска интернированных «за проволоку» всячески ограничивались³.

Сложилась ситуация, при которой дисциплинированные немцы-охранники не допускали самовольных отлучек из лагеря, вплоть до применения огнестрельного оружия. А красноармейцы считали, что они имеют право свободного перемещения по стране. Уже в первые недели интернирования, в лагере Арис были случаи расстрела интернированных красноармейцев немецкой стражей при попытке первых про-

¹ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим (от нашего специального корреспондента) // Воля России (Прага) 1921.13, 20 февр.

² ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 81 (Политсводки лагерей интернированных за время с дек. 1920 г.) Л. 11-12.

³ В результате подобных конфликтов «Баварское правительство лишило интернированных красноармейцев отпусков и запретило работы вне лагеря», объяснив это «их поведением» (Притеснения пленных (из беседы) // Руль. 1920. 9 дек.)

никнуть в город. За 3 недели ...было не менее 18 случаев ранения красноармейцев, и из них не менее восьми со смертельным исходом»¹.

Подобные случаи периодически происходили и в лагерях на территории центральной Германии², особенно в конце 1920 года, когда на лагеря интернированных распространились такие же правила, как существовали для военнопленных. Виктор Копп, возглавлявший Бюро по делам русских военнопленных, заявил, что «интернированные не были даже осведомлены о новых правилах отлучки из лагерей» и потребовал от немецких властей «отменить эти правила, провести расследование и дать вознаграждение семьям» убитых. «Эти действия германских властей беспримерны в истории интернирования чужих войск на нейтральной территории. Как будто в отношении русских интернированных другие законы»³.

Случаев самоубийства было немного, но они происходили⁴. Чувство оторванности от родных, безнадежность – все это влияло негативно на настроения красноармейцев. В Советской России в газетах время от времени появлялись заметки о пребывании «интернированной Красной армии» в Германии. Советским людям предлагалось не забывать о своих соотечественниках, писать им письма, посылать подарки. Находящимся в немецких лагерях было направлено из России несколько ва-

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 74.

² Вот статистика, отслеженная Отделом интернированных:

Лагерь Пархим: 20 сентября Фатеев Григорий был ранен в голову при попытке к побегу; 9 октября Андрей Фролов был ранен в голову при попытке к побегу, Марьянчин Иван был убит при попытке к побегу; 6 января при попытке к побегу ранен в обе ноги Семен Данев и умер после ампутации; 23 марта[1921 г.] при попытке к побегу убит Куракин Иван, Михаил Бровкин и Михаил Суханов ранены...

Лагерь Минден. 17 декабря красноармеец Кульга был убит на расстоянии 70 шагов от ограды между двумя проволочными заграждениями (ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-3 (Расстрелы, ранения и избиения красноармейцев).

Убийства в лагерях интернированных не обошли вниманием и газеты русских эмигрантов. Кроме прочего, они сообщили о вопиющем случае в лагере Гамельн, где 22 декабря интернированный Ткаченко был убит выстрелом в грудь, то есть он уже обернулся на оклик часового, когда тот выстрелил. (Протест Виктора Коппа // Голос России: Орган русской демократической мысли. 1921. 5 янв.)

³ Протест Виктора Коппа // Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1921. 5 янв.

⁴ В лагере Нателе за декабрь 1920 года «пять красноармейцев бегало за проволоку по непонятной причине. Один убит, один покончил жизнь самоубийством» (ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 81. Л. 34-40).

гонов «гуманитарной помощи», но страна сама находилась в крайне тяжелом положении.

Красноармейцы получали письма из дому, однако без марок (как это было принято при переписке с солдатами, тем более в условиях «военного коммунизма»), «и интернированным приходится доплачивать» за почтовые расходы, которые в Германии были не дешёвы, самим¹.

А чтобы купить бумагу и марки, красноармейцам приходилось отказывать себе в табаке и даже в покупке еды. К тому же вся корреспонденция подвергалась цензуре немецкой администрации. С этой целью в лагерях был штат переводчиков, как правило из белогвардейцев. Возможно, они и писали в газеты письма о «жалком существовании» интернированных красноармейцев...

Сами же они были людьми своего, революционного времени. Многие из них были преисполнены энтузиазма и жажды социального преобразования. Разумеется, носителями такого социального оптимизма было меньшинство, но меньшинство активное, представителей которого не сломали все тяготы жизни в неволе.

В воспоминаниях молодых, социально активных людей немало рассказов не только о тяготах лагерного существования, но и об активной культурной, спортивной жизни, которую они сами устроили себе во время вынужденного заточения в лагере. Такие свидетельства позволяют наполнить красками официальные отчеты, которые нередко содержали и несколько преувеличенную оценку работы политотделов в лагерях.

Присутствует в воспоминаниях и много выражений удивления и даже восхищения перед всем новым, что пришлось им увидеть «на чужбине». Все же это было поколение социальных оптимистов, и даже тяготы пребывания «за колючей проволокой» не убили у многих способности удивляться.

Сразу же после перехода границы молодой красноармеец был удивлен «непривычным своеобразием: и тщательно ухоженные, расчерченные каналами на отельные квадраты поля; и небольшие пролески, вычищенные, разбитые дорожками на участки; и шоссе с бетонными мостами и мостиками, обсаженное с обеих сторон подстрижен-

¹ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим (от нашего специального корреспондента // Воля России (Прага) 1921.13, 20 февр.

ными и ухоженными деревьями; и живописные фермы, которые выглядели словно игрушечные, с образцовым чистотой и порядком вокруг... Все это поражало чистотой, красотой и строгим порядком. ... В городе совсем не было сельских пригородов... с грязными немощеными улицами. Город сразу начинался с двух, трехэтажных каменных домов с черепичной крышей... Улицы были гладко вымощены, а тротуары выложены бетонными плитами... Всюду была отменная чистота и порядок»¹. Позднее, уже при переезде в новый лагерь, в Берлине «разглядывали с большим любопытством» локаторы мощной радиостанции².

Вместе с тем, резкий переход от состояния активного и победоносного наступления, сопровождавшегося захватом трофеев, к бесконечному, мертвящему покою лагерной жизни был невыносим.

А тяготы были существенные. При переходе через границу люди были не только разоружены, но многие были лишены имущества, которое в первые, самые трудные дни и недели могло бы обеспечить им более или менее сносное существование. К тому же армия отступала настолько поспешно, что обозное имущество, включая продукты питания, были просто выброшены.

Организованное затем немцами питание было непривычным для русских. По воспоминаниям красноармейцев, по прибытии в лагерь им был обещан горячий обед. Для красноармейцев вопрос еды был особенно важен, поскольку во время отступления в этом плане они очень бедствовали: «питались колосьями, собранными с польских полей, пытались разварить эти зерна и получить кашу без соли и какого-либо жира»³.

Оказавшись на территории Германии, они остро ощутили голод, чувство которого было заглушено под влиянием напряжения последних дней. «Обрадовались, думали покушать, давно горячей пищи не принимали. Но ожидания наши при виде обеда и хлебной порции разлетелись. Не обед, а какая-то бурда была подана, а хлеба по четверти фунта на день. Но делать было нечего, не своя воля. Хлебнув по несколько

¹ Машара М. Шел двадцатый год. М., 1977. С. 166, 168.

Впрочем, под впечатлением объяснений комиссара, автор вскоре убедился, что в действительности это была «подлакированная и завуалированная бедность» (Там же, с. 173)

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (Рябов П. Онежане на фонте. Из жизни интернированных в Германии. 1924-1927 гг.) С. 33-46

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 253.

ложек поданной теплой водички с какой-то крупой ...вместо супа, мы ложки опустили...». Утром звонком была объявлена утренняя поверка и «подан утренний кофе – не подумайте, что настоящий, нет, из сушеных желудей».

Немецкая пунктуальность проявлялась в режиме питания: «Порядок принятия пищи установлен по расписанию коменданта лагеря: в 8 утра чай, в 12 часов обед, в 2 часа завтрак, состоящий из селедки и осьмушки хлеба с маргарином, в 6 вечера ужин, до 9 вечера свободное время». Чай, как и кофе, был желудевым: «неприятно было пить, т.к. русский человек к чаю привык, но пили». Кормили, по словам авторов воспоминаний, «хорошо и много раз в день». Пища казалась вкусной, однако была суррогатом и голода не утоляла. Красноармейцы были удивлены, «что хлеб печется из костяной и травяной муки, т.е. это кость и осиновые опилки, размолотые мелко». Поверить в это было сложно; убедились только, высушив хлеб: «сухарь превратился в порошок, были хорошо заметны опилки кости и дерева». Таким образом, суррогатный хлеб и «немецкие обеды, состоящие из воды с крупой, не утоляли голода. Чтобы не замереть с голода окончательно, многие наши товарищи ходили по целым дням в поисках пищи... Некоторые додумались с этой целью проверять помойки, куда выливались все отбросы с кухни: сельдяные головы и мясные кости. Эти отбросы добывали почти с боем, а затем во время топки печи в бараке эти головы и кости вновь переваривали и готовили себе суп, который считался хорошим ужином. Кости варили, пока они окончательно не разварятся. Картофельную шелуху тоже в котелках варили и приготавливали отличное картофельное пюре. Все это тяжело отражалось на нашем желудке, может быть, некоторые получили и болезни, я лично с тех пор от употребления такой грубой пищи страдаю катаром желудка», - писал в своих воспоминаниях младший командир Красной армии Прялухин¹.

Бедственное положение, в которых пребывали люди в лагерях, подталкивало их к мелким преступлениям, в том числе к воровству. «Желудочные интересы, а иногда и “охота покурить” не давали покоя и можно было видеть целые толпы людей на “толкучке”, где продавали все, что можно было снять с себя и продавать... В силу тяжелого материального или хозяйственного положения и нравственного одичания,

¹ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Воспоминания, 1928 г.) Л. 7об., 8об., 9, 9об.

оторванности от свободной жизни, общей физической усталости, истощения и других причин люди прониклись мелкими и шкурными стремлениями. Развилась спекуляция уже не из-за куска хлеба или 50 грамм табаку, а с целью наживы. Развилась также картежная игра, «орлянка» и другие азартные игры. Нередки были случаи пьянства. Каждый день были преступления и производились аресты»¹.

Кроме голода, мучил холод. «От сырости и холода в бараках многие заболели, и той нормы топлива, которая выдавалась на сутки – 200 грамм торфа и 400 грамм каменного угля – для отопления громадного барака не хватало». Стремление протопить свой барак заставило дежурного (автора воспоминаний) украсть плохо приколоченную доску. Обнаружив пропажу, начальник лагеря «за невыдачу виновника наложил наказание на весь барак “не давать хлеба”, пока не выкажут виновника. Сознавая товарищескую дисциплину, мне пришлось пойти и сознаться коменданту»². В качестве наказания он получил «воспитательную беседу» от коменданта и три дня в карцере «на хлебе и воде».

Наказания за совершенные красноармейцами преступления осуществлялись дисциплинарным путем (лагерной администрацией), а также судебным, если проступок имел уголовный характер. В лагерях действовали и товарищеские суды. Следует отметить, что права интернированных и военнопленных – а в некоторых лагерях они жили в соседних бараках - значительно различались³. Отличались даже наказания за провинности: если военнопленных «за пьянство наказывали лишением пайка, курева, отпусков», то на красноармейцев за это «смотрели сквозь пальцы: “Пусть! товарищи пострадали, заслуживают снисхождения”»⁴.

Итак, красноармейцы страдали от дурного питания, от холода, от недостатка одежды и обуви. Отступление происходило летом, и многие остались в одних обветшалых гимнастерках. Такие красноармейцы «вынуждены были часто оставаться целыми сутками, неделями под одеялами»⁵. Поэтому обещание лагерного начальства об обеспечении

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. (Реяк Я. Воспоминания, 1922 г.)

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. Л. 9об., 10.

³ Так, интернированные лучше обеспечивались продовольственными пайками, что вызвало возмущение остальных, заставив их обратиться с жалобами к правительству РСФСР и в Международный Красный крест (ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 22. Л. 129).

⁴ ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 6. Л. 262.

⁵ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Реяк Я. Ук. соч.)

всем недостающим встретили с облегчением: «Наконец-то, думаем, и мы приоденемся». Однако вместо сданных русских гимнастерок, солдатского белья и сапог «выдали старые серые немецкие мундиры, шинели да фуражки без козырьков, а на ноги, у кого не было обуви, колодки деревянные».

Когда, наконец, красноармейцам была предложена немецкая «баня», она произвела немалое впечатление на красноармейцев. «При входе в баню нас сразу же встретил цирюльник и остриг волосы, брови и усы. Когда дошла наша очередь до стрижки, мы удивились: не машинками и бритвами, как у нас в России, а каким-то раствором бреют. Процедура стрижки и бритья проходила очень быстро. Подходим к цирюльнику, он намазывает раствором все те части, где имеются волосы, а потом сразу же смывает щеткой, и волосы сваливаются на пол. Получалось чище, чем под бритву». После стрижки и бритья направлялись в баню, которая для русских, особенно северян, была особенно желанной. Однако баня оказалась «не русская парная, а истинно немецкая» (то есть душ): «Постоявши под дождиком, который лился из особо устроенного под потолком решета, 2-3 минуты, получали приказ выходить, и тем баня кончалась»¹. Впрочем, и такая баня полагалась всего раз в месяц.

Полуголодное состояние «сильнее всего томило... при таком безделье, оторванности и одиночестве»². В связи с этим, важной задачей как политотдела 18 армии (которому подчинялись интернированные политработники), так и комсостава, находившегося в лагерях, было не только организовать красноармейцев, но и как-то их занять. Строевые занятия проводить было нежелательно, поскольку на это болезненно реагировала германская «общественность», видевшая в этом неслучайные военные приготовления. Работать на немецких «эксплуататоров» - а многие красноармейцы хотели бы этого, хотя бы для того, чтобы заработать деньги на дополнительное питание, - для «советского человека» было неподходящим занятием; к тому же немецкие рабочие ходатайствовали перед руководством интернированной Красной армии «не лишать» их в условиях существовавшей безработицы заработка путем предложения более дешевого труда.

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 7об., 8.

² ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. (Реяк Я. Ук. соч.) Л. 14-25

Первое время красноармейцам разрешалось свободно ходить по городкам, расположенным в непосредственной близости от их лагерей. Но вскоре последовал запрет. Причину такого запрета описал М. Машара. По его словам, во время прогулки в город они встречали «гостеприимство и любопытство немцев». Однако прибывшая в их лагерь бригада «из чеченцев и черкесов» устроила разгул. Отправившись в город, стали менять «награбленное» во время похода на спиртное. «Кавказцы в городе напились и горланили песни», вслед за чем стали проявлять «революционность»: «устроили погром, разоружили полицию», так что пришлось привлекать для их успокоения регулярные части. На следующий день буйных кавказцев вывезли из лагеря, однако «немцы после этого изменили свое отношение» к красноармейцам¹.

После запрета на походы в город жизнь в лагерях стала особенно «скучна и голодна. ...Ни шагу за проволоку... Скука и монотонность жизни начинала надоедать... Единственное удовольствие было выходить по вечерам из барака... и петь хором под открытым небом революционные песни»², - так описывает свое состояние интернированный политработник. Что касается «красноармейской массы», то ее «настроение было подавленное. ...Обвиняли поголовно всех. Люди, ненавидящие советский порядок, бросали обвинение исключительно на коммунистов» В результате, когда была объявлена регистрация партийных и культурных работников, «регистрировались более смелые работники. Значительная часть из политработников, считаясь с антисоветской пропагандой, часто скрывала свою партийность и на регистрации не являлась»³.

Первые недели пребывания в лагерях политработников, которые особенно тосковали, будучи оторванными от «живой работы», держали отдельно от красноармейцев. «Принялись было заниматься учебой: кто взялся за общественно-политические науки, кто за изучение немецкого

¹ Машара М. Шел двадцатый год. – М., 1977. – С. 174.

² ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33-46 (Рябов П. «Из жизни интернированных в Германии»: воспоминания, 1924-1927 гг.)

³ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. (Реяк Я. Ук. соч.) Л. 20-21.

«По лагерю [Арис] дважды было объявлено по постановлению общего собрания членов РКП, что не зарегистрировавшиеся к 1 окт. 1920 г. считаются исключенными из партии, таким образом, после объявленной регистрации мы имели 248 человек партработников (остальные члены и кандидаты в числе 335 человек были приняты в разное время парткомиссией). Всего в организациях коллективов бригад мы имели 583 человека». (Там же)

языка... Пробовали дискутировать о причинах нашего поражения под Варшавой. Но все чего-то не хватало, не было увязки в работе, все ходят с понуренными головами...»¹.

После вмешательства советского консульства и Бюро по делам военнопленных комсостав поселили в общих бараках с красноармейцами. Не всем представителям комсостава это понравилось. Но политработники воодушевились, вернувшись к привычной для них «работе с массами». Они постарались разместиться по два-три человека «в каждый барак с таким расчетом, чтобы связаться со всей массой красноармейцев и повести хотя какую-либо культурную работу.... Вели беседы с красноармейцами на политические темы, читали газеты и толковали о прочитанном»².

В тех лагерях для интернированных, где было велико влияние политкомиссаров, красноармейцами принимались решения о «справедливом устройстве» лагерной жизни. Они потребовали, чтобы их не разделяли «на буржуазный манер» на рядовой и командный состав, а расселили по баракам и обеспечивали деньгами и продовольствием «по товарищески». И действительно жалование комсоставу и красноармейцам выдавалось поровну, по 10 марок в месяц³. Впрочем, занимавшим в лагерях различные должности полагались и дополнительные деньги, но красноармейцы, возможно, об этом не знали.

Выше уже говорилось, что лагеря управлялись по гарнизонному распорядку. В них фактически была восстановлена существовавшая в Красной армии система управления. Оказалась под запретом, как это было в Советской России, и «свободная торговля». Вместо нее были созданы товарищеские кооперативы. Товары для реализации в кооперативных лавках закупались на средства паевых взносов красноармейцев, а также на выделяемые Отделом интернированных вспомоществования. Небольшая прибыль, которую имели кооперативы, шла на развитие культурно-массовой работы, в частности, на приобретение книг и газет, на грим и костюмы артистов лагерных театральных трупп.

Красноармейцы были объединены в «роты» и «сводные полки». Бараки избирали членов «комитета лагеря», который занимался обсуждением и решением насущных вопросов. Представители от лагерей

¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33-46 (Рябов П. Ук. соч.)

² ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33-46 (Рябов П. Ук. соч.)

³ ГАРФ. р-9488. Оп.1. Д. 64.

направлялись на специальные съезды, которые устраивались в Берлине. Контроль за жизнью интернированных осуществляли органы советского государства, находящиеся в Берлине. Кроме консульских отделов, этим занималось Российское Бюро по делам военнопленных, при котором был создан Отдел интернированных войск Красной армии. В лагерях находились уполномоченные консульским отделом РСФСР в Германии. На содержание каждого красноармейца Советская Россия выделяла по 4 марки в день. Эти средства шли на содержание лагерей, питание и обмундирование интернированных.

Отдел интернированных разработал инструкции по организации внутренней жизни лагерей. Именно на основании этих рекомендаций, в основу которых был положен опыт Г.Д. Гая по «наведению порядка» среди интернированных красноармейцев, была восстановлена работа партийных ячеек, воссозданы товарищеские суды, избраны контрольно-хозяйственные советы лагерей (для контроля за расходом продовольствия и других материальных ресурсов), а также организованы отделы культпросветработы, школьные, театральные-музыкальные, клубно-библиотечные и спортивные секции.

И жизнь в лагерях, которая «первое время протекала грустно, неорганизованно», «стала интересной, веселой».

Как это было принято в Советской России, культурно-массовая работа в лагере организовывалась в форме различных кампаний: устраивались «дни» и «недели» пролетарской культуры, просвещения и проч. Особенно оживленно проходили «Недели пролеткульта», целью которых было развитие художественной самодеятельности у красноармейцев.

В лагерях издавались рукописные журналы и газеты, в которых авторами повестей, рассказов, стихов были сами красноармейцы. За публикацию полагался гонорар, и даже за не помещенные в журнал «литературные произведения» выдавались премии¹.

Все творчество красноармейцев было пронизано тоской по родине, стремлением вернуться и включиться в преобразующую деятельность, которая, как им казалось, развернулась в Советской России. Интернированные отмечали у себя «горячее желание возвратиться скорее в Рос-

¹ ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 49

сию. Хотелось отдать еще сохранившиеся силы на закрепление завоеваний Октября»¹.

Особенно много наивных стихов о своей жизни «в неволе». Вот одно из таких произведений, принадлежащих перу красноармейца²:

Лагерь скучный, лагерь грустный

И опутан ты при том

Сетью проволоки колючей

В два ряда со всех сторон.

Внутри лагеря в бараках

Части красных войск живут

И германские солдаты

Их снаружи стерегут.

За народ и за свободу

В битвах шли вперед они,

А теперь нести невзгоду

Злой судьбой обречены.

Сверх полгода протекает,

Как пришли они сюда,

И на волю не пускают

Поработать никуда.

Но они не унывают

Здесь в неволе тяжелой, злой,

И спокойно ожидают

Час отъезда в край родной.

Час, в который они будут

Средь товарищей-друзей,

В их объятьях все забудут,

Гнет невольнических дней.

Почти в каждом лагере интернированных не без помощи Американского «Союза христианской молодежи»³, а также при поддержке

¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33-46. (Рябов П. Ук. соч.)

² ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 49 (Лагерь Зильцведель. Лагерный журнал-сборник к Неделе пролетарской культуры «Наш путь»). Л. 13об. (В. Тиньчов. Лагерь интернированных)

³ Союз христианской молодежи Америки (YMCA - Young Men's Christian Association) активно занимался организацией «культурного досуга» молодых людей, оказавшихся во время Первой мировой войны в окопах, лазаретах, в лагерях воен-

Бюро по делам русских военнопленных, были устроены театры, библиотеки, клубы, организованы спортивные секции.

Наибольшей популярностью пользовались концерты и театральные постановки. В лагерных театрах силами самих красноармейцев, а также представителей пролетарских организаций Германии, ставились спектакли, делались концерты, устраивались постановки «живых картин», организовывались киносеансы. Материальная база в определенной степени досталась от бывших лагерей военнопленных (театральные помещения, декорации). Средства на приобретение костюмов, грима, а также на жалование актерам предоставлялось Бюро военнопленных, а также за счет платных концертов и доходов от кооперативных лавок. Декорации изготовлялись своими художниками.

Среди интернированных было немало профессиональных актеров и музыкантов¹. В Бюро военнопленных постоянно поступали просьбы из лагерей прислать для драмкружков пьесы. Среди интернированных объявлялись конкурсы на драматическое произведение об их жизни в германских лагерях.

В театре лагеря Пархим за шесть месяцев было поставлено 87 спектаклей и устроено 44 киносеанса; общее количество зрителей составило 54.360 человек, то есть каждый обитатель лагеря посетил театр за это время 5-6 раз².

нопленных. После окончания войны они продолжали свою деятельность в охваченной Гражданской войной России. В условиях идеологического противостояния их помощь принимали, но стремились ограничить ее учебными пособиями, музыкальными инструментами, спортивными снарядами и предметами, необходимыми для театральных постановок.

¹ Судя по списку служащих штаба 53 дивизии, интернированного почти в полном составе, на штатных должностях находились артисты, фокусники, оркестранты. Многие красноармейцы и командиры до войны были самодеятельными актерами, а некоторые и профессиональными. Если верить автору публикации в эмигрантской газете, командир 53 дивизии был «актер оперетты» (Наступление на Польшу: по воспоминаниям офицера красной армии //Воля России. 1920. 9 дек.)

Корпус Гая интернировался вместе со своими «тремя оркестрами».

² ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Ряк Я. Ук. соч.)

В лагере Пархим «драматическая группа 22 человека, в том числе несколько профессиональных артистов. Спектакли даются 4 раза в неделю, они бесплатные. Барак-театр на 400-500 человек. Билеты рассылают по бригадам, там раздают по красноармейцам. Каждый раз 40-5 красноармейцев толкуются у театра в надежде попасть на представление. Если бы театр вмещал 5 тысяч, все равно бы не было свободных мест. Кинематограф (в лагере Пархим он был устроен УМСА) бывает два раза в неделю. Фильмы немецкие, без пояснения на русском языке и отличаются обычной бессодержательностью. Интернированные умоляют прислать русские фильмы, хотя бы революционного содержания». В

Часть заработанных на концертах и показе кинофильмов денег шла на улучшение питания больных в лагерных лазаретах.

Особое внимание культмассовыми комиссиями уделялось спортивным занятиям; на этом настаивали и врачи, которые опасались заболеваний и распространения депрессивных настроений у красноармейцев, вынужденных вести малоактивный образ жизни. В лагерях были популярны легкая и тяжелая атлетика, борьба. Спортсмены устраивали состязания, а также показательные выступления, например борцов, участвовать в которых высказывали желание и немцы-охранники. Устраивались и шахматные турниры. Широкое развитие получили массовые мероприятия: футбол, волейбол, лапта, городки. «Футбол был одной из лучших игр для красноармейцев, и желающих учиться было очень много»¹.

Финансовую помощь в создании материальной базы (приобретении книг и учебных пособий, спортивного инвентаря, костюмов и грима для драмкружков) оказывали Отдел интернированных войск, немецкие пролетарские организации, а также вездесущий «Союз христианской молодежи Америки». Однако «русские общественные организации, представители “красных крестов”, революционеры буржуазные – они нас, десятки тысяч, не заметили в Германии, нас на чужбине не обогрели», - писал в своих воспоминаниях красноармеец².

Впрочем, по свидетельству журналиста-эмигранта, «другая помощь (кроме американской) в лагерях вызывает подозрение. Помощь Антанты связывают с агитацией в деникинские батальоны»³.

лагере Сольтау помещение театра было рассчитано на полторы тысячи человек, работало две труппы. Кроме смодельных актеров были и профессиональные. Давали по 2-3 спектакля в неделю, еженедельно меняя репертуар. «Декорации великолепно написаны местным художником, музыка аранжирована капельмейстером гарнизонного оркестра». В лагерях Пархим и Сольтау были духовые и струнные оркестры, а в Сольтау – еще и хор-оркестр балалаечников (У «третьей силы» (от нашего специального корреспондента) // Воля России (Прага). 1921. 13 февр).

¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Реяк Я. Ук. соч.)

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. (Порядин А.Н. Из лагерной жизни в Германии: воспоминания, 1927 г.) Л. 7об.

О том же – в публикации в эмигрантской газете: «Помощь немецких коммунистов – раздача мыла и табаку. Русские общества не оказывают никакой помощи» (У «третьей силы»: лагерь интернированных. // Воля России (Прага) 1921. 27 февр.)

³ Штеттин (от нашего корреспондента) // Руль. 1920. 26 нояб.

Важное значение уделялось организации в лагерях библиотек и клубов. Библиотеки пополнялись за счет книг, которые в порядке товарищеской помощи передавались из лагерей русских военнопленных, а также закупались на средства Бюро. Интернированным особенно были нужны газеты. Однако у немецких властей была достигнута договоренность с советским правительством о недопустимости коммунистической пропаганды на территории Германии, в том числе в лагерях военнопленных и интернированных, поэтому советские газеты, кроме «Известий Бюро военнопленных», в лагеря не допускались. Многие эмигрантские организации были бы рады снабжать соотечественников своими печатными изданиями, однако в лагерях разрешено было распространять только наиболее нейтральные русскоязычные газеты: парижское «Общее дело», берлинские «Руль», «Новый мир» и «Голос России», издававшаяся в Праге «Воля России», «а литература русского отдела немецкой компартии не пропущена»¹.

Газеты доставлялись бесплатно немецкими коммунистами, частично выписывались на средства, заработанные лагерными потребительскими кооперативами. В них много внимания уделяли судьбе интернированных красноармейцев. В газете «Воля России» появился разворот под общим заглавием – «Жизнь военнопленных и интернированных». Этим эта эсеровская газета вызвала недовольствие и советского правительства, и белогвардейских правительств «в изгнании», и, по словам редактора, была «запрещена для получения в лагерях. Некоторые коммунистические лагерные комитеты уничтожают газету по получению. Так же борются с газетой агенты Колчака и Деникина»².

В лагере Эрланген с помощью гектографа стала издаваться собственная газета «Новый мир» и двухнедельный журнал. Дважды в неделю перед спектаклями устраивалась «живая газета». Этот пример был подхвачен и другими лагерями. Так, в лагере Зильцведель выходил иллюстрированный рукописный «журнал-сборник» «Наш путь», в котором помещались стихи и рассказы красноармейцев. Среди потенциальных авторов устраивался конкурс, причем даже за не помещенные в журналах и газетах произведения выдавалась премия.

Поскольку лагеря обладали определенной экстерриториальностью и лагерное начальство было обязано его соблюдать, случались и курье-

¹ Немецкие коммунисты и русские интернированные // Голос России. 1920. 5 окт.

² Воля России (Прага). 1921. 1 янв.

зы, когда, например, при пении «Интернационала» (гимна Советской России) немецкие офицеры «отдавали честь». Стремилась отмечать в лагерях и государственные праздники. (Впрочем, немецкой администрации, разрешившей или допустившей подобные мероприятия, делались от своего начальства выговоры).

В ноябре 1920 года интернированные постарались торжественно отметить третью годовщину Октябрьской революции. Администрация лагеря Альтдамм позволила устроить «манifestацию и парад войскам». «В 12 часов дня 7 ноября командир [сводного] полка Цветаев, проходя по рядам выстроившихся, поздравил с праздником. Ряд выступавших товарищей кратко обрисовали картину жизни в лагерях и условия, в которых волею судеб приходится этот великий день встречать на чужбине и не так торжественно, как это было бы в России. После выступления наших товарищей выступали некоторые из немцев. Они также сожалели, что здесь, в условиях пленения, мы не можем проводить этот великий день так, как бы следовало его проводить. А выступавший военнопленный сказал, что “недалек тот день, когда вся Германия будет охвачена революционным огнем, и тогда немецкий пролетариат свободно вздохнет и увидит яркое красное знамя труда”. Чтобы празднование еще больше ознаменовать, объявил, что сегодня силами военнопленных будет поставлен спектакль “Парижская коммуна”, на каковой и просил прийти всех»¹.

К концу 1920 года, когда жизнь в лагерях более или менее наладилась, особенно хорошо было поставлено школьное дело. Для такого благого дела лагерные власти выделяли помещения в административных бараках. В лагере Сольтау школа помещалась в здании церкви, устроенной еще «старовоеннопленными». Красноармейцы из нее «иконны повыбросили и понемногу сожгли»².

Привлекали красноармейцев в школы дополнительным пайком и освобождением от нарядов. Учителя работали бесплатно, в качестве трудовой повинности; в лучшем случае им предоставлялся дополнительный паек. В обязательном порядке устраивались школы для неграмотных и малограмотных, посещение которых для этих категорий красноармейцев было обязательным (вплоть до «применения репрессивных мер»). Были организованы группы для обучения и по програм-

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 11.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. (Порядин А.Н. Ук. соч.) Л. 7.

ме второй ступени (среднее образование). Однако отмечалось, что по мере развития в лагерях «школьного дела» количество учащихся в школах уменьшалось: «некоторым достаточно того, что научились читать-писать, другие ленятся»¹.

Чтобы заинтересовать красноармейцев занятиями, отделы культпросветработы занимались привлечением специалистов из среды интернированных, которые могли бы проводить специализированные курсы. Кроме общеобразовательных и политических занятий, в школах были организованы сельскохозяйственные курсы, которые были особенно популярны у красноармейцев, в большинстве своем крестьян-земледельцев². По наблюдению журналиста, «в школе молодежь, здесь [на сельскохозяйственных курсах] - зрелые мужчины»³.

Тем временем, «Центр» требовал от политкомиссаров обязательно устраивать школы политической грамоты. Германская администрация подобной системы обучения не поощряла, поэтому такие школы действовали полулегально, собираясь в помещениях клуба или библиотек. Посещение школ политграмоты было обязательным для политруков и секретарей коммунистических ячеек, остальные могли это делать в добровольном порядке.

Впрочем, большинство красноармейцев предпочитали посещать клубы. Там устраивались не только лекции на самые разные темы (о современном международном положении, о внутренней политике Советской России, на исторические и мировоззренческие темы), но и вечеринки «под патефон», что было возможным благодаря наличию в лагерях женщин. В конце концов, Бюро по делам военнопленных распорядилось «прекратить танцевальные вечера и заменить таковые публичными чтениями»⁴.

«Женский вопрос» в лагерях стоял остро и создавал не вполне нормальную обстановку. Посещавшие лагеря интернированных отмечали, что там немало женщин, среди них много беременных. Несмотря на рекомендации вообще вывести женщин и детей из лагерей, чтобы не создавать дополнительного напряжения, этого сделать не удавалось. Женщины были либо женами комсостава, либо срочно оформляли брачные документы, подтверждая факт сожительства с красноармейца-

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 81. Л. 69-78, 91-97.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. (Порядин А.Н. Ук. соч.) Л. 7.

³ У «третьей силы»... Воля России (Прага). 1921. 27 февр.

⁴ ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

ми показаниями свидетелей или наличием совместных детей. Женщины были также среди младшего медицинского персонала, служащие на низших штабных должностях и в хозяйственных отрядах (прачки).

В лагерь, особенно перед отправкой на родину, любыми правдами и неправдами стремились проникнуть женщины, стремившиеся заключить брак с красноармейцами и выехать в Россию за казенный счет. Это были русские, оказавшиеся за границей, а также немки, желавшие путем фиктивного брака выехать в Россию, чтобы воссоединиться с русскими военнопленными, с которыми они сожительствовали.

*

Если культурно-просветительская работа была в большей степени внутренним делом «интернированной Красной армии», то санитарное состояние лагерей стало объектом пристального внимания немцев.

В связи с переходом на свою территорию большевистских «орд», немецкое население особенно беспокоила возможность распространения заразных болезней и даже эпидемий, которые, как казалось, хлынут в страну вместе с десятками тысяч красноармейцев. Однако в 1920 году в Красной армии благодаря ударным профилактическим мероприятиям случаев тифа уже практически не было, и даже долгое пребывание в боях и тяжелые условия, в которых оказались тысячи людей, внезапно «обрушившихся» на власти Восточной Пруссии, не ожидавших такого оборота в Советско-польской войне, не привели к значительному ухудшению ситуации. По сообщениям из Кёнигсберга, «санитарное состояние беглецов в общем удовлетворительное» и «до сих пор не было вспышек никаких эпидемий»¹. Медицинская помощь в основном требовалась раненым красноармейцам.

Но условия, в которых находились первое время интернированные: скученное пребывание большого количества людей при плохом питании, недостатке отопления, теплой одежды и белья, а также при общем подавленном состоянии, - могли создать опасную ситуацию, способствующую развитию различных болезней. Так, в лагерях отмечалась антисанитарная обстановка, усугубленная недостатком бань и дезинфекционных камер. И «если в первые дни интернирования отношение количества раненых, пользовавшихся лечением в лазарете Ариес, к количеству больных было 4 к 1, то уже к 15 сентября 2 к 3»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 73.

Первое время люди заболевали в основном простудными и желудочно-кишечными заболеваниями - из-за недостаточного обмундирования и недоброкачественной пищи. Но уже через три недели интернирования стали появляться случаи тифов¹. В наиболее заполненных лагерях (Пархем, Сольтау) распространение тифозных заболеваний приобрело форму эпидемии; количество заболевших тифом доходило до 600 случаев на лагерь².

В ноябре 1920 года в лагерях интернированных было зарегистрировано 967 случаев возвратного тифа (больше всего в лагере Пархем – 393). С 15 сентября 1920 г. по 1 января 1921 г. из 5498 больных, находившихся в лагерных лазаретах, 2348 были с тифозными заболеваниями (1462 случаев возвратного тифа, 600 сыпного, 262 брюшного)³.

При этом летальных исходов в целом было немного. Совместными усилиями представителей русского медицинского персонала, оказавшихся на положении интернированных, и немецкой администрации были проведены жесткие санитарно-гигиенические мероприятия, а также профилактические мероприятия, схожие с теми, что были приняты в Красной армии. И эпидемий удалось избежать.

Незамедлительно были выявлены и изолированы заразные больные. Русские врачи поставили перед немецкой администрацией вопрос об обеспечении красноармейцев банями и прачечными. Снабжение лагерных амбулаторий и лазаретов медикаментами было налажено через Бюро русских военнопленных; значительная гуманитарная помощь в этом направлении были и со стороны «Союза христианской молодежи Америки». В частности, благодаря их помощи больные в лазаретах получали улучшенное питание – мясо, сгущенное молоко, масло. Из этих же пайков поддерживали медицинский персонал, который трудился самоотверженно; было немало случаев, когда врачи, не говоря уже об осуществлявшем уход за больными персонале, заболевали тифом.

Врачи осуществляли прием больных в специально оборудованных амбулаториях; в одном из лагерей такая амбулатория «приводила в восторг немцев, которые демонстрировали ее прибывавшим в лагерь гене-

¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Реяк Я. Ук. соч.)

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Реяк Я. Ук. соч.); ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 62. Л. 33.

³ Среди интернированных войск красной армии // Новый мир: ежедневная политическая, литературная и экономическая газета (Берлин). 1921. 20 февр.

ралам»¹. Проводилась почти поголовная вакцинация красноармейцев с целью не допустить заболевание оспой и тифом. Таким образом, удалось не допустить распространение заразных болезней не только за пределы лагерей (чего так опасались немцы), но и в самих лагерях.

Одной из важнейших проблем для интернированных красноармейцев, непосредственно оказывавшей влияние на заболеваемость, был недостаток мыла, теплой одежды, постельного и нижнего белья. С обмундированием и бельем проблему еще можно было решить, хотя старая немецкая военная форма, выданная красноармейцам, набитые соломой тюфяки, обувь на деревянной подошве их, конечно, устроить не могла, вызывая нарекания. Но с мылом, этим дефицитом военного времени, дело обстояло сложнее: «совершенно нет мыла или выдается так называемое мыло военного времени – глина»²; «мыла ...до декабря 1920 года не получали. Белье стирали холодной водой и где попало, так как прачечных не было. Значительная часть красноармейцев за отсутствием мыла вовсе не стирали, а у многих и стирать нечего было»³. Некоторые нужные интернированным предметы, например, приборы для бритья и стрижки, ввиду их дороговизны германская администрация предоставляла в ограниченном количестве. Эти вопросы удавалось частично решить путем привлечения благотворительной помощи.

Следующим шагом стало воссоздание во всех лагерях интернированных системы санитарного контроля. Эта система была построена по образцу, существовавшему в Красной армии, где имела внушительные успехи в борьбе с заразными болезнями. Лагеря регулярно инспектировались работниками санитарной части Отдела интернированных⁴. Все медицинские работники – а среди интернированных находилось 80 врачей, 600 лекарских помощников (фельдшеров), более полутора тысяч санитаров, 50 санитарок и сестер милосердия⁵ – были перераспределены по лагерям, в зависимости от количества находившихся там красноармейцев. При этом младшему медперсоналу за работу жалования не полагалось. Мотивацией к труду была надежда на первоочередную отправку на родину⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 72-75.

² ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 62. Л. 1-6.

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Реяк Я. Ук. соч.)

⁴ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 80-85.

⁵ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 62. Л. 33.

⁶ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 80-81; Д. 5. Л. 24.

Во главе санитарного дела каждого лагеря был поставлен гарнизонный врач, осуществлявший общее руководство медико-санитарным делом в лагере и предоставляющий об этом регулярные отчеты. В крупных лагерях, где содержалось более 4 тыс. чел., был еще и санитарный врач, который осуществлял санитарные мероприятия и руководил деятельностью так называемых «санитарных троек».

«Сантройки», состоящие из старосты барака, фельдшера и выборного от красноармейцев, контролировали чистоту в бараках, их проветривание, дезинфекцию постельных принадлежностей. Все красноармейцы должны были беспрекословно подчиняться «сантройкам», члены которых наблюдали за тем, чтобы те были пострижены и побриты, регулярно посещали баню, стирали белье, занимались гимнастическими упражнениями на воздухе, а также присутствовали в обязательном порядке на устраиваемых врачами лекциях о вопросах гигиены и борьбы с заразными болезнями¹.

По мнению эмигрантских газет, описывавших жизнь интернированных, русские врачи (в большинстве своем имевших вид «земского

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 58. Л. 80-81.

Интересно ознакомиться с правами и обязанностями «сантроек», которые были сформулированы Отделом интернированных:

- «1) Интернированные встают не позже 7 утра;
- 2) тотчас по вставании каждый красноармеец моет водой свои руки, лицо и шею, за чем лично наблюдает сантройка;
- 3) уборка бараков проводится по утрам, причем предварительно пол ополаскивается слабым раствором крезола;
- 4) метение пола происходит также после обеда и ужина;
- 5) 2 раза в день производится проветривание барака, для чего открываются окна;
- 6) строго воспрещается сорить на пол, плевать, бросать окурки и проч.;
- 7) строго воспрещается ложиться в шинели и сапогах на засланную постель;
- 8) все красноармейцы должны быть острижены, наблюдение за чем лежит на ответственности сантройки;
- 9) сантройка проверяет правильность мытья и дезинфекции одежды красноармейцев своего барака;
- 10) каждый четверг производится генеральная уборка бараков, для чего все вещи из бараков должны быть вынесены, выколочены, проветрены. Барак сверху донизу должен быть вымыт крепким раствором крезола;
- 11) сантройка наблюдает за тем, чтобы все красноармейцы не менее чем по одному часу в день занимались на открытом воздухе гимнастическими упражнениями, играми. Руководство последними возлагается на санитарного врача;
- 12) сантройка наблюдает за тем, чтобы красноармейцы аккуратно посещали собеседования и лекции по гигиене и борьбе с заразными болезнями, устраиваемые врачами;
- 13) все живущие в бараках беспрекословно подчиняются всем вышеуказанным требованиям сантройки»

доктора») находились в отличных деловых отношениях с немецкими медиками, задачей которых было не допустить распространение эпидемий в лагерях и за их пределами. Но в советских документах деятельность немецких врачей характеризовалась критически. Любые их недоработки фиксировались, возможно, с целью собрать больше материалов для оспаривания представленного германским правительством счета за содержание интернированных. Справедливости ради следует сказать, что в лагерях при содействии немцев были оборудованы лазареты; при необходимости интернированные могли обращаться к гражданским докторам, для чего им предоставлялся специальный пропуск на выход из лагеря. При помощи германского общества Красного Креста и на средства советского правительства (выделившего на эти цели 25 тысяч марок) были размещены заказы на изготовление протезов для красноармейцев-инвалидов. Был организован объезд лагерей немецким зубным врачом, нанятых Бюро военнопленных.

Достаточно длительное пребывание красноармейцев на чужой территории требовало специализированной врачебной помощи. Осуществлялся осмотр всех красноармейцев врачами-специалистами на предмет венерических и психических заболеваний, а также для выявления туберкулеза. Лазареты в некоторых лагерях были приспособлены под специализированное содержание и лечение определенных групп больных. Особое внимание уделялось туберкулезным и больным венерическими болезнями. Это было связано с необходимостью осуществлять транспортировку интернированных на родину: нахождение в общем эшелоне больных заразными болезнями могло привести к вспышке заболевания, а также к возможному их распространению среди населения Советской России, что в тех условиях было крайне нежелательно.

Туберкулезные больные были переселены в специальный лазарет в лагере Сольтау (Нижняя Саксония), располагавшемся в подходящей климатической зоне. Всех выявленных венерических больных свозили в специализированный лазарет в лагере Цоссен. Душевнобольных по согласованию с немецкими властями направляли на лечение в германские психиатрические клиники.

Как уже указывалось выше, особой проблемой в лагерях стали женщины. В том числе в связи с распространением заразных болезней. Именно наличием женщин и их малым числом принято было объяснять вспышку венерических заболеваний в лагерях. Заболевшие женщины

составляли 10% всех выявленных случаев - 15 из 150. Учитывая, что женщин было всего 250-300 на более чем 40 тысяч мужчин, следует признать, что это была настоящая эпидемия. Их помещали в специальное женское отделение в лагере Кведлинбург. Впрочем, по мнению автора доклада о состоянии медицинского дела в лагерях, реальное количество заболевших венерическими болезнями женщин было выше. При этом, «после сомнительного излечения они выходят и общаются с красноармейцами»¹.

Среди женщин было немало беременных. Поскольку в лагерях изоляции по половому признаку не было, их количество увеличивалось. В таком положении женщины нуждались в особой помощи. Беременным выдавалась специальная материальная помощь, в зависимости от срока беременности. Для родов их пытались направлять в немецкие клиники, однако они категорически отказывались, не желая на чужбине расставаться со своими мужьями.

Когда началась репатриация красноармейцев на родину, вывоз больных производился в специальных санитарных поездах, и при этом в последнюю очередь. Это было связано с опасением, что во время массового вывоза интернированных не удастся справиться с возможным распространением болезней.

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.

VI

Свои среди чужих и чужие среди своих

Сплоченность фронтового братства, проявлявшаяся во время Польской кампании, когда плечом к плечу сражались бывшие враги по гражданскому противостоянию, стала давать трещины в первые же дни интернирования. Это не было результатом предательства. Не объяснялось и «шкурными» (как тогда говорили) интересами, то есть желанием улучшить условия своей жизни. Ведь интернирование не было пленом; обеспечение военнослужащих осуществлялось государством, в чьей армии они служили.

Скорее, наметившиеся в лагерях внутренние конфликты стали отголосками Гражданской войны, которая еще продолжалась в России. Выше уже говорилось о неоднородности командного состава Красной армии, действовавшей на Польском фронте. Часть офицеров, да и рядового состава из числа «военнопленных гражданской войны» вступили в ряды Красной армии вынужденно, может быть, под страхом и смерти. Интернирование на территории европейского государства, где была мощная российская диаспора, в основной своей массе антисоветски настроенная, а также находились лагеря интернированных частей белых армий¹, позволило им почувствовать себя свободными. Те же офицеры, кто откликнулся на призыв Брусилова и пошел защищать Родину, были разочарованы и организацией Красной армии, и засильем в ней

¹ Солдаты и офицеры белогвардейских частей, перешедших под давлением Красной армии государственную границу, были интернированы. Некоторые офицеры поступали на службу в армии стран, враждебно настроенных по отношению к Советской России, и уже в их составе воевали со своими идеологическими врагами. Германия не желала конфликта с Россией, поэтому белогвардейцы были изолированы в лагерях и, по договоренности с советским правительством, находились на положении не интернированных, а военнопленных. «Если они до сих пор пользовались преимуществом, особенно в продовольственных условиях, то это зависит только от инициативы лагерного начальства Солдатам запрещено носить оружие, только офицеры имеют право носить шашки»¹ (См.: Положение в лагере Альтен-Грабов // *Голос России*. 1920. 20 июля). Как отмечали журналисты, жизнь интернированных в «красных» и «белых» лагерях была схожа: «Также получают скупо пропуски в город, исполняют хозяйственные наряды, в долгие часы лагерного досуга тоскливо смотрят голодными глазами за решетку, где докучливо уныло тянется чужая, немилая дорога...» (См.: *Федор Иванов*. По красным лагерям // *Голос России*. 1921. 18 янв.)

«комиссаров», и отношением к себе части красноармейцев, оставшихся под влиянием «антиофицерской» пропаганды периода Революции и Гражданской войны.

Отмечался в предыдущих главах и пестрый состав интернированных частей. Эта пестрота проявлялась не только в социальном отношении, что вообще было характерно для той войны. Бросался в глаза интернациональный состав красноармейцев. Особое значение имела и идейная пестрота. Гражданская война, которая уже затихала в Советской России, за ее пределами, вдали, как казалось, от источника политического террора, здесь вновь разгорелась. Для антибольшевистских настроений в лагерях имелась благодатная почва: красноармейцы, в большинстве крестьяне, были настроены против политики «военного коммунизма», были недовольны затянувшейся войной, которая к тому же велась на чужой территории. Бывшие офицеры, а также часть идейных красноармейцев и краскомов из «смирившихся» эсеров и анархистов, воодушевленные сообщениями с Родины, где зимой и весной 1921 года один за другим вспыхивали антибольшевистские восстания, увидели свой политический шанс. Воодушевляла их и надежда на поддержку многочисленной русской диаспоры, расположившейся в центральной Европе.

В результате, некоторые бывшие офицеры, оказавшись за пределами Советской России, а также под влиянием происходивших на родине событий стали демонстрировать свои антисоветские и антибольшевистские убеждения. Как сообщал в своем докладе в РВС фронта бежавший из лагеря бригадный комиссар, «ничтожное количество командного состава высказало желание уйти в войска Врангеля. К этой группе принадлежал адъютант Гая Афанасьев и командиры трех эскадронов Заамурского полка, бывшие деникинцы»¹.

Остальные хотели сохранить интернированную армию, но убрать из нее, как им казалось, разлагающих воинскую дисциплину политкомиссаров.

Первое время в ряде лагерей бывшим офицерам удалось фактически взять власть в свои руки. Они имели хороший организаторский опыт, и, пользуясь отсутствием или растерянностью комиссаров, им удалось навести в интернированных частях порядок, вступив в дого-

¹ Цит. по: *Орловский С.Н.* Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 111.

ворные отношения с немецким лагерным начальством. Так, в лагере Зальцведель¹, в котором, по приезду в конце октября 1920 г. свои «порядки» наводил Г. Гай², первоначально «во главе стояло немецкое командование, только командиры рот были русские, в большинстве бывшие офицеры. Они подчинялись немцу – командиру блока, тот коменданту...». Красноармейцы были разделены на «компании», или роты, по 500 человек, и «делилась побарачно на 4 части, где имелся старший барака, отвечавший за порядок и за своих 125 человек»³. В лагере Пархим, пока «Бюро не имело указаний о том, сохранять ли военную организацию, красноармейцы выбрали комитет из пяти человек, из которых только двое причислили себя к коммунистам»⁴.

Русские «белые» эмигранты в Германии.
Источник: <http://forums-su.com/viewtopic.php?f=195&t=438894>

Нередко и «красные командиры» занимали индифферентную по отношению к политической работе позицию: получая дополнительное жалование за выполнение различных начальственных функций (по 3-5 марок в день – при месячном жаловании в 10 марок), они отказывались выполнять общественные нагрузки.

С рядовыми красноармейцами командиры стремились поддерживать «товарищеские отношения», но и не «растворяться» в массе: как было принято в старой армии, поселились в отдельном, «офицерском» бараке. Чтобы удовлетворить естественное любопытство красноармейцев, дезориентированных в сложившейся ситуации, устраивали политические диспуты, в которых, надо полагать, благодаря более высокой культуре и широкой эрудиции, одерживали победы⁵.

¹ Лагерь назван по расположенному рядом небольшому городку в центральной части Германии, в Саксонии.

² См.: Гай Г.Д. Красным лагерем в Германии...

³ Лагерь Зальцведель // Воля России (Прага) 1920. 21 нояб.

⁴ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим от нашего специального корреспондента // Воля России (Прага) 1921. 27 февр.

⁵ «С момента интернирования красноармейцы разделились на советский и анти-советский лагеря. Между ними [до вмешательства политотделов] велась свободная дискуссия...» (Лагерная картинка // Воля России. 1920. 12 дек.)

Показательно отношение интернированных к системе организации, которая существовала у «старых военнопленных» (здесь можно увидеть рецидив 1918 года – борьбы большевиков с «эсеро-кулацкими советами»). Они категорически отказывались устраивать у себя такие же «комитеты», а «агитаторов», прибывающих к ним для пропаганды своего опыта, изгоняли.

Совсем иначе показывали на своих страницах одну из подобных историй «эсеровская» эмигрантская газета (отличие интерпретаций одних и тех же событий «белыми» и «красными» является своего рода отражением Гражданской войны в лагерях). В качестве примера можно привести историю с проникновением «белогвардейского агента» в лагерь Пархим. Русские «старовоеннопленные» находившегося по соседству лагеря Гюстров, «узнав о прибытии красноармейцев и господствующую там нужду (в питании, куреве и проч.) устроили между собой сбор – 30 тыс. марок и отправили председателя своего комитета распределить купленные на эти деньги товары между красноармейцами. Представитель стал пропагандировать создание комитетов. Бюро и лагерная администрация запретила ему вход в лагерь, а оставшуюся сумму – 10 тыс. марок – Бюро приказало передать в свое распоряжение. ...До сих пор не отчиталось о их расходовании¹.

Что касается лагеря Зальцведель, то по прибытии туда Г. Гая «территория лагеря была объявлена советской территорией» и создана «настоящая коммуна»². Судя по всему, свое влияние на обитателей лагеря «староофицерам» удалось распространить потому, что здесь были интернированы красноармейцы, перешедшие границу поодиночке или небольшими группами; они были «наполовину противники советской власти, остальные либо безразличны, либо коммунисты»³. На немногочисленных и первое время дезориентированных коммунистов, а также на своих кавалеристов, которые были «в основном выходцы из Кавказа и всецело находились под влиянием своего командира», и опирался Г. Гай. «Когда началась агитация за создание комитетов, Гай повлиял на своих, и те комитеты не создавали». Далее, существовавшая система поселения командиров отдельно от красноармейцев, дала основание к обвинению, что «якобы комсостав питается лучше красноармейцев, а

¹ У «третьей силы»: лагерь интернированных Пархим от нашего специального корреспондента) // Воля России (Прага) 1921.13, 20 февр.

² Гай Г.Д. В германском плену. М., 1931. С. 26.

³ Лагерь Зальцведель // Воля России (Прага) 1920. 21 нояб.

те, в свою очередь, в традициях Гражданской войны, «стали поговаривать, что комсостав надо перебить»¹.

Немецкая администрация пыталась противиться энергичным действиям интернированного комдива; он был арестован. Опасаясь, что кавалеристы попытаются силовыми способами освободить своего командира, немцы усилили охрану лагеря. Однако вскоре уступили, предоставив Гаю заниматься организацией лагерной жизни на своих принципах.

«Диктатура» Г.Д. Гая заключалась в том, что он объявил себя начальником лагеря. На все должности стали назначаться только коммунисты («назначают своих, старых зачисляют в резерв»; «всех немцев вытесняют за проволоку»). Начал борьбу с «агитаторами», которые выступали против «красной диктатуры» в лагерях, благо были для этого и рычаги («лишают табачного пайка и денег»)².

Именно в лагерь Зальцведель, где недолго был начальником Г. Гай, первое время направляли офицеров, явно выражавших свою антисоветскую позицию. Так, по требованию Отдела военнопленных и интернированных сюда были переведены пять наиболее активных офицеров из лагеря Гамельн³. По словам этих офицеров, Гай заявил им, что раз они «жрут советский хлеб, то должны ему подчиняться»; после угроз, которые не возымели действия, - перешел к делу, добился того, чтобы офицеров сняли с довольствия⁴.

Изменение в лагерях под влиянием активизации коммунистов не прошли незамеченными. В лагере Гафельберг «до приезда комиссара (имеется в виду председатель Цетроэвака Эйдук, который ездил по лагерям с целью выяснить потребности красноармейцев, успокоить их и проч., - и, по словам белогвардейских газет, «много чего наобещал» - Т.Т.) давались спектакли, была организована гарнизонная школа грамоты, но с его приездом 80-90 большевиков вместо этого стали выискивать контрреволюцию»⁵. По словам корреспондента эмигрантской газеты, «овладевшие всей властью в лагерях большевики обрушились на те

¹ Лагерь Зальцведель // Воля России (Прага) 1920. 21 нояб.

² Там же.

³ Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. 14 ноября.

⁴ Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. 15 ноября.

⁵ Лагерь Гафельберг // Воля России. 1920. 19 дек.

воинские части, которые успели заявить о своих антибольшевистских симпатиях»¹.

Собственно, конфликт с офицерами и повлиял на решение Г.Д. Гая потребовать от «Бюро русских военнопленных в Германии» ввести управление лагерей по существовавшему в Красной армии порядку. Не в каждом лагере были такие организаторы, как Гай. Необходимо было вмешательство извне.

Отдел интернированных (при Бюро русских военнопленных) пользовался определенными рычагами, убирая от должностей нежелательных элементов, либо организуя их отправку в другие лагеря. Политическому состоянию лагерей стало уделяться особенно пристальное внимание. Не случайно штаб 18 дивизии Красной армии, задачей которого было реформирование дивизии за счет возвращающихся из польского плена и германских лагерей красноармейцев, особое внимание уделял политической работе в лагерях интернированных. Комиссары лагерей должны были дважды в месяц предоставлять подробные отчеты, в которых следовало обязательно указывать, какие настроения существуют в лагере и нет ли «антисоветских» организаций. Благодаря этим подробным отчетам, мы можем представить, какие доводы в своих «антисоветских» речах использовали «белогвардейские агитаторы» и какие слухи распространяли среди интернированных. Наиболее распространенной информацией было сравнение Красной армии с белой («красная армия способна только грабить, в армии Врангеля порядок, хорошее снабжение...»²) Чтобы внести в умы красноармейцев сомнения о целесообразности возвращения на родину, рассказывали, «будто бы Троцким издан приказ о немедленном расстреле всех перешедших германскую границу»³.

В результате такой агитации «стали учащаться случаи враждебного отношения к советской власти». Составлялись «списки не желающих возвращаться в Советскую Россию»⁴; этим занимались как политработники, по поручению политотдела 18 дивизии, так и «инициативные группы» из самих интернированных, прежде всего из бывших офицеров, которые стремились как можно больше красноармейцев оставить в Германии.

¹ Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. 14 нояб.

² ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 184. Л. 14-15

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 197. Л. 227.

⁴ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 184. Л. 128, 161-163.

Возникает вопрос, зачем нужно было это офицерам? Возможно, подобная «опора на массы» гарантировала им некоторую поддержку в случае попыток физической с ним расправы, а также легализировала их позицию. Нельзя скидывать со счетов и желание помочь, как они себе это понимали, обманутым солдатам. Немалое количество тех офицеров, кто хотел лишь эмигрировать и воссоединиться с друзьями и родными, живущими за границей, о своих мотивах информации не оставили¹.

Однако «борьба за массы» закончилась не в пользу «старых» офицеров. По словам немецкого политического деятеля, которому удалось посетить лагеря в начале декабря 1920 г., «число действительных членов коммунистической партии незначительно, но в их руках все командные должности»².

Конфликтная ситуация с комиссарами и поддерживающей их красноармейской массой подтолкнула «ярких антисоветчиков» к новым формам самоорганизации³. Ими стали так называемые «белые полки» (объединение определенного количества командиров и красноармейцев, откровенно выражавших свои антибольшевистские настроения, «уход» их в отдельный барак или в другой лагерь).

По свидетельству Г. Гая, «белые полки» состояли из офицеров, вступивших в ряды Красной армии «по брусилловскому призыву», из распропагандированных ими «наиболее отсталых» красноармейцев, частью также бывших белых или дезертиров, и «только несколько краскомов из бывших офицеров надели погоны»⁴.

¹ Так, неоднократно цитируемый на страницах этой книги С.Ф. Вербов, оставив яркие воспоминания о Польской кампании, об отступлении и переходе границы с Восточной Пруссией, ничего не пишет о том, как ему самому удалось впоследствии остаться в Германии.

На страницах эмигрантских газет появлялись объявления о поиске родственников и знакомых (как правило, бывших военнослужащих белых армий), подписанные обитателями лагерей интернированных красноармейцев.

² В лагерях интернированных красноармейцев // Воля России (Прага) 1921. 23 янв.

³ «Политическая окраска [ярких антисоветчиков] разная: деникниский офицер-контрразведчик, казак-махновец... Это фанатики гражданской войны. Один из них записывал в записную книжку имена активных коммунистов лагеря – на всякий случай. Они – обреченные, порождение трехлетнего террора. И все же – самая активная, самая способная из масс. Что бы они могли сделать в мирной обстановке при наличии культурной работы. И вина ли их, что война и революция превратили их в “пушечное мясо”» (Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России. 1921. 18 янв.)

⁴ Гай Г.Д. В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. М., 1932. С. 11.

В лагере Зальцведель во главе «белого полка» стояла «шайка золотопогонников-офицеров», которые вносили «в красноармейскую массу дезорганизацию своей провокацией»¹. Образовался он из 50-ти офицеров и около 400 казаков, которые обратились с просьбой к немецкой администрации о переводе их в отдельный барак. «Отделившись от основной массы, они образовали особый полк и заявили немецкому лагерному начальству, что советской власти они не признают, что попали в Красную армию принудительно и желают подчиняться исключительно распоряжениям немецкого начальства»², в надежде, видимо, выехать впоследствии в Париж или Прагу.

В лагере Гамельн (Н. Саксония) 10 сентября, то есть через две недели после интернирования, как следует из донесения политкомиссара, «бывший комдив Гомбажевский» собрал красноармейцев, заявил, что они «комиссарам нужны как пушечное мясо» и зачитал некий «приказ по армии 949», разрешавший тем, «кто не желает ехать в Россию, жить в Германии». После этого «надел николаевский значок и предложил выйти из строя не вообще командирам, а только офицерам старой армии»³.

Тогда комиссар лагеря «собрал бывших чинов штаба 53 дивизии и начал их спрашивать о желании служить далее. 6 человек отказались и перешли в бараки группы, сформировавшейся к тому времени в полк 4-сотенного состава»⁴. Таким образом, «часть командного состава, главным образом из кавалерии, ушла от своих красноармейцев в особый барак. Они сагитировали малоразвитых красноармейцев и самостийно назвали себя “Донским полком белых”. Этих “белых” насчитывалось около 400 человек. В числе их были и из нашей (54-ой – Т.Т.) дивизии: комбат 156 полка Фурсов, комроты того же полка Михайловский и др. Вся эта “старорежимная” публика не утренней и вечерней поверке пела “Боже, царя храни”»⁵. (По официальным документам такие «белые» числились как интернированные красноармейцы и получали соответствующее содержание за счет советского правительства).

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 81 (Политсводки лагерей интернированных). Л. 12

² Большевицкий террор, царящий в немецких концентрационных лагерях для красноармейцев. Террор в лагерях. Террор в лагерях продолжается // Время (Берлин). 1920, ноябрь.

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 184. Л. 128.

⁴ Лагерь Зальцведель. //Воля России. 1920. 28 нояб.

⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513 (Рябов П. Из жизни интернированных в Германии) С. 36

Были менее демонстративные формы самоорганизации. Обычно наблюдалось стремление отдельных групп советских военнослужащих по той или иной причине отделиться от остальной массы красноармейцев. Чаще всего такое желание проявляли офицеры, желавшие воспользоваться своим правом на льготы (в связи с этим, у них шла борьба за «жизненное пространство» с политработниками, которых офицерами не считали), либо верующие казаки (как правило, раскольники), не смирившиеся с антирелигиозной пропагандой, которая разворачивалась политотделами в лагерях.

Немецкая администрация испытывала существенное давление со стороны «правой» общественности своей страны в вопросах «красного террора» в лагерях по отношению к антибольшевистски настроенным интернированным. Оправдываясь, что вмешательство во внутренние дела интернированных войск является нарушением международных законов, власти все же стремились как-то решить вопрос с «красной диктатурой». Например, попытка разделить наиболее сплоченные группы интернированных во время их транспортировки в лагерь центральной Германии; отделение от красноармейской массы политработников под видом переселения их в отдельные (наподобие «офицерских») лагеря; наконец, отселение подвергавшихся «террору» «белых» в специальные лагеря или в лагерь интернированных белоамериканцев¹.

В немецких лагерях для интернированных, как и в польском плену, активно работали «белогвардейские агенты», стремившиеся воспользоваться растерянностью красноармейцев. Следует учитывать, что Гражданская война еще не затухла, и за границей происходила вербовка

¹ О том, как все эти вопросы непросто решались, сообщил журналисту в беседе представитель немецкого правительства: «радикальные силы в Германии рассматривают интернированных красноармейцев как силу для свержения государственного строя. По вопросу террора в лагерях общались с советским правительством и те дали разрешение на отделение подвергающихся террору. Но мы не можем создать особые лагеря для белых и красных, ибо распределение военнопленных по политическим убеждениям противоречит нормам международного права. Мы пробовали выделять противников большевизма в отдельные бараки, но в результате те перестали подчиняться распорядку, установленному лагерными комитетами, сплошь коммунистическими. Не можем же мы создавать в лагерях по два комитета. Вмешиваться во внутреннюю жизнь лагерей германское правительство не имеет права. Германские власти не хотят упреков, что относятся к русским иначе, чем в бытность царского правительства» (Притеснения пленных (из беседы) // Руль. 1920. 9 дек.)

добровольцев в белые армии¹. Во время пребывания красноармейцев за границей происходили события в Кронштадте, что также повлияло на идеологическое «размежевание». В условиях жажды со стороны интернированных любых новостей, своими газетами бесплатно снабжали их эмигрантские организации. По воспоминаниям интернированного политработника, «получение газет “Голос России” и “Воля России” с первых дней интернирования сильно содействовало антисоветской пропаганде, которая также началась с первых дней интернирования. Та наглая ложь, которую проповедовали эти газеты, ввела многих в заблуждение. В результате антисоветской пропаганды мы имели в лагере 100-150 человек определенных контрреволюционеров, со стороны которых не раз видели резкие выступления»².

П.В. Бермонд-Авалов со своими офицерами. Германия, 1921 г.

Источник: <http://sammler.ru/uploads/post-196-1279277389.jpg>

одиночке, группами и даже целыми частями на сторону неприятеля⁴. Другие воспользовались положением интернированных. Уже в Герма-

Бывшие офицеры проявляли особую «антисоветскую» активность, поскольку их позиция была наиболее устойчивой: большинство из них прежде воевало с большевиками в составе белых армий³. Направленные на Польский фронт, некоторые из них переходили по-

¹ Так, в польских лагерях, где условия жизни военнопленных красноармейцев были особенно тяжелыми, были массовые случаи «поступления из-за шкурных целей в белогвардейские формирования» (Телеграмма от советской делегации из Риги на имя Эйдука. ГАРФ. Ф. р-3341. Оп. 3. Д. 39а. Л. 7)

² ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. (Реяк Я. Воспоминания) Л. 14-25

³ «Под угрозами расстрела нас самих и наших семей призваны мы были в красную армию» (Письмо от офицеров красной армии //Воля России. 1920. 28 нояб.

⁴ Вот как история этих офицеров («из тех, кто еще недавно попали в плен под Новороссийском», «служивших в красной армии, переносящих теперь в лагерях тяжелые репрессии агентов г. Коппа») подавалась на страницах белогвардейской прессы: «Почти все офицеры Красной армии, сражавшиеся на польском фронте, служили ранее в армии Деникина. Разгром Деникина поставил в трагическое положение целые добровольческие полки. Окруженные красными, ради спасения своих семей, большинство вступили в Красную армию. Все эти части из белых, сделав-

нии они стремились объяснить свое решение об интернировании именно желанием покинуть Советскую Россию. Так, в петиции, направленной ими в эмигрантскую газету, говорилось: «Мы, группа русских офицеров, частью из мобилизованных советской властью, частью попавших в плен к большевикам из белых армий, воспользовавшись удобным случаем порвать с большевиками, перейдя в августе польско-немецкую границу, немедленно начали хлопотать об отделении нас от красноармейцев, чего и достигли...»¹.

Результатом такой решительной позиции было лишение их той помощи, которую предоставляло интернированным красноармейцам советское правительство. Более того, они были объявлены дезертирами, что для их семей, оставшихся на родине, означало лишение продовольственных пайков и применение к ним особых форм репрессий (например, привлечение к трудовым повинностям, невзирая на пол, возраст и состояние здоровья).

«Антибольшевистски» настроенные командиры и красноармейцы четко делились на тех, кто хотел вернуться в Россию, и кто не хотел этого ни при каких условиях. Первые поддались порыву и «ушли» в «белые полки» в основном под влиянием безнадежности жизни в неволе. Нельзя забывать и того, что осенью 1920 года исход Гражданской войны был еще не до конца ясен. Но по настоящему раскол произошел в начале ноября, когда советское правительство смогло договориться о вывозе из Германии первой партии интернированных. Первыми решено было отправить комсостав: бои на внутренних фронтах Гражданской войны возобновились, нужны были командирские кадры.

Бывшие белые офицеры встали перед непростым моральным выбором - вернуться на родину и участвовать в братоубийственной войне, воюя против армии Врангеля, или остаться в Германии, фактически на положении дезертиров.

шиеся красными, большевики бросили на польский фронт. Разгром под Варшавой привел к массовому переходу этих элементов на сторону поляков. Отрезанные группы перешли границу Восточной Пруссии и были интернированы». (Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. Ноябрь. № 122; Лагерь Зальцведель. //Воля России. 1920. 28 нояб.)

¹ Воззвание интернированных офицеров // Руль. 1920. 19 дек.

Часть офицеров выехали в Советскую Россию, но «некоторые отказались»¹. Так, «из 63 комсостава 20 отказались ехать и были заменены видными коммунистами и политработниками»².

К отказавшимся выезжать по требованию командования в Россию возникло «враждебное отношение»³ как со стороны руководства интернированными воинскими частями, так и красноармейцев, которые подвергались соответствующей идеологической обработке. В лагерях ходили «слухи», что отказывающихся возвращаться «отправят в Россию в запломбированном вагоне»⁴. «По баракам пошла травля остающихся как контрреволюционеров, и под влиянием ее они вычеркнулись из списков [на присылаемое Бюро военнопленных и интернированных войск пособие]. Началось преследование остающихся, вплоть до избияния в одном из бараков»; приехавший в лагерь представитель Бюро распорядился пособие «остающимся» выплачивать⁵.

Вопрос о судьбе «невозвращенцев» обсуждался в Рейхстаге, и шло это обсуждение непросто. Все же интернированные были военнослужащими другого государства, по отношению к которому они становились дезертирами. Настроенная антисоветски германская общественность требовала от правительства оказания поддержки тем, кто изъявил желание остаться в «свободной стране», и перевезти их, дабы избежать давления, в особый лагерь. Этот вопрос был утрясен и с советскими представителями, занимавшимися вопросами интернированных; они пообещали «решить вопрос о выделении [остающихся] в отдельный лагерь». В лагере Зальцваделе желавшие остаться в Германии начали организоваться, «составили список 150 человек», однако «некоторые все же боятся открыто заявить» о своем решении⁶.

Судя по письмам, которые офицеры рассылали в немецкие газеты, рассчитывая на помощь общественности, представитель Советского

¹ «1 ноября представителем Бюро военнопленных нам было предложено отправляться в Советскую Россию, где вновь встать в ряды красной армии, но мы отказались возвращаться в Совдепию» (Письмо от офицеров красной армии // Воля России. 1920. 28 нояб.)

² Насильственная отправка в Россию: письмо насильно отправляемого. Советский документ // Воля России. 1920. 19 дек.

³ Лагерь Гафельберг // Воля России. 1920. 19 дек.

⁴ Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России. 1921. 18 янв.

⁵ Лагерь Зальцведель (письмо из лагеря) // Воля России (Прага) 1921. 1 янв.

⁶ Там же.

правительства, председатель Центрэвака¹ А.В. Эйдук, с целью не допустить распространения «белогвардейской крамолы» среди красноармейцев, распространял «прокламации с обращением “К обманутым товарищам”, в котором заявлялось, что “германские рабочие по примеру русских товарищей не сегодня-завтра выступят с оружием в руках на защиту своих интересов”, и что тогда “в лагеря тайным образом будет доставлено оружие и красные солдаты смогут вернуться на родину”». Самим же «белым» угрожал революционным трибуналом и расстрелом родственников в России («родственники чинов полка в России “ответят за их измену до дедов включительно”»), а один из красных командиров заявил, что «белые» «уедут не во Францию, а исчезнут с лица земли»².

Возможно, истинные слова представителей советской власти в пересказе были искажены. Это следует хотя бы потому, что инструкция из Москвы четко рекомендовала «не разжигать» классовые страсти в красноармейской массе, а также не допускать участия в немецком революционном движении.

Русские военнопленные в Германии.

Источник: <http://wwi.hut2.ru/troop/russ/1717.jpg>

Вместе с тем, позиция советских представителей была понятна. Поскольку часть красноармейцев, в основном бывшие офицеры и казаки, заявили, что «отношения к красной армии больше не имеют», их на вполне законных основаниях «сняли с довольствия». В результате положение, в котором оказались офицеры, стало весьма тяжелым: они не получали «ни от советских организаций в Германии, ни откуда бы то ни было никакой помощи ни деньгами, ни одеждой. ...Большинство из нас почти раздеты и разуты, т.к. нам пришлось по боевым обстоятельствам перейти границу, бросая все свое имущество. Нам не на что купить себе ни мыла, ни табаку, ни хлеба (выдаваемый паек незначителен), т.к. несмотря на беспрестанные поиски работы, не можем найти

¹ Центроэвак (Центральное управление по эвакуации населения) - так с февраля 1920 г. стала именоваться реорганизованная Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), созданная в апреле 1918 г. для решения вопросов возвращения перемещенных во время войны лиц.

² Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. Ноябрь. № 123

ее. Запрещение принимать русских военнопленных на работы делает наше положение безвыходным»¹.

К подобным инцидентам в лагерях было привлечено внимание как европейской, так и эмигрантской общественности. В принципе, то, что правительственные органы Советской России, занимавшиеся делами интернированных красноармейцев, объявили о прекращении снабжения продовольствием, обмундированием и денежным содержанием подобных отщепенцев, не было ничего необычного: интернированная армия должна была подчиняться правилам гарнизонной службы Красной армии, отказывавшиеся становились дезертирами. Но внимание к «гражданской войне» в красноармейских лагерях было выгодно как самим отщепенцам (давая повод просить «политическое убежище»), так и властным структурам и враждебно настроенной к Советской России общественности. Инциденты с «белыми полками» стали обсуждаться на страницах немецких газет; в декабре 1920 года по запросу «национальной партии» вопрос о «терроре в лагерях» был поднят и в рейхстаге².

Корреспондент берлинской газеты, также посетивший лагерь, отмечал, что «немецкие власти не могут оказать влияние на происходящее» там, поскольку «у немецкого правительства связаны руки, т.к. в России остаются тысячи немцев», которые могут попасть под ответные репрессии, или же советские власти прекратят обмен немецких военнопленных³.

При этом признавалось, что «из лагерей следует изгнать всех коммунистов, заключить их в отдельный лагерь и там предоставить им возможность агитировать сколько угодно⁴. Лагерное начальство, однако, ссылалось на то, что социальная и классовая рознь, вообще характерная для Первой мировой войны, существовала в лагерях военнопленных всех государств. Не удивительно, что есть она и в лагерях рус-

¹ Воззвание интернированных офицеров // Руль. 1920. 19 дек.

² «Немецкая народная партия внесла запрос в рейхстаг “Известно ли правительству о преследованиях не сочувствующим коммунизму?”» (Х.Р. Запрос о военнопленных // Руль. 1920. 15 дек.)

³ Подобные случаи были. В газетах писали, якобы советское правительство приостановило отправку на родину военнопленных-баварцев в ответ на запрет властей Баварии выдавать разрешения на работу для интернированных (Притеснения пленных (из беседы) // Руль. 1920. 9 дек.)

⁴ В русских лагерях // Руль. 1920. 31 дек.

ских интернированных, и бороться этим невозможно¹.

«Мешать советскому правительству участвовать в лагерях интернированных – то же, что и вмешательство во внутренние дела государства», - заявил депутат Рейхстага. При этом было понимание, что «в случае новой войны с Польшей может произойти то же, что было в 30-летнюю войну: русские вступят в союз с немецкими коммунистами»²...

Под давлением напуганной «большевистской заразой» германской общественности в лагерях интернированных стали ужесточаться условия содержания, преследовалась политическая деятельность. Но это не могло напугать лагерных коммунистов: они с энтузиазмом стали заниматься подпольной работой.

Впрочем, отказ части комсостава уезжать в Россию способствовал тому, что вместо них вывезли значительную часть политработников. Советское командование постаралось освободить из германских лагерей самых активных. В этих условиях у немецкой администрации возник реальный шанс как-то приглушить «гражданскую войну», разгоревшуюся в лагерях. Согласно «новым правилам для военнопленных», которые распространялись и на интернированных, воспрещалась всякая политическая агитация, нарушающая установленный в лагере порядок. В частности, отмечалось, что «никому из интернированных не должно быть дано с какой-бы то ни было стороны преимущество или чинимо препятствие, если они высказываются за советскую власть или против нее»³.

Что касается офицеров и других «белых», на которых «натравливалась» красноармейская масса и которые были лишены под ее давлением довольствия, то единственное, чем могли помочь им немецкие власти, это перевезти их в отдельные лагеря, либо в лагерь интернированной «белой армии». (А таких, вытесненных из Советской России в результате боевых действий частей в Европе было немало; и положение

¹ «Лагерь Гафельберг. По поводу насилия, чинимого не коммунистам, майор Менш заявил, что они не могут уничтожить классовую рознь. То же и во французских лагерях. То же между немцами и германскими солдатами из польских провинций. Узнав о насилиях, мы приняли меры: советское военное начальство интернированных лишено дисциплинарных прав, но сохранило возможность предоставлять германской администрации списки наказуемых. Ожидается запрещение в лагерях использовать гектографы для размножения газет и проч., которые имели явную тенденцию вмешиваться в германские дела» (Положение военнопленных: из беседы // Руль. 1921. 28 янв.)

² Запрос о русских военнопленных в рейхстаге // Руль. 1920. 19 дек.

³ Новые правила для военнопленных // Руль. 1920. 15 дек.

их также было достаточно тяжелым). Впрочем, в глазах и этих бывших «товарищей по оружию» офицеры из красноармейских лагерей были предателями или дезертирами. «Характерно отметить отношение врангелевской русской миссии в Берлине к своим страдающим единомышленникам в ответ на их письма – “сидите и ждите”»¹.

Отношение белой эмиграции к «гражданской войне» в лагерях интернированной красной армии тоже было неоднозначным. Надо сказать, что победы Красной армии в Польше заставили «русских в изгнании» поднять головы и испытать гордость за свою, хотя и потерянную, страну: они увидели «неожиданное для многих восстание России из мертвых... на полях сражений»². Возможно, этим было вызвано «молчание» эмигрантской общественности на «призывы о помощи» интернированных из бывших офицеров.

«Подвергавшиеся репрессиям» посылали письма «в русские организации в Париже и Берлине с просьбой о защите, но получил самые неутешительные ответы»³. Оказалось, что желающих оказывать материальную помощь «жертвам большевизма» нет ни среди местного населения, ни в эмигрантских кругах.

Впрочем, весной и летом 1921 года эмигрантские общественные организации активизировались в отношении оказания помощи соотечественникам. (Возможно, это было связано с разгромом армии Врангеля и потерей последних надежд на победоносное завершение Гражданской войны под знаменами «белого дела»).

«Подотдел о военнопленных и интернированных при Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания» обращался через газеты к красноармейцам с предложением сообщать о своих нуждах, обещая оказать помощь⁴. Особое внимание было направлено на тех красноармейцев, которые отказались возвращаться в Россию и переместились в «белые лагеря»⁵.

В определенной степени, эмигрантские и международные благотворительные организации занимались среди интернированных дея-

¹ Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. 12 ноября.

² На повороте // Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1920. 29 июля

³ Террор в лагерях // Время (Берлин). 1920. 14 ноября.

⁴ Новый мир: ежедневная политическая, литературная и экономическая газета (Берлин). 1921. 2 апр.

⁵ Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России: Орган русской демократической мысли. (Берлин) 1921. 18 янв.

тельностью, схожей с деятельностью политотделов Красной армии: образование, культурный досуг, спортивные занятия, оказание помощи больным и раненым. Так, в лагере Вюрнсдорф¹ на средства YMCA² был устроен политехникум, в котором находившиеся там молодые русские (а из 733 обитателей лагеря 10% были красноармейцы, 10% военнопленные Мировой войны, остальные – белоармейцы) получали специальные профессиональные знания и навыки³.

Немцев не могло не беспокоить и то, что за несколько месяцев пребывания в их стране такого большого количества красноармейцев, под влияние большевиков стали попадать военнопленные Мировой войны, размещенные с ними в одних или в соседних лагерях. Разделяющая их проволока не могла послужить серьезным препятствием. Как писал Гай, происходила «советизация лагерей военнопленных». К естественному желанию вернуться на Родину у «старых военнопленных» добавлялось желание скорейшего окончания Гражданской войны, поскольку их возвращение стопорили страны Антанты, стремившиеся не допустить пополнение за счет военнопленных Красной армии. При этом в гражданском противостоянии военнопленные однозначно были на стороне «красных», что объяснялось, кроме прочего, и активной большевистской агитацией в лагерях. По наблюдению журналиста пражской эмигрантской газеты, «настроение лагерей военнопленных..., поскольку оно распропагандировано, остро-коммунистическое. Через лагерь прошли транспорты красноармейцев. Некоторые из них, получив директивы свыше, остались в лагере и действуют»⁴.

В этом отношении показательно впечатление журналиста об отправке военнопленных и интернированных в Советскую Россию: «Русские военнопленные показывают – у них нет сомнения, что в России рай земной... Несколько иное настроение у интернированных красноармейцев. Народ этот, правда, страшно деморализованный, ...вид имеет самый ухарский..., но добрая половина этого красного войска, перед которыми не на шутку трепетали, идеям большевизма совершенно не

¹ Лагерь назван по небольшому городку на северо-востоке Германии.

² YMCA - Союз христианской молодежи Америки.

³ Воля России. 1921. 31 июля

⁴ Воля России. 1921. 23 янв.

«Интернациональный Красный крест субсидирует культурные начинания в лагерях, т.е. литературу – речь Ленин на конгрессе III Интернационала (изд. в Праге), издание русской секции компартии Германии «Красный набат» и пр.» (Штеттин (от нашего корреспондента) // Руль. 1920. 24 нояб.)

сочувствуют, исполняют же приказы Троцкого... по инерции, потому что другого выхода нет или он очень труден. Как только поляки договорились с русскими в Риге о мирных условиях, немцы стали отправлять этих «большевиков» в Россию, радуясь собственного спокойствия ради, от них избавиться. [Уезжают] - одна половина с красными флагами в вагонах отходивших поездов, с громкими возгласами за Советскую Россию, другая молча, тая в себе что-то и не найдя другого выхода, как вернуться опять на родину: «не голодать же нам тут, на работу никто не берет, бояться, что мы коммунисты»»¹

Была еще одна линия раскола среди интернированных: по национальному признаку. Красноармейцев одной национальности стремились селить в лагерях компактно, и с ними могли работать представители националистических организаций.

Кстати, эмигрантская, да и немецкая общественность особо акцентировали внимание на национальных особенностях, что было бы хорошей «прививкой» против большевистской идеи интернационализма. Лучшим способом для этого была культурная деятельность. Например, в лагере Зальцведель особенно популярной была театральная самодеятельность. Возможно, потому, что командир интернированной дивизии здесь был бывший актер, и он создал в лагере театральную секцию. Члены этой секции образовали две лагерные труппы – русскую и украинскую, между которыми началась своеобразная конкуренция «за зрителя». «Первенство берет украинская, русская проявляет энергию, гонясь за ней». Однако «с приездом представителей Бюро всякая беспартийная работа (в данном случае – национально ориентированная) стала считаться контрреволюционной»².

Красноармейцы тех национальностей, которые получили свою государственность после распада Российской и Австро-Венгерской империй, стали требовать, чтобы их отправили на родину до подписания мира между Польшей и Советской Россией, как граждан нейтральных государств. Однако их пребывание на территории Германии было связано со статусом красноармейца, и им было объявлено, что возвращение может состояться только по общим правилам³. Им было предложено

¹ Штеттин (от нашего корреспондента) // Руль. 1920. 24, 26 нояб.

² Лагерь Зальцведель. //Воля России. 1920. 28 нояб.

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 15. Л. 1

но вернуться в распоряжение свои частей в Советской России, и уже там получать документы на новое гражданство.

В определенной степени такое заявление советского правительства защищало красноармейцев, которых по национальному признаку могли депортировать на родину, где им были не рады, а в некоторых случаях и враждебно настроены. Это в особой степени касалось уроженцев тех мест, которые по Рижскому миру отошли к Польше.

Как уже было сказано выше, когда встал вопрос о репатриации интернированных, то часть красноармейцев и краскомов отказались возвращаться на родину, предпочитая остаться в Европе¹. По словам немецкого журналиста, проникшего в лагерь для интернированных и пообщавшегося там с их обитателями, «большинство интернированных офицеров стремятся остаться в Германии»². Немало было и красноармейцев, не желавших возвращаться в Советскую Россию. Однако к моменту массового вывоза интернированных настроения изменились. Причина, возможно, была в том, что закончилась Гражданская война и появились первые сведения о «новой экономической политике».

С другой стороны, интернированные в так называемых «белогвардейских» лагерях готовы были вступить в ряды Красной армии, сражаться в Польше или на Дальнем Востоке, только бы вернуться в Россию³.

Чем ближе был желанный отъезд на родину, тем меньше желающих было оставаться в «белых полках». Когда первые эшелоны отъезжающих уже покинули Германию и благополучно достигли Советской России, началось массовое возвращение красноармейцев из так называемых «белых лагерей», куда они перешли «под влиянием внешней про-

¹ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 23: Д. 10. Л. 156

² В русских лагерях // Руль. 1920. 31 дек.

³ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 25. Л. 1. (Лагерь Альтенграбов. Протокол организаторов барачков № 54, 53, 59, 60 и др. 28 мая 1920 г.)

В «белых» лагерях желающие выехать в Советскую Россию подвергались строгой проверке. Некоторым отказывали сразу, например тем, кто служил в контрразведке. Чтобы получить разрешение на выезд в Россию, белогвардейцы должны были дать письменное согласие служить в Красной армии. Включенные в списки направлялись в лагерь Альдамм, куда свозили военнопленных и интернированных со всей Германии и где они ждали своей очереди на отправку. Но и «отъезд в Альдамм не гарантирует отправку в Россию, поскольку там также своя «чрезвычайка» проводит выяснение степени благонадежности» (Отправка «белых» в Советскую Россию // Руль. 1921. февр.)

паганды». Но теперь уже по отношению к ним осуществлялся особенно строгий контроль¹; некоторым даже отказывали в возвращении в Россию, возможно, из опасения, что таким образом в страну могут попасть шпионы, потенциальные диверсанты и антисоветские агитаторы.

Несмотря на возможные неприятности, «все добровольно стремятся домой». В лагере Зальцведель из 150 человек «оппозиции» «лишь 90 остались верны первоначальному лозунгу – не возвращаться в Россию. Остальные ушли»². В лагере Альтенграбов первоначально «в списки записались и несколько красных командиров, которые с трудом вырвались осенью из [лагеря интернированных]. Они оказались в столь тяжелом и беспомощном положении, что некоторые решили вернуться»³. «“Записываются со слезами в очередь на отправку”, - говорит начальник штаба Полканов. «“Покупают очередь на отправку”, - говорит лидер лагерной оппозиции поручик Енохин»⁴.

Летом 1921 года вопрос «ехать или оставаться» решался окончательно. Решивших остаться (интернированных красноармейцев и командиров, военнопленных Первой мировой войны и интернированных белогвардейцев, которые находились на территории Германии на положении военнопленных) из всех опустевших лагерей Германии свозили в лагерь Кассель⁵. Всего отказалось возвращаться 900 интернированных (в основном офицеров и казаков) и порядка тысячи, не включаясь ни в какие списки, «разбежалось и работает нелегально»⁶. Были и такие, которые поддались на агитацию активных антибольшевистских сил. Несколько сотен казаков, завербованных представителем генерала Краснова⁷ Карташовым были расселены в лагере Лихтенхорст (Н. Сак-

¹ В Бюро военнопленных // Новый мир: ежедневная политическая, литературная и экономическая газета (Берлин). 1921.26 июня.

² Федор Иванов. По красным лагерям // Голос России. 1921. 18 янв.

³ Отправка «белых» в Сов Россию // Руль). 1921. февр.

⁴ Федор Иванов. По красным лагерям... 1921. 18 янв.

⁵ Воля России. 1921.2 мая

⁶ Всего официально зарегистрировалось около 6 тысяч военнопленных и интернированных, не желавших по разным причинам возвращаться в Россию. 12 тысяч не включенных в списки не явились для отправки на родину; они работали в разных частях Германии, у многих уже были семьи. (См.: Лагерь Пархим. // Воля России. 1921. 17 июля).

⁷ П.Н. Краснов – атаман Войска Донского атаман; один из лидеров антибольшевистского движения в России, затем в эмиграции. Есаул Корнилов – один из активных его сподвижников.

сония), где, в ожидании отправки на войну с «советами» занимались тяжелой работой по осушке болот¹.

*

С 10 августа 1921 года военнопленные и интернированные, отказавшиеся возвращаться в Россию по разным причинам, были переданы под контроль МВД Германии². С этого дня у них началась новая жизнь: они были свободны от тех проблем, которые неминуемо обрушились бы на них после возвращения в Советскую Россию.

С другой стороны они уже потеряли право на получение любой защиты от своей утраченной Родины.

¹ Лагерь Нейгаммер. // //Воля России. 1921. 17 июля

² Воля России. 1921. 4 сент.

VII

«Домой!»

...В своих наивных стихах один из красноармейцев описал общее для возвращавшихся на Родину интернированных настроение:

Долго ждали мы миру с Польшей
Наконец все таки дождались
А теперь мы сидим ожидаем
Когда нас в милый край повезут
Туда, где солнце восходит
Где сияет ясна заря
Туда, где кипит коммунарна работа
Где взошла уже красна звезда¹...

Главной мечтой интернированных было поскорее вернуться домой. Даже слухи о происходивших в России экономических и политических событиях их не отпугивали.

Побеги начались уже при конвоировании перешедших границу красноармейцев в лагеря: «Многие группами и поодиночке стали удирать в надежде добраться до границы»; «Во время перехода значительная часть красноармейцев разбрелась по границе, желая перебраться в Россию. Конвой удержать разбежавшихся не имел сил. <...> В лагере побеги продолжались, и довольно часто, но они были сопряжены с большими опасностями. Были случаи, когда немецкая жандармерия убивала бегущих на месте. <...> Ежедневно в лагерь приводили пойманных беглецов. Значительная часть их попала по переходе границы в тюрьмы Литвы и Латвии, и только немногим удалось попасть в Россию»².

Впрочем, польская сторона приводила другие цифры. Она заявила о том, что границу с Германией перешли не менее 130 тысяч красноар-

¹ ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (Рябов П. Онежане на фронте. Из жизни интернированных в Германии. 1924-1927 гг.) С. 33-46.

Выше уже приводились сведения, имевшиеся у командования Западного фронта, согласно которым в первую неделю интернирования бежали и перебрались через Литву три тысячи красноармейцев (см.: Орловский С. Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 111).

мейцев, часть из них, примерно 52 тысячи, были интернированы немцами, как того требовал международный закон, а остальные, 75-80 тысяч человек, прошли из Восточной Пруссии и через территорию Литвы воссоединились с основными силами Красной армии. Литовцы в свою очередь ссылались на невозможность осуществить охрану такого большого количества интернированных¹.

Большинство же беглецов были задержаны на немецкой территории и препровождены обратно в лагерь. «Не понравилась такая жизнь некоторым из наших товарищей, и некоторые надумали бежать, Но куда бежать не знали, и немецким языком не обладали. Несмотря на это, некоторые свое намерение выполнили. Особенно в этом свою отвагу показал тов. Воденников Федя, который ...ночью пробрался через проволочную калитку и скрылся. ...Комендант лагеря усилил охрану и принял меры к поиску беглеца». Через 10 дней беглец на границе с Австрией был задержан, а затем возвращен в лагерь, где его ждало не слишком строгое наказание: 7 суток ареста². Были и удачные побег. Заместителю командира 54 дивизии Иванову удалось бежать во время транспортировки интернированных по территории Германии по железной дороге. Благодаря помощи немецких коммунистов и знанию немецкого языка он смог добраться в Россию³.

Действительно, тем интернированным, которые владели немецким языком, приходилось легче. Они могли обратиться за помощью к немецким коммунистам. Им легче было совершить побег - не только в Россию, но и из России, то есть совершить нелегальную эмиграцию, что немецкие власти также стремились не допустить. Во время переезда по Германии «в одну из остановок близ Берлина фельдфебель отпустил двоих из нас за покупками. Ушедшие оба в совершенстве владели

¹ См.: Documents diplomatiques concernant les relations polono-lithuaniennes (decembre 1918 – septembre 1920). Varsovie: Imprimerie de l'Etat, 1920. P. 84-85. Цит. по: Нарушила ли Литва нейтралитет в советско-польской войне? Документы о польско-литовских переговорах 1920 г. (предисл. и коммент. М.А. Манкевич) // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке: сб. научных трудов. Калининград: НЭТ, 2009. Вып. 5. С. 8

²ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Ф.А. Прялухин. Воспоминания, 1928 г.) Л. 9.

Бежал из лагеря Арис и политкомиссар 2 бригады 15-ой кавалерийской дивизии: «Лично я находился 7 суток в лагерях, а потом решил бежать. (см.: Орловский С. Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 109). Но подробностей побега в своем докладе он не представил.

³ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (Рябов П. Ук. соч.) Л. 33-46.

немецким. Третий звонок – поезд отходит, а ушедших все нет. Они бежали. Фельдфебель, расплакавшись, долго причитал, что теперь его сгноят в тюрьме. Мы постарались уверить его, что более таких побегов не будет, и дали ему круговую поруку друг за друга. Это его несколько успокоило»¹.

Вопрос о возвращении интернированных в Советскую Россию обсуждался буквально с первых дней перехода красноармейскими частями границы Восточной Пруссии. Собственно, и переход этот не предполагал длительного сидения в лагерях. Командиры частей рассчитывали, что немцы разрешат им перейти через территорию Литвы – всего 50-70 километров! – и воссоединиться с основными силами армии. Однако, судя по всему, вмешалась «большая политика»: под давлением Польши и Антанты немецкое правительство сначала объявило трехнедельный «карантин» для сконцентрированных в лагере Арис советских войск, а затем и вовсе было решено вывезти их в отдаленные от территории военных действий районы страны. А вскоре, в результате отступления Красной армии, образовался польский «коридор» между Литвой и Советской Россией, и этот путь оказался закрыт². Таким образом, важнейшей проблемой, встававшей на пути решения о репатриации основной массы красноармейцев, была продолжавшаяся война с Польшей.

В лучшем положении оказались уроженцы Прибалтийских государств; на латышей, литовцев и эстонцев распространялось право опротестованного гражданства, и они могли, выйдя из состава Красной армии, отправиться на родину³. Разумеется, не все желали воспользоваться таким правом, поскольку многих, прежде всего коммунистов, на родине ждали большие неприятности.

Советско-польские мирные переговоры шли с трудом, и поддерживаемые германским правительством предложения советской стороны о постепенном освобождении интернированных встречали противодействие поляков. Последних не устраивал даже предложенное Германией одновременное освобождение советских и польских военнослужащих, находившихся в немецких лагерях. Поляков было 2,5 тысячи;

¹ Там же.

² ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 185. Л. 7

³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 5. Л. 23

немцы предлагали дать разрешение на их выезд и на выезд такого же количества советских интернированных¹.

Немецкая сторона стремилась избавиться от красноармейцев, в первую очередь от политработников и комиссаров, в связи с беспокойной внутривойсковой ситуацией, из опасения, что те могут вступить в контакты с радикальными силами внутри самой Германии, которую и так сотрясали революционные события².

Советское правительство не только было заинтересовано в скорейшем возвращении в армию командного и комиссарского состава, но также опасалось, что в условиях продолжавшейся на окраинах государства Гражданской войны основная масса красноармейцев будет подвергаться политической «обработке» с целью пополнения белогвардейских армий³.

Действительно, в Европе, в частности в Германии, происходила настоящая «охота за головами» русских военнослужащих: вербовка в белую армию, в иностранные легионы.

В своей докладной записке в Наркоминдел председатель Центроэвака⁴ А.В. Эйдук писал: «Ввиду особой внутренней политической обстановки в Германии, для граждан РСФСР дальнейшее пребывание там сопряжено со многими неприятностями и лишениями, т.к. правые партии не только Германии, но и Антанты борются за влияние на

¹ ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 185 (Переписка о возвращении на родину интернированных...) Л. 270-271 (Доклад в Центроэвак представителя РСФСР по делам военнопленных В. Коппа о положении интернированных красноармейцев. 2 сент. 1920 г., Берлин)

² Красноармейцы, особенно политработники, пугали немцев своим внешним видом и социальной активностью. По свидетельству самих красноармейцев, когда их этапировали через немецкие города, даже если это происходило ночью, население от мала до велика выходило посмотреть на «большевиков» (ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. *Прялухин Ф.А.* Ук. соч. Л. 80б.)

³ Это, в частности, следует из телеграммы, направленной представителем советского общества Красного Креста в Центроэвак: Ввиду ужасного положения 118 тысяч военнопленных красноармейцев в Польше и массового их поступления из-за шкурных целей в белогвардейские формирования – завербовано уже 50 тысяч – необходимо послать на очередь вопрос обмена военнопленных всех на всех тотчас после заключения перемирия. (ГАРФ. Ф. р-3341. Оп. 3. Д. 39а. Л. 7)

⁴ Центральная комиссия по эвакуации пленных и беженцев при Наркомате внутренних дел РСФСР.

...красноармейские массы¹ О том, что «агенты белогвардейцев работали с красноармейцами», свидетельствует, в частности, Г. Гай².

По воспоминаниям одного из интернированных, во время поездки в Берлин к нему с товарищем в буфете подсел «немец ...и предложил ... по баснословно дешевой цене ... бутерброды и хлеб. Мы взяли у него штук 30 бутербродов и буханку хлеба фунтов на десять. Немец попросил разрешения присесть за наш столик ... Под разговор присаживается к столу какой-то поляк в штатском и двое офицеров из армии Бермонта-Авалова»³. Выяснилось, что немец был вербовщиком во Французский иностранный легион⁴; белогвардейцы так же интересовались соотечественниками, оказавшимися в трудной ситуации за рубежом.

Красноармейцы стремились любыми способами выбраться из своеобразного плена, в котором они находились, и уехать в Россию. Немецкое правительство, само тяготившееся пребыванием в своей стране, находившейся в перманентно революционном состоянии, такого количества потенциальных идеологических врагов. Однако вынуждено было не допускать побегов из лагерей под воздействием претензий со стороны Польши. Красноармейцы же проявляли немалую фантазию, чтобы выбраться из лагерей и получить возможность уехать в Россию. По воспоминаниям одного из них, «чтобы перебраться быстрее на родину, перебрался в лагерь для военнопленных старой армии. Те встретили очень хорошо. Под чужими документами провели в лагерь»⁵ (откуда с мая 1920 г. уже возобновилась массовая эвакуация военнопленных, приостановленная в феврале 1919 г. по требованию стран Антанты в связи с начавшейся в России Гражданской войной).

¹ ГАРФ. Ф.р-3333. Оп. 2. Д. 185. Л. 7.

² Гай Г.Д. Красным лагерем в Германии // В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. М., 1932. – С. 11.

³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. (П. Рябов. Ук. соч.)

⁴ В начале 1920-х гг. в Иностранном легионе было около 15 тыс. русских. Первоначально они вербовались из числа военнопленных и военнослужащих Русского экспедиционного корпуса. Затем в Легион стали вступать офицеры и солдаты белых армий, оказавшихся в эмиграции, в частности, из армии ген. П.Р. Бермондт-Авалова, отступившей в Германию после поражений в конце 1919 - начале 1920 гг. (См.: Балмасов С. Иностраный легион. URL: <http://coollib.net/b/104261/read>)

⁵ Красноармеец Г. Как я бежал из лагеря. // Гай Г.Д. В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. М., 1932.

Со своей стороны, советское правительство также стремилось оказать помощь в возвращении части интернированных красноармейцев, в первую очередь политработников. Пока легальным способом этого сделать было нельзя, «нужных» людей вывозили в Россию таким же путем (с поддельными документами военнопленных)¹.

Судя по воспоминаниям политкомиссара, их под различными предложениями вызывали в Берлин, в советское посольство, там обеспечивали фальшивыми документами и переправляли в Россию. Помощь в этом оказывали и местные организации «спартаковцев». Так, по документам «старого военнопленного с Украины Сидоренко» уже в октябре 1920 г. покинул Германию П. Рябов: «Получив возможность выбраться из лагеря по вызову из Берлина, мы с тов. Розе отказались от проводника и поехали в Берлин без опеки... Бюро [по делам военнопленных] снабдило нас временными документами, бельем и необходимой штатской одеждой, направило на ночевку в общежитие безработных. Обитатели общежития приняли нас дружелюбно. “Русланд, Большевик?” – был их первый вопрос. – “Да!” – “Гут, гут, мы тоже большевик!” ... На наших документах уже стояла виза на выезд в Россию. [В Щетине] мы разыскали тов. Диккера и его секретаря Свешникова. Они выдали нам денег на прожитие, дали некоторые указания и направили на ночевку. Там мы встретили человек 30, находящихся в нашем положении... нас выдавали за гражданских пленных. Немецкие жандармы внимательно осматривали наши аусвайсы, но придраться было нельзя»².

С конца 1920 г., в рамках дополнительного соглашения с Польшей, предполагающего возвращение интернированных военнослужащих до ратификации мирного договора³, стало осуществляться плановое возвращение красноармейцев на родину. Сначала вывозили людей гражданских профессий, членов семей комсостава, раненых и увечных военнослужащих. Затем, по специальным спискам, отдельными партиями

¹ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 99 (Доклад об организации транспортов военнопленных из Штеттина в Нарву) Л. 15-19.

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33-46.

³ Вопрос о возвращении интернированных до ратификации мирного договора с Польшей неоднократно поднимался советской делегацией во время переговоров в Риге. Наконец, в ответ на ноту, переданную 24 февраля 1921 г. советским представительством, Польша дала согласие на возвращение интернированных красноармейцев, о чем было составлено «дополнительное соглашение» к мирному договору. ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 50. Л. 16.

одинаковое количество интернированных поляков и русских. Поскольку поляков на территории Германии было раз в 20 меньше, чем красноармейцев.

В первую очередь стремились вывозить старший и средний командный состав, но поскольку (как уже говорилось в предыдущей главе) многие командиры из бывших офицеров возвращаться отказывались, на «вакантные места», в значительной степени «по знакомству», стали определять политработников. Например, Г.Д. Гай признавался, что воспользовался своим положением заместителя заведующего Отделом интернированной Красной армии, чтобы в первую очередь «вытащить» из Германии своих кавалеристов.

Отъезд под различными предложениями политработников негативно влиял на настроения интернированных. Наиболее «хитрые», прослышав, что коммунистов будут первыми вывозить в Россию, стремились вступить в ряды партии. Более половины членов лагерных партийных ячеек вступили в них во время нахождения в лагере, как можно предположить, с целью поскорее вернуться на родину. Основная масса красноармейцев видела в подобных привилегиях для коммунистов несправедливость¹. Отрицательно это сказывалось и на культурно-массовой работе в лагерях. Культработник лагеря Пархим отмечал, что за девять месяцев здесь сменилось три лагерных (гарнизонных) комиссара, четыре начальника политотделов, являвшихся одновременно начальниками лагерного культпросвета, и до десяти бригадных и полковых комиссаров².

Массовое возвращение красноармейцев пришлось на май-июль 1921 г.

Рассматривая вопрос о репатриации интернированных красноармейцев, следует учитывать и то, что в результате Первой мировой войны и ряда европейских революций рухнули империи, и множество людей были дезориентированы в вопросах своего гражданства. В Европе было немало бывших российских подданных, не определившихся со своим гражданством. В общей суматохе немало случайных людей объявляли себя «гражданскими пленными» (интернированными), чтобы

¹ Как писал в своих воспоминаниях Г.Д. Гай, «подобное оголение лагерей от комплота состава потом сказалось». (*Гай Г.Д. В германском плену... М., 1931. С. 36*)

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25 (*Ряк Я. Воспоминания, 1922 г.*)

совершить эмиграцию или иммиграцию, сменить гражданство, добраться на родину за счет казны как беженцы и жертвы войны.

Проблема интернированных в условиях развала Российской империи и русской Гражданской войны осложнялась еще тем, что были различные группы людей, пользовавшихся этим статусом. Оставались еще гражданские лица, интернированные в годы Первой мировой войны, были интернированные белоармейцы. Наконец, были немецкие женщины, сожительствовавшие с русскими военнопленными и стремившиеся любыми путями воссоединиться со своими уже вернувшимися на родину мужьями. Все эти категории людей стремились выехать в Россию. Поскольку германская сторона взяла на себя обязательство доставить на родину интернированных красноармейцев, следовало определить, кого в данном случае считать интернированными.

Согласно пункту 9 Дополнительного соглашения к договору об отправке на родину военнопленных и интернированных, таковыми «интернированными в Германии русскими воинскими чинами» признавались «все лица, которые, принадлежа к составу русской советской армии, перешли германскую границу и в настоящее время претендуют на права русского гражданства»¹.

Готовясь к возвращению на родину, в лагерях создавали «ликвидационные комиссии». В специальной «инструкции об отправке имущества лагерей в Советскую Россию» отмечалось, что «все ценное, накопленное за 8 месяцев [интернированными] и в течение шести лет военнопленными... в России позволит открыть 16 новых сельских библиотек, 16 клубов, 16 спортивных кружков»².

Так, в лагере Пархим было «накоплено» «школьных пособий и учебников для школы первой ступени на 700-800 человек, для второй ступени на 100-150 человек; запасами имущества по театральной секции можно оборудовать и обеспечить театр какого-нибудь небольшого города или села по крайней мере на год; библиотека числом 3.200 книг приведена в порядок и переплетено более тысячи книг старья, а также

¹ ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 185. Л. 98

Последняя оговорка была сделана в связи с тем, чтобы не было принудительного возвращения тех красноармейцев и командиров, кто изъявил желание остаться в Германии.

² ГАРФ. Ф. р-9488. Оп. 1. Д. 15. Л. 116.

спортивного имущества вполне достаточно для клуба небольшого города»¹.

Редколлегия выходившего в лагере Альтдам журнала «Последний перегон» обратилась к отъезжающим с призывом захватить на родину приобретенные в Германии топоры, пилы, напильники, иглы, вилы, лопаты и прочее: «Не с пустыми руками на трудовой фронт!»².

19 апреля 1921 г. между РСФСР и Германским правительством было заключено соглашение об условиях содержания и возвращения на родину интернированных. Красноармейцы и остававшиеся еще в Германии военнопленные (после окончания Первой мировой войны они получили статус интернированных) из всех германских лагерей свозили в лагерь Альтдам, наиболее близко находящийся к порту Штеттин (современный польский город Щецин), где они и ожидали своей очереди на эвакуацию.

Известие о мире с Польшей³ «несколько облегчило нам душу, и мы ждали, что, если это только правда, то, может быть, в недалеком будущем нам удастся и выехать отсюда в свою родную Россию... Слухи с каждым днем распространялись упорнее, и наконец мы узнали от самого коменданта лагеря, что получено распоряжение о выявлении количества людей, на долю коих выпадает счастье ехать в Россию». «С вечера было объявлено [об отъезде]. Накануне мы не спали всю ночь, а все мечтали о дороге, сердце радостно билось... Тяжело было расставаться с остающимися здесь товарищами. Ведь в боевые дни горе и радость мы делили пополам. ...Прощались по-братски. Лично у меня при прощании с товарищем, с которым я был почти неразлучно с 1918 по 1920 годы, т.е. с первых и до последних боевых дней, капали слезы»⁴.

По воспоминаниям красноармейцев, интернированных в лагерях Сольдау и Пархим, они получили продукты на дорогу и отправлены были в «классных» вагонах по четыре человека в купе. Таким образом, их несвободное положение подтверждало только наличие конвоиров. Но в лагере Альтдам все бараки были переполнены, и их поселили в

¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14-25. (Ряк Я. Ук. соч.)

² Гая Гай. В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920-1921 гг. М., 1932. С. 102-103.

³ Имеется в виду подписание мирного договора 18 марта 1921 г.

⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. (Ф.А. Прялухин. Ук. соч.) Л. 10, 10об., 11.

нежилое помещение. Так они жили несколько дней, пока подъезжали партиями интернированные из других лагерей¹.

В этом лагере интернированным «пришлось встретиться с русскими военнопленными империалистической войны. Радостно встречали они нас, не менее рады были этому и мы. Они оказали нам товарищеский прием. Узнав, что мы с дороги, достали горячий ужин и чай. Они прибыли сюда также из разных лагерей Германии и направляются в Россию». Далее автор этих воспоминаний описывает запомнившуюся ему сцену «встречи родных братьев в одном из барачков: один из бывших военнопленных империалистической войны, а второй из интернированных гражданской войны. Какова же была радость, когда они встретились!»²

Транспортировка на родину осуществлялась двумя способами: морским и сухопутным. Сухопутная осуществлялась три раза в неделю. Людей грузили в эшелоны по тысяче человек и доставляли в Ригу, где их пересаживали в русские поезда, идущие в Москву. Перед отъездом каждый интернированный получал «подарок» от благотворительных организаций: галеты, пряники, шоколад, сигареты.

По воспоминаниям красноармейца, в Риге их под конвоем доставили на железную дорогу и поместили в вагоны, двери в которые предусмотрительно завязали проволокой. Их доставили в Витебск, где они подверглись регистрации и медосмотру, после чего получили чистое белье и смогли посетить баню³.

Морским путем транспортировка проходила без особого расписания, в зависимости от возможностей предоставления судов Советской Россией. На суда также грузились примерно по тысяче человек и отправляли из Штеттина (совр. Щецина) в Петроград по двум маршрутам – либо через Ревель (Таллин) и Нарву, либо напрямую в Россию, в Петроград.

Кратковременное пребывание в Латвии, Эстонии или в Финляндии отличалось от жизни в Германии отношением со стороны местных властей и населения. Г. Гай так описывал свое возвращение на родину че-

¹ «Эпизод советско-польской войны 1919-1920 годов: Попытка разобраться в событиях, участником которых был мой дед» // Сайт Генеалогического форума ВГД. URL: <http://forum.vgd.ru/970/31128/110.htm>

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. (Прялухин Ф.А. Ук. соч.) Л. 11.

³ «Эпизод советско-польской войны 1919-1920 годов...» URL: http://forum.vgd.ru/970/31128/110.htm?a=stdforum_view&o=

рез Эстонию: «Высадили нас в Балтийском порту недалеко от Ревеля. Эстонцы потребовали сдать наши красные знамена и снять красные звезды с фуражек и ордена с груди. Чуть не драка произошла с эстонской ротой, которой командовал русский офицер. В связи с нашим отказом нам не подавали вагоны. Согласились только свернуть знамена. ...Запрещено было показывать эстонским рабочим и крестьянам из окон вагона даже свернутые знамена»¹.

Финны, «боясь заразы, плотно закрыли нас в вагонах», из окошек которых интернированные видели сидящих «на опушках леса военнопленных немцев... Они отправляются на пароход, на котором мы прибыли, в Германию»²...

*

В предыдущей главе уже говорилось, что те красноармейцы и даже офицеры, которые поддались пропаганде и выехали в так называемые «белые» лагеря, прознав о начавшейся репатриации, стали возвращаться в свои части и ходатайствовать об отправке на родину. Прежде чем предоставить им такое право, их подвергали особо тщательной проверке из опасения, что таким образом будут посланы в Советскую Россию агенты иностранных разведок, диверсанты, связанные с белогвардейским подпольем.

25 мая 1921 года в лагере Кассель, куда стали переселять отказавшихся возвращаться в Советскую Россию интернированных красноармейцев (в основном это были бывшие офицеры, а также распропагандированные казаки) собралась инициативная группа. Они направили в другие лагеря, где еще оставались интернированные, не желавшие возвращаться на родину, свое предложение о создании «Союза бывших интернированных и военнопленных, остающихся в Германии»³.

В этот Союз входили интернированные красноармейцы, решившие остаться в Германии военнопленные Первой мировой войны, интернированные гражданские лица, а также интернированные белоармейцы. После официального прекращения регистрации выезжающих на родину они теряли права интернированных и военнопленных, и должны были решать вопросы своего жизнеобеспечения самостоятельно.

¹ Гай Г.Д. В германском плену. М., 1931. – С. 45

² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.492. Л. 11.

³ Извещение от Временного Правления Союза бывших военнопленных и интернированных в Германии // Воля России. 1921. 31 июля.

*

Всего в Советскую Россию вернулось 40.986 интернированных из Германии и 75 699 пленных из Польши¹. Все они подвергались фильтрации в приемных пунктах. На железнодорожной станции Койданово² работала постоянная комиссия Западного фронта по учету возвращающихся военнопленных и интернированных красноармейцев. При ней располагался приемник на 2 тыс. человек. Были также временные приемники - в Минске, Витебске и Могилеве, которые могли принимать примерно по 3 тысячи человек³.

Возвращающихся четко делили на две категории: интернированные красноармейцы получали двухмесячный отпуск (как полагалось по болезни), после чего должны были обычным порядком поступать в ведение местных военкоматов для дальнейшего их назначения в зависимости от возраста. Красноармейцы, возвращавшиеся из плена, должны были сразу же направляться в запасные части войск. Подчеркивалось, что «указанное разграничение интернированных и военнопленных подлежит строгому соблюдению»⁴.

Позднее факт пребывания в польском плену стал негативно влиять на биографию человека. Интернирование же на территории Германии предпочли забыть...

¹ Данные приведены по: *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918-1939. М., 1921. М.: Вече, 2001. С. 104.

² Современный город Дзержинск (Белоруссия)

³ ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 50. Л. 13.

⁴ ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 50. Л. 1.

Заключение

История красноармейцев, которые в августе 1920 году, опасаясь попасть в плен, перешли границу с Восточной Пруссией и оказались в немецких лагерях для интернированных, относится к числу забытых страниц Советско-польской войны, и без того остававшейся долгое время «неизвестной».

В силу исторического опыта России, проблема плена, тем более добровольного (как можно рассматривать «интернирование» красноармейских частей) не относилась к числу приоритетных в отечественной исторической науке. В условиях жестоких войн, которые вел народ, пребывание в плену не рассматривалось русскими (в отличие от некоторых других народов) как героическая страница биографии. Плен воспринимался как нежелательная альтернатива вооруженной борьбе. Это особо касается войн XX века. Проблема нахождения в плену, освобождения (выкупа) из плена, последующее устройство бывших пленных чаще изучалось на материалах более ранних периодов истории. Общественный и научный интерес к проблемам плена, к повседневности жизни в лагере возник в 1990-е годы, в рамках интереса к истории повседневности вообще.

Обстоятельства жизни интернированных красноармейцев самостоятельной проблемой изучения не стали.

Для понимания внутренних пружин Советско-польской войны, настроений красноармейцев при переходе от опьяняющего состояния победы к поражению и многомесячному пребыванию в состоянии бездействия, потребовались специфические и при этом массовые источники. Ими стали воспоминания, в первую очередь те, которые оставили пережившие интернирование красноармейцы.

В какой-то степени, огромная работа по комплектованию этих воспоминаний, проведенная «партийными комиссиями», стала реакцией на появление в эмигрантской прессе потока воспоминаний. Действительно, пока «победители» были заняты вопросами переустройства общества, «побежденные» рефлексировали по поводу произошедшего и пытались оправдаться перед собой, перед современниками и перед потомками. Уже весной 1920 года публикуются первые воспоминания. В Берлине начинает издаваться «Архив русской революции»; в 1922 г. по инициативе генерала Миллера готовится «Очерк истории Северной об-

ласти». «Мы стоим у истока реки, которая обещает быть полноводной, - реки воспоминаний. ...Все ...спешат излить на бумаге повести своих надежд и разочарований. Уже в настоящее время мемуарная литература о Великой Русской революции может быть исчислена десятками книг и брошюр»¹. Современники первыми обратили внимание на специфику подобных мемуаров – написанных не «на склоне лет», а под впечатлениями недавнего прошлого: «Авторы их в той или иной мере исповедуются перед воображаемым читателем. ...Рассказывая о пережитом, они вольно или невольно возвращаются к самим себе, говорят не столько о событиях, происходивших вокруг них, сколько о том, как они эти события воспринимали. Такой характер мемуаров лишает их крупного исторического значения; ... но зато придает им большую психологическую ценность»².

Использование воспоминаний и любых других свидетельств участников исторических событий наполняет событийно-историческую канву человеческим содержанием, необходимым для понимания описываемых событий, у которых не могло быть ни одностороннего, ни двустороннего объяснений. Сопоставление и синхронизация всех видов источников (каждый из которых страдает той или иной степенью недостоверности) позволило автору воссоздать в подробностях этот малоизвестный эпизод последнего этапа Гражданской войны, рассматривая ее именно с этой стороны.

¹ *Полонский Вяч.* Искатели «объективной» истины. // Интеллигенция и революция: Сб. статей. М, 1922. С. 33

² *Полонский Вяч.* Русский обыватель в эпоху великой революции. // Интеллигенция и революция: Сб. статей. М, 1922. С. 162; *И.М. Василевский.* Что они пишут? Мемуары бывших людей. Л, 1925

**Алексеев А.Д. Мои воспоминания. 156 стр. полк 18 дивизии в боях на
Польском фронте.
(фрагменты)**

1 мая 1920 г. на митинге в Онеге нашему 156 полку вручили Орден Красного Знамени. Командир 18 див. Уборевич произнес речь.

[К тому времени] на Западный фронт уже отправлены 154 и 155 полки. Большая часть нашего полка была направлена морем через Архангельск Командир полка В.И. Нечаев, комиссар Солдаков (?)

На пароход «Кереть» погрузили хозяйственно-санитарную часть полка с обслуживающим персоналом, пулеметные команды и саперов со своим немалым хозяйством, и нашу команду связи.

Мы погрузили достаточное количество телефонных аппаратов различных систем, в том числе трофейных – облегченных «Димарк-3» английского производства, несколько коммутаторов, приличный запас полевого телефонного кабеля различного назначения и несколько удобных брочек.

На этом же пароходе были отправлены 3-й батальон нашего полка, что находился на лесозаводах 36 и 34 в Онеге.

2 батальона нашего полка – 1-й и 2-й, а также команды пеших и конных разведчиков были отправлены на [железнодорожную] станцию Обозерская походным боевым порядком по тракту Чекуево – Обозерская.

Весть о том, что наш полк отправился морем 24 мая, облетела наши деревни. В день отправления морская пристань Онеги не могла вместить всю публику. Матери-отцы, жены, девушки братьев и женихов... (У моей матери уже погибли два сына).

В Архангельске на левом берегу мы были погружены в эшелон. На Обозерской к нам присоединились остальные.

На головном пассажирском вагоне развевалось красное знамя, вагоны товарные разукрашены кумачовыми полотнищами с боевыми лозунгами, в вагоне под гармошку пенсии «Едем мы, друзья, в дальние края», «Смело, товарищи, в ногу», «Смело мы в бой пойдем»

Везде были открыты семафоры.

Москва наш полк встретила и проводила очень тепло. Наша непривычная форма обмундирования на вокзалах и всюду привлекала много публики. По внешнему виду солдаты напоминали иностранцев, у большинства на плечах зеленые френчики и такие же фуражки чужого фасона, в то же время у многих на грудях красные банты и у всех на фуражках яркие красноармейские звездочки.

Москвичи быстро в наших эшелонах узнавали северян, сопровождая нас одобрительными возгласами: «На Запад едут северные орлы! Стойкие большевики! Доброго пути, дорогие товарищи!»

С нами ехали авторитетные среди солдат командиры и политработники: комиссар полка Солдаков Н.З., помощник комиссара Морозов, командир полка В.И.

Нечаев, комбаты Тимофеев А.В., Черноглазов Д.В., другие командиры: Плешков П.Н., Ручьевских В.В., Едошин А.М.

В том числе были командиры, находившиеся ранее на службе в белой армии: 5 Северного полка, которые во время переворота были взяты на поруки солдатами этого полка – адъютант полка В.В. Иванов, Зотов (Внуков) и др.

В начале июля прибыли в Полоцк, эшелоны разгружались на окраине, на запасных путях.

Придя в боевую готовность, полк двинулся по левому берегу Западной Двины вниз по течению.

Через несколько дневных переходов – г. Дисна, где был отдых.

Первые сведения о неприятеле узнали мы, связисты, на деревянном мосту от рядовых 154 полка. Настроение у них было неважное, чуть ли не паническое. Их поляки потрепали изрядно под местечком Германовичи. Были потери в людях и технике, потеряли несколько пулеметов.

Вскоре в нашем полку была проведена реорганизация. Батальонные пулеметные команды были объединены в одну, полковую, а излишки пулеметов были переданы в другие полки нашей дивизии. Начальником пулкокоманды назначен Кузнецов.

От пленных поляков узнали, что они думают о нас: отменные храбрецы, железные полки северян; что деремся [мы] ожесточенно и в плен поляков не берем.

Это мнение вскоре подкрепилось на деле крайне неприятным и отрицательным фактом, у местечка Глубокое. В большой группе пленных поляков один офицер спрятал свой револьвер, и когда их строили и повели в тыл, он как-то ухитрился и в упор выстрелил командира сотни наших казаков корпуса Гая. Взбешенные, они кинулись рубить беззащитных людей, и неимоверно озверев, войдя в азарт, почти всю группу пленных располосовали, а их было несколько сот...

Картина такого зверства была потрясающая, но на войне, по-видимому, законы не писаны.

Этот факт в дальнейшем поляки приписывали и другим нашим частям.

Знакомство с противником нашего полка произошло 12-13 июня в районе местечка Ямное.

Предполагаю, что нашим командованием была допущена поспешность, переоценка своих сил и слабая разведка.

Наступление [началось] силами двух батальонов. Подступы к м. Ямное были неплохие, перед самой деревней большие поля несжатой ржи. Подошли скрытно. Поляки не проявляли никакой активности. Через рожь просматривалась линия обороны противника. Отдельные пулеметные гнезда были взяты под прицел наших пулеметчиков. Зам. командира полка А. Тимофеев по условной команде поднял батальоны в атаку. Атака была успешной, привели много пленных. Вскоре поляки открыли пулеметный и артиллерийский огонь и начали встречное наступление. Наши были сильно потрепаны и, не получив подкрепления, отступили. Я слышал разборку по этому поводу наших офицеров. Командир полка Нечаев обвинил командира нашей 52 бригады Сигаль в том, что он не прислал обещанный 155 полк как ре-

зервный и 154 полк для наступления на нашем левом фланге одновременно, – при этом нервничал и возмущался действиями вышестоящего командира. А Сегаль же объяснял неудачи плохой разведкой нашего полка.

Стало ясно, что воевать придется в совершенно иных условиях, чем в лесистой местности нашего севера.

Началось затишье. Теперь, изучая обстановку, ведя наблюдения за противником, наши подразделения маневрировали, производя нужные перегруппировки вдоль линии фронта.

5 июля корпус Гая до 9 тысяч сабель прорвал оборону противника и громит гарнизоны, наводя страх и панику на местное население.

Наш полк проходил по тем же местам, мимо хутора Стельмаковичи, где был ранен в руку наш командир Нечаев. Комиссара Солдакова отозвали в дивизию, на его место [был назначен] Кольстальчин, а вместо Нечаева Краевский С.И.

Нечаева сняли под предлогом эвакуации в тыл для лечения, но мы понимали, что причина – инцидент в Ямном. К новому командиру отнеслись с недоверием. Были слышны такие разговоры: «Ведем войну против поляков и комполка к нам назначают поляка, что-то тут неладное...»

Нечаев не пожелал ехать в тыл и его оставили на должности помкомполка.

<...>

На пути – оз. Нарочь, памятное мне по 1917 году. Здесь в июне мы нюхали германского газа, позднее братались с немцами. За кусок хозяйственного мыла немецкий солдат променял мне хороший перочинный нож. Здесь я был ранен, мы держали оборону, было августовское наступление.

<...>

Сохранился в памяти такой эпизод:

Перед дер. Новоселки, левее нас и немного впереди двигались большие обозы, которые объединились. Наше командование приняло их за свои и стало пропускать, предоставляя им первоочередность. В осиновой роще наши части остановились и ожидали своей очереди. И тут мы узнали в них поляков. Нечаев дал команду начальнику пешей разведки П.Н. Плешкову атаковать эти обозы, затребовали артиллерию, но обозы продвигались спокойно вперед. Только после нескольких выстрелов шрапнелью в обозах произошла паника. Плешков захватил хвостовую часть, а остальные благополучно удалились.

И так – мы шли по пяткам отступающего противника.

Нередко теряли связь с соседними частями.

...Погрузив на бричку необходимое количество кабеля и аппарат, с приближением темноты мы двинулись вперед. Кой где подвешиваю линию провода. Дорога шла по песчаному грунту возле небольшой речки. Продвигаясь вперед, мы на другой стороне речки увидели группу поляков, сидящих у костра, ружья в козлы. Нас в английском обмундировании поляки приняли за своих и не проявили к нам никакого интереса. Мы включили линию и сообщили в штаб полка. Помощник командира Морозов истолковал наше сообщение как проявление трусости, обругал нас и приказал двигаться для связи с соседним полком. Мы двинулись и увидели костер. Думая, что это наши бойцы готовят себе ужин, мы обрадовались и ускорили

свое продвижение. Оказалось, что это не костер, а горит деревянный мост и амбар мельницы. Мельник-поляк принял меня за разведку красных, отнесся ко мне доброжелательно и заискивающе. Объяснил, что в местечко в 7 часов вечера переправились последние части поляков, а от красных он еще никого не видел. Говорил, что поляки хотели сжечь его мельницу.

Мы опять включились в линию и передали сообщение, что наши соседние части еще не подошли, что переправа в местечко невозможна, т.к. горит мост, что в местечке видим поляков.

В ответ от тов. Морозова слышали ругань, мат и угрозы расстрелять. Приказал при помощи мельника разобрать амбар и все же переправиться.

Вместе со мной были телефонисты: братья Гавриловы Александр и Сергей, да еще с деревни Глотова Попов В.М. Решаем не выполнять строгий приказ пом. командира полка.

Оставив протянутые провода, мы отошли на хутор, что находился в полукилометре. Ночь провели не спавши, в большой тревоге, обдумывая свое ужасное положение.

С рассветом опять включились, говорим, что не хотели попасть в плен к полякам и подвести свои части. Нам опять не поверили. Под угрозой расстрела пришлось выполнить приказание штаба. Подошли к мосту, он уже сгорел, торчат обгорелые балки, переправляться тяжело. В условиях светлого времени по шатким скользким балкам нам удалось переправиться на другую сторону реки. В первых домах установили телефоны.

Посреди этого местечка пролегалo широкое шоссе, на небольшом расстоянии видны поляки. Не успели сообщить в штаб полка, как линия порвалась. Ушедший на повреждение С. Гаврилов был «взят в плен» солдатами 155 полка (передовые части 155 полка занимали это местечко). В английском обмундировании его приняли за поляка.

У нас вспыхнула на Морозова невероятная злоба, нашему гневу, казалось, не видно предела. Не окончив ругаться со штабом один, у него рвал трубку другой. Отвели свою душу...

В свой адрес слышали только похвалу.

<...>

Форсирование р. Неман.

В 5-6 км от реки поляки заняли оборону, но вскоре отступили, видимо, их задачей было задержать нас, пока не переправятся обозы.

В ночь на 21 июля Неман левее нас форсировал 155 полк, но очень неудачно, говорят, потеряли до батальона своих солдат.

Затем наша очередь. О способе форсирования у нашего командования возникли разногласия. Морозов предлагал под прикрытием темноты, с применением пулеметного прикрытия при необходимости. Нечаев – на рассвете, под сильным прикрытием пулеметов и артиллерии. С Морозовым не соглашались многие командиры и бойцы, но он вел себя несдержанно, нервничал, применял угрозы расстрела.

С Нечаевым соглашались командир Краевский и комиссар Кольстальгин. Началась подготовка. Саперы в сосновом бору в 1,5-2 км пилили бревна для моста.

Когда подошли мы к Неману лесистым берегом, то увидели в лощине много брошенного поляками военного имущества: брички, телеги, походные кухни и проч., говорящие о том, что в этом месте поляки переправлялись вброд.

Вечером на другой стороне Немана появились 3 всадника, передний держал небольшой белый флаг – парламентареры. Поляки просили прислать представителей на другой берег Немана. Краевский на польском языке сказал им, что все лодки на их стороне, поэтому для переговоров следует перейти сюда и что полная безопасность парламентарерам гарантируется.

Двое сели в лодку. Тот, что на корме, веслом отпихивался от дна всю дорогу, что не осталось незамеченным. Не доходя до нашего берега, лодка села на мель, ее подтащили к берегу. Оба оказались капитанами польской армии – командир и адъютант, (якобы) какой-то иностранец – итальянец.

Командир полка начал с ними переговоры на польском, но Нечаев потребовал, чтобы говорили по-русски, с ним все согласились.

Предложение – перемирие, а затем переговоры о мире. Наше командование настаивало на полной капитуляции Польши. Польская сторона для этого не имела правомочий и просила приостановить наступление, якобы, их части готовы перейти к нам.

Об этом было доложено командиру 18 дивизии Филипповскому и комиссару Куприянову, которые приказали форсировать Неман с рассветом 22 июля, к тому же уже все было готово.

Ночь не спали. На той стороне солдаты тоже бодрствовали, открыто брали воду в котелки, ходили у костров, и их с нашей стороны никто не беспокоил.

На рассвете мы были у места переправы. С нами был мужчина из местных, чтобы показать самое мелкое место. Бойцам было сказано, что они будут прикрываться пулеметами и артиллерией, а им на помощь сразу же подойдет конница 33 кубанской дивизии.

С рассветом первыми пошли роты 3 батальона, с ними и мы, связисты. Держали катушку, разматывали, несли телефонный аппарат; я держал из шестов треног.

Вошли в воду в одном белье, шинели, обувь и другое держали над головой. Нечаев сказал на дорогу: «С Богом, товарищи!»

Около нас было так много знакомых лиц из дер. Кривой пояс Пудожского уезда.

Подбадривая бойцов, впереди шел помощник командира 8 роты Г.В. Назаров, командир роты А.М. Едошин, рядом с ним М.С. и И.А. Сеницыны, какой-то по фамилии Долгунин и многие другие.

Когда мы дошли до середины реки, польские пулеметы открыли по нам огонь. Из задних идущих некоторые дрогнули и хотели вернуться, но с берега послышалась строгая команда и одновременно шквальный огонь наших пулеметов. Польские пулеметы замолкают. Наша артиллерия из двух орудий была по противнику шрапнелью. Назаров, увлекая наступающих, кричал: «Смелее, северные орлы, берег рядом!». Вдруг кто-то сзади закричал: «Кавалерия!» И мгновенно всюду: «Дашь кавалерию!»

Мы были уже на другом берегу и рассыпались в цепи. Тренога мне не потребовалась, ее невозможно было установить в песчаном дне реки.

Переправа удалась, жертв не было. Однако вскоре в двух километрах завязался жаркий бой, где смертью героя погиб командир 1 батальона Тимофеев А.

Кубанские казаки оказали нам помощь, захватив польскую батарею.

Нам на смену уже шел 154 полк.

<...>

Теперь стали встречаться перебои с продуктами и приходилось заниматься самоснабжением. Солдаты нашего полка стали рыть молодой картофель и в имениях у помещиков забирать поросят.

Командование заметило такие вещи, и на большом собрании Нечаев строго запретил [этим] заниматься.

Мы, связисты, знаем, что в штабе полка едят свинину польских панов. Глядя на них, и мы тяпнули солидного поросенка в каком-то имении. На собрании один из красноармейцев задал вопрос: «почему вы, тов. Нечаев, не запрещаете это делать телефонистам?» Нечаев пообещал разобраться, [а нам] говорит: «Съели поросеночка, дак помалкивайте».

Фактически дело касалось не одного поросеночка...

<...>

У дер. Новая Наменка мы опять повстречались с корпусом Гая. Это были какие-то сказочные богатыри, их выправка и ухарство были неопишуты, бурки, папахи и у некоторых национальной формы оружие чернявым усачам придавали какую-то особую привлекательность. На открытых местах их колонны внушали... все на конях, тут и медчасть, на вьюках облегченные пулеметы, у некоторых длинные пики и у каждого острая шашка дополняли красоту этих воинов. Вне боя они нередко становились добрыми барашками, но в бою становились лютыми зверями.

<...>

Источник:

Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 8-54 (рукопись. Северодвинск, 1963-1965)

Коротких М. Война с белополяками – захватчиками в 1920 году 156 полка 18 дивизии Красной Армии: из моих воспоминаний¹.

По окончании войны с белоинтервенцией на Севере наш 156 полк Красной армии стоял в Онеге. В то время нам казалось, что война закончена не только у нас на Севере: на юге, в Сибири и давно было покончено с Юденичем. Но в мае месяце мы слышим, что поляки напали на Советский Союз² и захватили часть нашей территории. 7 мая был поляками захвачен Киев. Около половины мая 1920 года мы всем 156 полком выехали на бело-польский фронт. Подъезжая к Москве кто-то сказал, что в Москве будет короткая остановка и что с нами, северянами, встретится В. И. Ленин и будет произносить речь. Но нас повезли по окружной дороге и затем прибыли в район Полоцка, перешли Западную Двину по наплавному мосту и походным порядком пришли в г. Дисец (?), где нашему полку был смотр-парад, как раз на этом параде выступал Демьян Бедный с напутствием нашему полку. Вскоре заняв позиции мы здесь наступали на деревню Окунево, которую поляки подожгли среди населения – паника, коровы бегали встревоженные среди пожара. А полчки между тем обходили с фланга обстреливая орудиями опушку леса и усиленно строчили пулеметы, здесь создавалась опасность, занятие опушки леса поляками из которого мы только что вышли. Мы поспешили занять его сами, пробираясь низиной или рожью. Припоминаю заместителя командира 156 полка А. Тимофеева, который с винтовкой в руках бежит рядом со мной и кому-то кричит: Вперед! Но усиленный пулемет засевших в укрытии где-то поляков. Наши бойцы тоже спрятавшись за углами, продолжали стрелять, а в цепи уже никого нет, ушел куда-то м Тимофеев. Командир взвода нашей 5 роты забежал за угол дома, его два поляка подняли на штыки. Когда я пришел в окопы, смотрю, все уже здесь, не вижу Заочинского М. Г, где он?

Смотрю моего брата Максима несут на ружьях раненого в ногу и ему выражаю свое сочувствие.

А он мне говорит:

- Видишь, как стреляют, так могут и убить. Вот я счастливый: меня только ранили.

Потери нашей роты были значительны: последним из боя вышел Заочинский Михаил и улыбается.

¹ *Коротких Михаил Иванович* (1896-1977) Уроженец с. Чекуево Онежского уезда Архангельской губернии. С 13 лет ученик сапожника, затем чернорабочий на лесозаводах. В 1915 году призван в армию, фронтовик.

1919-1920 г.г. - политрук 156 полка 18 дивизии на Северном, затем на Польском фронте. Интернирован в Германии. После освобождения – трудармеец; по болезни демобилизован. Слушатель совпартшколы; секретарь волостного комитета партии в с. Чекуево, председатель завкома в Онеге. В 1931 г. – студент Академии коммунистического воспоминания имени Н.К. Крупской (в Москве); впоследствии работал художником на промкомбинате в Свердловской области.

Представленный фрагмент воспоминаний М.И. Коротких (1970-е гг.), которые хранятся у его родственников в Онежском районе Архангельской области. Воспоминания частично опубликованы на сайте Онежского землячества: <http://www.onegaonline.ru/biblio/see.asp?kod=312>

² *Так в тексте – Т.Т.*

- Да вот чуть не попал в плен, но от одного сарайчика к другому мне удалось выбраться, а они, как видно, гнались за мной, ругались по-своему, проявляя свою ненависть к большевикам.

С первых дней было видно, что в армии Пилсудского многие были одурманены против большевиков и чем больше продвигались в глубь Польши, тем больше это ощущалось, что видно было даже по мирным жителям. Не помню названия поселка или деревни у озера Нарвы, мы зашли в дом, жители дома напуганно растерялись, что не могут нам ничего объяснить: почему женщина сидит на койке, ничего не говорит и не может ничего понять, сидит и ни как не реагирует, смотрит только на одну точку бессмысленно, ходить и даже сама кушать не может. В чем дело? Хотя все хорошо понимают русскую речь и сами хорошо ею владеют, но объяснить не могут почему женщина так остолбеневши оказалась в их семье.

Мы все присутствующие приняли горячее участие в этом печальном факте и как могли сочувствовали полякам, одновременно убеждали, что за нами идет медицина, она по-настоящему поможет больной.

После чего у поляков развязался язык и стали выражать нам свою благодарность. Когда мы вышли строиться, поляки вышли на крыльцо уже с добрыми лицами, как бы провожая нас. Когда слева от нас был прорван фронт, мы шли уже мало где и поляки начали существенное сопротивление. Даже на реке Неман поляки не могли долго сопротивляться. Вскоре нашли место, где без какого-либо сооружения, вброд и плавь форсировали Неман, где-то выше Вильно. Дальше шли мимо городов, которые были разрушены еще в первую империалистическую войну 1914 – 1916 г.г.

С Николаем Николаевичем, командиром нашей 5-й роты мы рассуждали о том, что перед нами не город, а груда развалин. А чем же виноваты здесь труженики-поляки, рабочие и крестьяне? Им, как сусликам, приходится зарываться в землю, а панам все еще хочется кровопусканием заниматься. Но кажется, и для них это будет последним уроком!

Между тем мы все еще идем вперед, проходим местечко Глубокое Озеро, Свирь, Старая Лида, Белосток, Атроленко и многие другие деревни и города, их всех не сохранила ни моя память, ни память моих товарищей. Но вот отдельные факты хорошо сохранились в памяти. Подошли к какому-то леску, по команде рассыпались в цепь и сразу же была команда «Надеть штыки!». Разведка доложила, что впереди лежит цепь поляков, надо врасплох ее накрыть. По команде встали и леском с ружьями наперевес пошли вперед. Команда: «Бегом! Ура!». И весь батальон бежит с криком «Ура-а-а!». Прибегаем, а там уже пустые окопы, пробегаем еще – ржаное поле. Но и там никого не встречаем. Также и ни одного выстрела. Что это? Урок тактических занятий? Нет, это поляки услышали наши команды и поэтому покинули свои позиции, скорее стали очищать нам путь. Нам казалось странным, что поляки так ожесточенно вели бои с нами, а тут вдруг такое добровольное отступление?

Однако мы все стремились вперед. Леском мы подходим к какому-то небольшому городу, еще издали слышим грохот, шум, визг, проходим ближе, слышим отчаянные крики, стоны, свист, гиканье. Когда мы спустились с горки вниз, видим слева город, валяются убитые поляки, валяются каски, сумки солдатские, яблоки и прочее, справа тянется деревянный забор, за домом у стены лежат раненые поляки и слезно просят оставить их жить. Когда мы подошли ближе, выясняем, что произошло. Наши кавалеристы поясняют, что поляки раненые лежат и стреляют в кавалеристов еще и после боя. А раненые поляки отряцают стрельбу, просят, чтобы живыми не закапывали в землю:

- Лучше сначала убейте нас...

Причем могилы копают этого же города жители, их это делать заставили наши кавалеристы.

В это дело мы вмешались, говорим кавалеристам:

- Мы же Красная Армия, пришли в Польшу освободить рабочих и крестьян от польских панов и иностранной интервенции и это нам надо показать на деле, то есть простых людей-тружеников не трогать, закапывать тех, кто настраивает армию и население против Красной Армии. А вооружать простых поляков против Советской власти – преступно. Это надо понять, товарищи.

Обещали нам, что не будут закапывать, а направят в лазарет. Мы спешили и не знаем, как поступили казаки. Но поляки нам были благодарны. Мы спешили, догоняя 156 полк.

Пришли в какое-то большое селение, остановились на окраине в поле. Командиры батальонов и полка решали по карте, что было необходимо занять на главной магистрали, по которой отходили поляки и не занята ли та деревня ими? Кого послать? Решили – нашу 5 роту направить туда, и мы вышли. Идти надо около 20 верст. Был жаркий день, утомившись, мы раза два отдыхали. Прошли бывшие германские окопы, хотя они обросли травой, но не были разрушены, их вполне можно использовать еще и теперь. Через одну версту мы зашли в деревню. Поляков там не оказалось, и уставшие бойцы, как убитые, легли на лужайку. Правда, несколько человек ушли напиться.

- Николай Николаевич, поставил ли ты посты на эту важную трассу?

Он сказал, что нет, но сейчас поставит. Только что успели выговорить, вдруг тревожный выстрел и сразу последовало несколько выстрелов по нам. Мы сразу бросились на опушку леса, легли в цепь и сразу наладили пулемет «Максим», застрочили. Поляки подняли гвалт и подняли стрельбу из нескольких пулеметов. Чувствуем, что их много. Мы сразу поняли, что были на пути большой группы войск, отходящей в свой тыл. Мы сразу же послали своего кавалериста в 156 полк.

Смотрим, Заочинский М. пока поворачивал лошадь и только теперь поехал, слышим, как с правого фланга лесом поляки нас обходят, слышим, как наши раненые товарищи стонут. А посмотрели: в цепи почти никого и не осталось, бойцы бегут к старым германским окопам. Мы тоже решили снять пулемет и тоже стали отходить туда же. Пулеметчик выбился из сил и хотел бросить пулемет, но решил все же его дотащить. Поляки – за нами. Мы все были в сборе и открыли огонь всей ротой. Поляки отступили, нам как раз и пригодились те давнишние окопы. Вскоре пришел весь 156 полк. Мы зашли в деревню, поляков там уже не было. Смотрим, уже стало темно. Мы идем дорогой, по которой отходили поляки. Но мы знаем, что поляки далеко не ушли и встреча неизбежна. Мы уже знаем, что их сила – не одна дивизия. А нас всего один полк из 9 рот, но мы идем строем, кругом лес, темень, рядом товарища не видно, кругом тихо, жуткое молчание, слышно только размеренный шаг соседей, идущих в строю. Где-то далеко в тылу слышали артиллерийские выстрелы. Вдруг команда:

- Рассыпаться в цепь! Направо!

Лес кончился, а впереди нас – возвышенность. Мы один за другим бегом занимаем ее и с этой горки нам стало видно, как нас поляки обходят: это видно по вспышкам из винтовок, и мы поэтому вынуждены все больше загибать правый фланг. Слева от нас другие роты нашего полка энергично били из пулеметов по горе, откуда все время слышится непрерывный шум поляков, скрип телег, лошадиный тревожный гогот, а наши непрерывно строчат из пулеметов по этой темной горе и так до самого утра. Рассветать стало также быстро, как и наступала ночь. Когда мы поднимались по идущей в гору дороге, мы увидели убитых лошадей, впряженных в телеги, трупы поляков и обоз всякого барахла, где-то награбленного (скорее всего на русской территории). Когда поднялись на горку, там какое-то селение во всех дворах и сараях слышится польская ругань, там, как видно, раненые по-

ляки, но самих боевых частей больше не встречали, хотя мы спешили по их следам, чтобы знать их намерение и шли все вперед без единого отдыха, было к тому же жарко, ведь это было среди лета и очень нуждались хотя бы достаточно выспаться. Но мирились с усталостью, надеясь на скорую победу, рядом была уже Варшава. Наш полк подходил к реке Висле и к городу Плоцк (?). Некоторые части наши были около 30 верст от Варшавы, так нам тогда говорили.

Вдруг в одном из хуторов (название забыто), поляки большими силами оказали довольно сильное сопротивление, и нам пришлось залечь вдоль дороги, где когда-то была канава. Поляки из леса открыли по нам сильный пулеметный огонь. Туда проникла 9 рота нашего полка и едва кому удалось выбраться – были большие потери. Моего лучшего друга Петра Осиповича Харитонова поляки раненого докололи штыком, так геройски погиб (так мне передали бойцы 9 роты).

Наша 5 рота тоже находилась на передней линии и на открытом месте по нам был открыт сильный пулеметный огонь, но пули летели выше наших голов, мешала шоссе́нная дорога и потому возвышенность сзади нас была в сплошной поднятой пыли от ударов пуль. Вдруг кавалерия поляков из леса сверкая клинками пыталась броситься на нас, но бойцы открыли такой огонь, что поляки тут же повернули назад и больше уже и не показывались. Ограничились одной, но весьма сильной перестрелкой, но в атаку пока поляки не выходили против нас.

Меня ранило вдоль почти всей руки, я первоначально не понял, в чем дело, пока сильно не ворочался и продолжал стрелять, потом почувствовал щемящую боль и стал искать пакет для перевязки, но его не оказалось и хотел попросить у соседей. Командир полка Нечаев увидел мое беспокойство и закричал: «В чем дело?» Но когда я вылил из рукава много крови, он мне приказал идти на перевязочный пункт и утащить туда бойца, раненого в ногу. Как же его потащу, если так повреждена рука? Я даже хотел сказать, что, если бы меня ранили в ногу, я бы утащился сам до перевязочного пункта. Но этого я не сказал командиру полка. А сказал:

- Навалите его на спину и я его унесу.

И тут же забросили мне его на спину, когда я хотел идти, мне сказали, что надо двигаться ползком. Но посмотрел назад, там до хутора надо подниматься по песчаной небольшой возвышенности, которая вся покрыта сплошной пылью от пуль, казалось, невозможно добраться живым до перевязочного пункта и что гибель нам неизбежна. Пересиливая боль в раненой руке, я продвигаюсь вперед и вдруг я вылез, вскоре я поднялся на ноги и благополучно добрался до перевязочного пункта, где нас обоих перевязали. Мне через плечо перекинули бинт и подвесили руку. И я обратно спускаюсь к цепи, и вскоре стало темно, мы пришли в хутор и легли прямо в шинелях поспать. Пили, ели прямо на ходу, некогда было разводиться огонь, варить и распивать чай. В 12 часов ночи нас разбудили и построился весь наш 156 полк и нам командир полка объяснил, что мы от Советского (?) отрезаны, так как наши все снабженческие обозы, как первый, так и второй, от нас отрезаны, что мы теперь должны пробиваться в Россию теми средствами, какие у нас имеются при себе. Сейчас мы должны пробиваться к городу Млава, что недалеко от границы с Германией. Нам к тому же необходимо строго следить и всегда быть готовыми на случай нападения слева, справа, спереди и сзади. Мы оказались в окружении со всех сторон. И сразу, пока темно, вышли по направлению к городу Млава.

Ждали победы и вдруг такое сообщение на нас подействовало, как гром с ясного неба. Весь полк ушел в город Млаву, я раненый в руку держался около телеги, где были размещены разные ротные вещи. С вещевым мешком за плечами я шел вместе с ружейным инструктором Михаилом Заочинским – моим земляком, поглядывали по сторонам, разго-

варивали о неожиданных бедах и о том, а как нам выбраться из окружения, ну хотя бы в Латвию?

Стало быстро светать, все солдаты, лошади в телегах и просто всадники зорко осматриваясь идут вперед, теперь уже похоже на отступление причем какое-то неорганизованное, хотя и не паническое.

Небо давно уже затянулось тучами и моросил меленький дождик, время похожее на осеннюю мглу, это еще больше угнетало и так паршивое настроение, хотелось быть в роте вместе со своими земляками, а они где-то около города Млава, теперь уже слышны оружейная канонада и пулеметные очереди. Вдруг вижу, кто-то верхом по нашей дороге и догоняет нашу лошадь: куда-то спешит, это же адъютант нашего полка Иванов, бывший белогвардейский офицер (командир 5 роты при белых). Увидел меня и набросился:

- Ты чего же здесь делаешь, Коротких?

- Я ничего не делаю пока, - скидываю свою шинель, как только дождика не стало. Иванов мою перевязку увидел и больше не знает, чего сказать, шугнул лошадь и скрылся. Я тогда подумал: видимо белогвардейцы стали бодрее себя чувствовать в Польше, им неудача Красной Армии – великая радость, им не страшен и плен, и поэтому я еще больше возненавидел Иванова, который какими-то путями втерся в штаб 156 полка и чувствует себя героем в этом окружении.

Млава была в руках поляков, наши части прорваться пытались, чтобы приблизиться к границе Германии, так как о границу шла дорога к Латвии и мы мечтали туда выбраться, но мы пока не можем перейти железную дорогу, идущую в Млаву и сидим ждем подхода кавалерийского корпуса Гая, который должен был помочь всем скопившимся частям Красной Армии, да и самому корпусу было необходимо пройти. Хотя и раненый был я, мы с каким-то товарищем красноармейцем решили поднести ящик патронов на переднюю линию боя. Но вдруг поляки открыли огонь их орудий узнав, что линия прорвана и все бросились в железной дороге и перешли ее. Поляки здесь задержать нас не могли и вновь шли без сопротивления до следующего города, хотя каждую минуту ожидали внезапного нападения польской кавалерии. Но как только встречается город или поселок, мы вновь получаем сопротивление и так повторялось много раз. Однажды мы вышли на широкое поле и с горки смотрели вниз. Я впервые увидел такое, не имеющее конца скопление войска и транспорта, все это в движении вперед, слышен был только общий гул шума тревоги. Над нами кружились, правда высоко, до десятка военных самолетов и нас провожали вплоть до вечера, но бомбили изредка. В боях было взято несколько раз по одной тысяче белополяков, но содержать их было нечем, так как мы и сами были абсолютно голодные и выпускали их просто в поле. На одном из участков польского города недалеко от немецкой границы, мы встретили ожесточенное сопротивление и здесь бой проходил до ночи. Но так как уже сопротивляться совсем стало нечем, решили перейти немецкую границу по предварительной договоренности с ними нашего командования. Перешли границу – уже и недалеко до Латвии! В одну кучу складывали винтовки, сабли, револьверы, пустые патронташи. Где-то свозили пулеметы, орудия. Все это выросло в большие кучи военного снаряжения. И за все это искренно болела душа. Ведь этим оружием дрались и побеждали Колчака, Деникина, Юденича, заморских интервентов и бесчисленное количество белогвардейцев, басмачей и прочих врагов революции нашей великой родины. А здесь вдруг все пришлось сдать добровольно. Но однако в сознании осталось одно, что все же мы своим походом против захватчиков-белополяков подорвали их армию и всех иностранных интервентов-союзников и заключили мир в этом же 1920 году. Осенью на более выгодных условиях, чем мы им предлагали перед началом их нашествия на нашу страну весной 1920 года.

У всех нас есть было нечего, давно уже питались колосьями, собранными с польских полей, пытались разварить эти зерна и получить кашу без соли и какого-либо жира, ели все это без какого-либо удовольствия, мечтали о куске хлеба, который нам обещали выдать по кусочку грамм по 200. Ждали с утра до вечера и нам привезли и выдали на 30 человек одну буханочку и сказали, что немцы сами живут на голодном пайке. Причем хлеб испечен вполнину из древесной муки, он, казалось, полностью и был изготовлен из единого дерева, еле держался вместе, но мы его тут же съели, приняв за чистый хлеб.

На второй день нас посадили в поезд и мы прибыли в казармы, очевидно для нас специально освобожденные. Здесь, в этом лагере города Арисс, нас собралось очень много и жили здесь около одного месяца с 25 августа(?), по 20 сентября 1920 года, то есть почти с того, как перешли границу. Как нам приходилось переживать все германское интернирование, надо бы писать отдельный очерк. Но только на одном факте. Когда мы перешли границу, у нас телег и лошадей не взяли, оставили при нас, также как и все солдатское обмундирование и вещевые мешки. И даже давали чай с сахарином и приносили обед – мутная вода да ежедневно давали 200 грамм хлеба из древесины, нам правда говорили, что там была какая-то часть и муки. От всего этого правда мы едва носили свои ноги и то по очень большой нужде.

Нас вдруг снимают с этого лагеря направляют куда-то на Запад Германии и что поедем через Берлин. Когда мы вышли построиться на плац, мы отсюда увидели свои «художественные творения»: от телег остались одни железные ободья, от колес да оси от телег, словом, все, что не подлежит горению. Лежат кучи лошадиных костей, скелетов, голов и т.д., то есть, то, что не мог переваривать желудок. Зато поехали в город Хаммельн – на запад, брать с собой было нечего, поехали с пустыми сумками и порожними желудками.

Мы хотя посмотрели всю Германию в том числе и Берлин, но приехали в Хаммельн в тот же день. Разгрузившись, мы сразу же заняли деревянные бараки бывших пленных в русско-германскую войну 1914 – 1917 г. С месяц постояв здесь, нас перевели в наиболее отсталый лагерь «Минден», где мы и простояли до конца нашего интернирования. Здесь я и получил временное удостоверение принадлежности к РКП (б). К маю мы выехали в советский Союз в город Петроград.

Мне хотелось бы написать более подробно о всех событиях и товарищах, но в связи с тяжелой болезнью нет больше сил писать...

Источники:

- 1) *Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 253. Коротких М.И. Воспоминания о Гражданской войне. 1966. (рукопись, личные документы)*
- 2) *сайт Онежского землячества: <http://www.onegaonline.ru/biblio/see.asp?kod=312>*

Вербов С.Ф.¹ «Даешь Варшаву!...» (из воспоминаний)
(фрагменты)

Летом 1919 г. 53-я пограничная дивизия <...> была брошена на фронт против поляков. Мы наступления, сначала медленный, все ускорялся, и когда к началу 20-го г. мы включились в армию Тухачевского, ядро которой составлял казачий корпус под командованием Гая, то не только кавалерия, но и пехота передвигалась на подводах. Каждое утро диспозиция давалась на 20-25 км вперед, как если бы эти места уже были завоеваны накануне. Жалкие польские силы не могли оказать никакого значительного сопротивления безудержному натиску казаков по направлению к Варшаве.

Этот стремительный победный марш завлек нашу армию на 300 километров вглубь Польши, оторвав от всех баз снабжения.

...Гай с кубанцами и донцами возглавил сказочное по своей смелости, стремительности и сметавшей все на своем пути мощи наступление на Варшаву.

Унтер-офицер старой армии, лет 35-ти, среднего роста с фигурой гимнаста на кровной лошади во главе своих дивизий, салютуя отражавшей солнце шашкой, он был под стать герою Шехеризады. Тухачевского тогда мало кому был известен, а имя Гая у всех было на устах. Казаки, весьма независимо державшие себя по отношению к начальству, подчинялись ему беспрекословно.

<...>

Несмотря на каждодневные победы, авантюрный характер продвижения чувствовался всеми, и по мере углубления в Польшу дух армии заметно снижался. Боевой клич «даешь Варшаву!», столь популярный в начале похода, звучал все менее победно и еще менее убедительно по мере приближения к цели.

<...>

<...>

Недели за три до Липно (там – в начале июля) большой транспорт раненых был отправлен мною в тыл. Столь протяженная теперь была эвакуационная линия и менялась она так часто, что мне пришлось выкроить из санитарных учреждений с десятков перевязочных пунктов и размещать их по мере продвижения с таким расчетом, чтобы каждые 20-25 километров раненые могли бы быть накоплены, а в случае нужды и перевязаны до госпиталя, который в этот момент находился верстах в двухстах от нас. Раненых сопровождали фельдшеры, которые должны были, естественно, вернуться назад.

Долго не было о транспорте вестей. И вот один из фельдшеров предстался в ужасном, растерзанном виде и сообщил, что поляки захватили транспорт раненых, и он один лишь спасся.

<...>

Дурные вести шли также от раненых из-за Вислы, где казаки бились уже в предместьях Варшавы – Праге.

Лишь несколько дней мы оставались в Липно. Приказ об отступлении всех нас обрадовал и огорошил. Со вздохом облегчения мы повернули коней вспять. Кончилась та недолгая, но нелепая война без определенного фронта, с прорывами в десятки километ-

¹ Вербов Сергей (Самуил) Федорович, земский врач. В годы Первой мировой войны – военный врач; в годы Гражданской войны мобилизован в Красную армию, дивизионный врач. После интернирования остался за границей.

ров, откуда то и дело могли нагрянуть непрошенные гости. Мы направлялись в Россию, к себе домой.

Первые 24 часа в седле, почти не сходя с коней, прошли как в угаре, без утомления, незаметно. К вечеру авангард нашей группы приблизился к деревне, где предполагалась остановка. И вдруг пулеметный огонь в лоб заставил нас остановиться. После некоторого замешательства деревня была обстреляна и пулеметы замолчали. Но наш беспечный угар моментально испарился. Сознание, что неприятель не только позади, но и впереди, заставило сердце больно сжаться. Всю ночь рыскали разезды, разведывая дорогу и устанавливая связь. К рассвету наше положение было ясно: неприятель повсюду, мы в мешке, полностью окружены. При этой вести наш комиссар, поляк, сомлел...

Два года приготовлений, множество побед, почти без поражений, и мы у цели... Но вместо победного «Ура, Варшава наша!» - увы, мы полностью окружены.

Ко мне подошел начальник Особого отдела – Суворовский, новый человек в дивизии, незадолго до отступления сменивший прежнего начальника, именовавшего себя поллиткасторжанином, отменного труса и мерзавца.

- Вы что предпочитаете, - спросил меня Суворовский, - попасть к полякам в плен или пробиваться?

- Странный вопрос! Я 7 лет в армии, и плен всегда мне представлялся как «смерть в кредит». Но если бы было и не так, то здесь, теперь зная, какие безобразия казаки творили в Польше, я без колебания предпочту пленению смерть.

- Рассуждение правильное. Вот почему я и советую вам сейчас же оставить дивизию и следовать за казаками. Казаки обязательно пробьются. Для них это вопрос жизни или смерти. А все прочие... не многим из них удастся избежать плена. Это же делаю и я сам.

Раздумывать было нечего и некогда. Когда мы тронулись, я, мой комиссар и наши вестовые попридержали коней, выждали, когда пройдут кубанцы и включились в хвост колонны. С этого момента началась героическая, а по существу страшная, звериная эпопея борьбы за жизнь окруженных.

6 долгих суток продолжалось испытание. Я никогда не мог вспомнить ни прежде, ни сейчас, спал ли я хотя бы один час, ел ли что-нибудь в течение этих дней. Изюм дня в день, снова и снова смыкалось кольцо окружения и дикой, бешеной атакой разбивали его казаки. Тотчас же все, что могло двигаться устремлялось в прорыв, движимое одним лишь чувством проскочить, пока не сомкнулось кольцо снова. И горе пехоте, горе отступающим!..

На третий день наша колонна вошла в небольшой лес и остановилась, поджидая казачьи силы, отставшие, чтобы покормить лошадей. К этому времени единство и строгий порядок отдельных частей сохраняли лишь казаки. Пехотные дивизии и другие подразделения большей частью перемещались в беспорядочном стремлении вперед. Вся эта масса расположилась на недолгий отдых в густом лесу. Я и мой комиссар спешили и прилегли на полянке, не выпуская поводов из рук.

Был жаркий день. В лесу было прохладно и как-то напряженно тихо. Никто не произносил ни слова. Как будто все чего-то ждали. Лишь время от времени тишина нарушалась ленивым, с длинными интервалами кукованием кукушки. Одновременно с равнодушным и таким мирным «ку-ку» странным образом, как по команде, раздавался выстрел и вслед за этим стон раненого. Кто-то невидимый бил по выбору, наверняка. Рядом со мной сидевший офицер и вскрикнуть не успел, получив в затылок пулю. Долго солдаты

обшаривали лес, пока не нашли на дереве охотника за нашими черепами, пожилого поляка, но выстрелы продолжались и дальше.

Развлечением для нас служила стоявшая неподалеку большая коляска, запряженная парой чудных вороных коней. В коляске сидела подруга командира казачьего корпуса тов. Гая, молодая девушка, на вид подросток, - как говорили, гимназистка. Взглянув в ее сторону, я не мог оторвать взора от больших черных глаз на маленьком, беленьком личике этой девочки и от большого, выпирающего вперед живота, казавшегося кощунством в этом царстве смерти. Во всей позе и в выражении глаз было столько спокойствия, как это бывает лишь у беременных, что вся она представлялась каким-то неземным видением.

Отряд вооруженных до зубов казаков окружал коляску. Но все они блекли на фоне восседавшего на козлах. Один вид этого казака мог бы, казалось, обратить польскую армию в бегство. Это был гигант с копной рыжих волос, невероятным, выпадавшим из под папахи чубом и рыжей бородой, прикрывавшей его лицо, где глаза и нос были едва только видны. Самым страшным на этом лице была, однако, челюсть. Неимоверных размеров, она превращала его в орангутанга. Грозные и молчаливые казаки не сводили глаз со своей девочки командирши.

И вдруг лес задрожал от ружейной пальбы, криков «ура» и лязга шашек. Польская кавалерия совершенно неожиданно атаковала нас. Воздух огласился беспорядочными криками: Вперед! В атаку! – против невидимого врага. Солдаты, растерянные, метались то в одну, то в другую сторону, не зная, что предпринять, куда бросаться. Я и комиссар в нерешительности стояли у коней. Я вынул свой браунинг, подарок моего комиссара в момент отступления (в красной армии врачам оружия не полагалось), открыл предохранитель и решил, что этот момент, пожалуй, наиболее подходящий, чтобы наконец кончить эту затянувшуюся канитель.

Я взглянул в сторону командирши. Отряд тесным кольцом окружил коляску. Козак на козлах с винтовкой наизготовку в одной руке, обнаженной шашкой в другой, огненно рыжий, стоя во весь рост, был без преувеличения выше дерева стоячего и лишь чуть ниже облака ходячего, а обезьянье его лицо выражало невероятную свирепость.

Девочка командирша сидела все в той же позе, немного откинувшись назад и все с тем же невозмутимым спокойствием, как и прежде, смотрела вокруг. Она, вероятно, видела мои приготовления и, возможно, угадала мои мысли. Когда наши глаза встретились, она улыбнулась мне едва заметным движением губ.

Должен признаться, что мне стало и стыдно, и легко. Я вскочил на коня, комиссар последовал моему примеру, и только хотели мы броситься... неизвестно куда, вперед, как земля затряслась и лес задрожал от топота коней и криков «Дорогу кубанцам!» В тот же миг две кубанские дивизии ворвались в лес. Впервые не как участник, а со стороны я мог наблюдать казачью атаку. Лошади с развевающимися гривами, прижатými ушами и оскаленными зубами. Всадники, стоя в седле, опускаясь и вскакивая, проделывая невероятные движения шашками в воздухе, со страшным гиканьем и воем неслись, действительно, как легион чертей.

Через несколько минут все было кончено; поляки пустились наутек.

Мы двинулись тотчас же дальше. Снова потянулись дни, полные крови и страха. Страшно было идти дорогой очередной атаки казаков. Трупы, трупы, наполовину обезглавленные, и не только солдатские... Редко убитые пулей. Слово и дело было за казачьей саблей, и за саблей только, как в стародавние и былые времена... Большой обоз с ранеными, по большей части казаками, следовал за нами. Сейчас вся цель была пробиться к месту, где стыком сходятся польская земля с немецкой. За этим местом наш фланг был обеспечен, и, главное, мы выбирались из мешка. Укрепленное местечко Хожеле прикры-

вало этот стык. Хожеле я запомнил на всю жизнь. Богатая артиллерия, пулеметные гнезда, специальная колея для подвоза боеприпасов прикрывала это место. И для нашей орды, все бравшей рывком, с лету, задача была как будто непосильной. Правда, после атаки на польский бронепоезд, который казаки после нескольких губительных и безуспешных попыток пехоты взяли в конном строю у нас на глазах, трудно было считать что-либо невозможным для казаков.

Но до Хожеле нам пришлось изведать еще одну напасть: пулеметный огонь с неба. Не трудно понять переживание кавалериста, когда его поливает пулеметный огонь с аэроплана, летящего прямо над головой, и это в войне врукопашную, где аэроплану совершенно не должно быть места. И нужно правду сказать, что изумлению и возмущению было даже больше, чем страха. Нападение аэропланов, устроенное ген. Вейганом, организовавшим оборону Польши, воспринималось прежде всего как бестактность.

К Хожеле мы подошли ночью. Наша многотысячная орда сосредоточилась в деревне и в лесу, в нескольких километрах от местечка. Наш штаб оказался в деревне. С рассветом поляки начали обстрел с такой интенсивностью, что из-за укрытий нельзя было показать и носу. Находясь в избе при открытой двери, мой комиссар был ранен в ногу, а меня щелкнула по козырьку фуражки шрапнельная пуля.

Но тут заговорили остатки нашей давно уже онемевшей артиллерии... Десятки пушек начали без устали громить Хожеле, благо снарядов было не занимать: весь наш путь отступления был ими усеян.

Уже солнце клонилось к западу, когда польский огонь стал значительно слабее.

И вдруг все зашевелились. Команда: По коням! И затем тысячеголосый казачий клич: В атаку!

Я долго не мог забыть момента, когда наш начальник штаба, большой и грузный царский генерал-майор Зайченко выскочил из избы и срывающимся голосом закричал: штаб 53-й пограничной дивизии, в атаку! – Такую команду я слышал впервые: это было, очевидно, все, что осталось от нашей дивизии.

И все понеслось. Казаки, рассыпаясь, охватывали лавой все местечко. Я помню только, что, без устали стегая свою лошадь, я выл с усердием, несомненно, достойным лучшего. И мы в Хожеле... Еще несколько минут – и Хожеле позади... А вот и Германия... Такую перемену трудно сразу осознать... Метаморфоза как во сне... Но у границы немецкие пограничники кричат: «Kommen Sie, Kommen Sie!..» Нет, это не сон: мы вырвались из окружения.

Мы идем вдоль границы. Одна лишь черта, небольшая канавка отделяет нас от земли обетованной, земли, мира. Но враг не насаждает, и нет решимости ее перешагнуть. Перешагнешь и это как бы плен... Прощай тогда Россия, а значит, - жены, семья, на месяцы, а то и на годы!

Переправили через границу тотчас же раненых в сопровождении фельдшеров. Все пешее, не боевое, до крайности измученное, переходило самотеком. А кавалерия все медлила и под покровом ночи отошла даже от границы. Но на расчете сомнения исчезли: куда ни взглянешь, везде вокруг на горизонте маячили фигуры польских всадников, а в утреннем тумане они казались страшными, большими. Короткая команда, и рысью мы понеслись к границе. <...> Канавка, небольшой скачок, и мы в Германии. Шли несколько минут и спешились. Приказ сдать оружие, - процедура не из приятных, особенно когда за приглашением следует напоминание: за укрывательство оружия – расстрел.

И вдруг тревога... Команда «по коням!» и вперед! Поляки прошли границу, убили немецких пограничников, пытавшихся их задержать, и скачут вслед за нами... Добрых полчаса мы, безоружные, удирали от погони и, нужно сказать правду, впервые за всю

кампанию мы были в положении преследуемой дичи. Не думаю, чтобы польские уланы могли гордиться таким реваншем.

Таков был эпилог кампании под лозунгом «даешь Варшаву!» Не на родине мы стали «товарищей считать», а на чужбине, в никому не ведомом Ариесе, пограничном городке Восточной Пруссии. И было от чего взгрустнуться и возмутиться... Более ста тысяч в плену у поляков, из которых больше половины погибнет от голода, побоев и лишений, и мы в количестве 75000 на положении спасшихся от плена, интернированные.

Но и мы получили нашу долю, хотя и меньшую, и унижений, и лишений в немецких лагерях.

Источник: Русская мысль (Париж). 1967. 26 окт., 2 нояб.

Порядин А.Н.¹ Из лагерной жизни в Германии: воспоминания.

...После наступления белополяков пришлось интернироваться в Германии, сначала в Восточную Пруссию, потом уже во внутренней Германии.

Жизнь в лагере Сольтау.

Лагерь находился недалеко от Берлина в провинции Гонновер. Сначала нас было до 6 тысяч человек. Жизнь первое время протекала грустно, не организованно. После же удалось устроиться, так что жизнь стала интересной, веселой и т.п.

Первое: красноармейцам понравилось, что комсостав отказался от привилегии, какие им полагались в буржуазном государстве.

Второе: красноармейцы почувствовали братский прием, сочувствие старовоеннопленных и германской коммунистической партии (Спартак). Старовоеннопленные первые оказали помощь в количестве 10 тыс. марок и до 800 книг, т.е. целую библиотеку отдали нам. Спараковцы снабжали частью мясом, мылом, табаком (Социал-предатели и меньшевики в то время занимались только травлей, называя нас нищими, голодными, никуда не годными людишками, видимо, они думают и считают за людей самих себя с буржуа). Приезд представителя советского Правительства, приехавшего из Москвы т. Индука² ободрил нас и сделал нас совершенно независимыми. Одежда, питание, квартиры и другое мы получали от Германии (за русское золото) за деньги. Сразу же на общем собрании мы узнали также, что мы будем жить в лагере по советским законам. Организованным порядком сразу же на собрании выдвигаем начальника гарнизона тов. Добровольского, комиссаром гарнизона т. Левина. На завтра же началась организация войсковых объединений: разбивка на 4 полка, на батальоны, роты, взводы и отделения. Назначаются авторитетные командиры, комиссары полков и батальонов. Жизнь начинает улучшаться, кухню делают советской, выметаем германцев. Торговлю в лагере бойкотируем. Немцам приходится убраться, а мы организуем буфет и свою мелочную торговлю. Надежды буржуазии, социал-демократов меньшевиков и социал-революционеров лопнули бесповоротно. Хотя партия РКП насчитывала в своих рядах в лагере около двух сот человек зарегистрированных, вся остальная масса о других партиях не думала, хотя из каждой роты, взвода чуть не еженедельно вызывались случайные беспартийные красноармейцы, опрашивались, не насилуют ли коммунисты, но все срывалось, успеха не имели. К политическим организациям еще нужно отнести, что и на чужбине мы устраивали красноармейские конференции, мене пришлось быть на одной от взвода. Порядок дня: 1) текущий момент; 2) доклад о снабжении гарнизона; 3) доклад контрольно-хозяйственной комиссии; 4) доклад лагерного буфета; 5) жилищный вопрос; 6) доклад культпросвета; 7) доклады с мест. На конференцию выбирали по 5 человек от роты.

Первое столкновение с немецкой администрацией.

Существование такой сплоченной организации давало повод немцам: видеть серьезную опасность для немецкой республики. Запрос, внесенный в Рейхстаге правыми партиями, в котором лагерь «Сольтау» занимал первое место, подлил масла в огонь и

¹ А.Н. Порядин – пленный красноармеец, направленный в штрафной белогвардейский батальон. После ликвидации Северного фронта – в Красной армии. В апреле 1920 г. часть направлена на Польский фронт.

² Так в тексте – Т.Т.

немецкая администрация «переусердствовала» и обвинила 200 человек РКП во главе с комиссаром, что последние насилуют 6000 человек беспартийных, ввели красный террор, готовят нападение и т.п. Администрация вызывает 200 человек милиции с ручными пулеметами, обыскали политотдел, а потом ночью нападают и на нас, выгоняют из барачных на улицу и держат 2 часа под открытым небом, после - каждого пропускают, обшаривая дочиста все. В бараках все до основания разрыто, искали пулеметов, леворверов и другого оружия, но ничего не нашли. Вот как легко подается провокация и дает повод делать налеты.

После по списку начинают выкликать партийных. Человек 10 вышло, а остальные поняли и не выходили, стояли среди беспартийных, больше не вышел никто. Тогда до 600 человек с краю набрали и во главе с Добровольским и комиссаром Левиным переводят в лагерь Кросень.

Другой налет. Было дело так. В один из вечеров на сцене местного театра лагерный куплетист, кстати сказать, очень талантливый и любимый т. Гурлен пел куплеты на злободневные темы и в одном из своих куплетов слегка задел лагерное начальство, господина (горбатого) переводчика (передавали старовоеннопленные, что он бывший купец из Москвы). В театр наш немцы любили ходить. Им не понравилось, и вот ночью делают налет, арестуют куплетиста, передают суду, продержали 4 дня до суда, да еще суд приговорил на 24 дня без зачета предварительного заключения. Но начальник гарнизона обратился к адвокату, этот обжаловал решение суда, решение отменили, и этим закончилась вся процедура. Как реагировали красноармейцы на это? На конференции красноармейцы вынесли резолюцию такого содержания: «Мы, красноармейцы, энергично протестуем против ареста т. Гурлена немцами, так как такой поступок самым очевидным образом оскорбляет права свободной страны, находящейся в дружеских отношениях с Германией. Мы возмущены до глубины души такою выходкою, как арест т. Гурлена, и готовы идти на все, чтобы грязные руки буржуазии не залезали в свободный храм искусства, а посему просим довести начальника гарнизона о случившемся до сведения Бюро военнопленных и возбудить ходатайство о немедленном освобождении из-под ареста т. Гурлена».

Из Бюро военнопленных приезжал т. Колецкий¹, устроил митинг, где обещал все устроить и мы успокоились.

Еще случай. У одного из учителей лагерной школы нашли документ старого военнопленного, арестовали 40 дней до суда, адвокат вмешался и освободили.

Культурно-просветительская работа.

Во главе культурно-просветительской работы стоял начальник полит-отдела. В культпросвете существовала школьная, театральная, хоровая, спортивная и клубная секции. Школа стала существовать с 20 авг. 1920 г. (сделали из бывшей церкви, иконы выбросили и понемногу сожгли). В школе было 2 ступени. 1 ступень делилась на 3 группы: 1) безграмотные, 2) малограмотные, 3) для имеющих кое-какие знания. Школа 2 ступени как высшая народная школа. Через школу, т.е. в школе обучалось до 800 чел (во 2 ступени всего 60 чел.) Учебников, правда, было мало, но все кое-где удалось достать, часть снабжало американское общество молодежи. Учителей было 14 человек. Школу посещали охотно. Кроме школы были сельхозкурсы с программой: 1) общее земледелие, 2) животноводство; 3) огородничество; 4) общая агрономия. На первых

¹ Так в тексте – Т.Т.

курсах было 70 человек. В театр помещалось 1500 человек. Артистов в лагере было 20 чел, спектакли бесплатные. Становили «Осенние скрипки», «Майская ночь» и др. Сцена была хорошо украшена лагерным художником, имелся духовой оркестр с 18 инструментами, струнный с 9 и хороших балалаечников.

В лагере читались все газеты: «Известия Бюро военнопленных», «Новый мир» (это наши газеты), «Голос России» меньшевиков, «Воля России» социал-революционеров, «Общее дело» Бурцева.

С 12 дек. 1920 г. начала выходить лагерная газета «Советское эхо» и бала также устная газета. Через несколько времени газету закрыли, выпустили журнал еженедельный «На чужбине». Как газеты, так и журнал писался от руки.

Кто нам помогал.

Немецкие коммунисты, Бюро военнопленных и старовоеннопленные. Но русские общественные организации, представители, красные кресты – революционеры буржуазные, они нас, десятки тысяч, не заметили в Германии. Нас на чужбине не обогрели, а намереваются нас спасать в России и помогать, мы здесь не нуждаемся. Еще многое можно было бы написать, да думаю, зря.

А.Н. Порядин. Пинега, Кулой., 17 февраля 1927 г.

Источник:

Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3 Д. 476. (рукопись, 1927 г.)

Турыгин Я.А.¹ Об участии на Польском фронте (воспоминания)

[В 1920 году] после отдыха 3 недели, около 30 марта нас направили на железную дорогу, на станцию Мурманские ворота, и оттуда нас направили на реку Волхов в Новую Ладугу, где мы стояли до 25 апреля, когда нас направили на Польский фронт, и ехали мы 20 дней до реки Западная Двина, и приехали мы в город Десну. И тут мы отдыхали 5 дней и потом пошли на фронт под деревню Окунево ... и стояли до утра. Утром поляки стали наступать и нас выбили из деревни Окунево, и нам пришлось отступить до города Десны и мы тут удерживались и стояли двое суток, и потом опять стали мы наступать и быстро прошли Старый погост и Новый погост и дошли до Переброды, и тут остановились и стояли двое суток. На третьи сутки стали мы наступать на Переброды. Отряд Хаджи-Мурата прошел в местечко Переброды, но вслед не успели дать поддержки ему и Хаджи-Мурату пришлось отступить назад, но неудачно стало его отступление, и выбили нас из окопов. Нам пришлось отступить до деревни ...Зулькино и тут мы стояли трое суток. На четвертые поляки стали наступать, и наступали двое суток, но нам пришлось отступить опять за дер. Окунево и тут мы опять задержались и при том отступлении были потери и потеряли несколько пулеметов, некоторые были пулеметы брошены в воду и после опять были нами достаты. От дер. Окунево мы стали наступать и били поляков и дали нам маршрут ...на проход нашего 157 полка. Первый батальон шел впереди нас и прошел вломну на проход под командованием командира полка тов. Сливина. И второй и третий батальоны шли под командованием помощника командира тов. Аньшуковым, и мы не доходя ... 12 км в лесу наткнулись на поляков. Они нас потрепали врасплох и нам пришлось отступить, но когда вернулся командир полка тов. Сливин, то поднял наш дух, и мы стали наступать на этот лес и трое суток бились, и наконец мы их забрали в плен 1.300 человек со всем снаряжением, и командир наш полка всегда участвовал в боях в первой линии, тов. Сливин, и никогда у нас не было паники и было его очень хорошее руководство, и тут подоспел корпус наших кавалеристов под командованием тов. Гая, и дальше мы стали следовать безо всяких препятствий. Пришли мы правее Белостока на речку Пирев (?) и перешли через нее и пошли с боем, но беда случилась, в ротах не стало патронов и нам пришлось отступить назад, но переправа была через реку плохая и некоторые потонули как бросились вплавь. Мы остались вдвоем с товарищем и с пулеметом и делать было нечего, поскольку мы были окружены и мы взяли пулемет, спустили в воду и сами уползли под сено под копну и хлеба было у нас белого полбуханки, и мы под копной лежали двое суток в плену у поляков, но в руки им не дали. На третий день красные стали наступать и отбили поляков и мы опять остались у красных и нашли свою часть, когда нас не считали живыми, тогда явились к начальнику пул[еметной] команды и объяснили, где были, и они спросили, где пулемет, мы сказали, что спущен в речку. Тогда он направил саперов с нами и приказал достать, что и было сделано, и тогда опять пошли дальше. Тут я, конечно, не запомню городов и местечек до реки. Тут стали роты переправляться <...> неудачно, пришлось отступить назад, но отступили успешно под нашим обстрелом и за это наш командир представлен был к ордену Красного знамени. И тут несколько дней постояли и опять начали ночью потихоньку переправляться через Неман. Нашли мелкое место и бродком когда все переправились, то никто ничего не знал, кроме тов. Сливина. Он разом крикнул Ура! И все вскочили в гору, и тут оказались все поляки, и тут черт знает, сколько мы их забрали в плен и забрали целиком батареи, и

¹ Турыгин Я.А. - красноармеец 156 полка 54 дивизии.

тут мы пошли вперед, и мало где встречали неприятеля, и шли мы день и ночь, и вышли мы правее Варшавы 40 км на Вислу, но нас не очень хорошо тут встретили и пришлось отступать назад и повернуть на Варшаву. Стали мы наступать на Плонск и тут в одном месте мы забрали два автомобиля броневых, но тут поляки стали упорно сопротивляться и мы двое суток безотрывно отбивались и не смогли удержаться, не стало патрон, и пришлось сделать отступление и начали отступать 15 августа 20 года. И тогда пришлось вперед пробиваться и сзади отбиваться... и тут сразу ударились все в панику. Тогда наш взводный командир Курочкин сорвал с себя коммунистический значок и сказал: кто, ребята, со мной? И нашлось только человека три, остались в Польше в плену, но мы следовали дальше. Когда пришли в местечко Цехановичи, то тут нашли свое начальство. Тогда вышел наш командир полка тов. Сливин и сказал: товарищи, держитесь за мной, будем живы. И вот он взял автомобили, облил бензином, зажег и отправились болотом и когда он нас провел болотом, мы опять попали впросак между Кольном и Млавой. Поляки снова окружили, но я сейчас не могу сказать, сколько времени тут стояли, когда с другой стороны подошел полк 156 и бывший 5-й Северный. И было 2 броневика. И потом освободили нам дорогу и мы стали двигаться вперед. Тут я потерял свою часть и присоединился к корпусу кавалерии Гая и отступали до 25 августа, потом уже 26-го командир Гай выехал на поле и сказал своим громким голосом, что, товарищи, кто куда желает, кто желает здесь остаться, пожалуйста. Кто желает в Германию, тоже пожалуйста. Тут мы все захотели в Германию, то и там нам тоже плохо жилось, нас как большевиков там считали как заразная тифозная вошь. И так прожили 11 месяцев и 1 июня 1921 года нас отправили и 5 июля мы прибыли в Ленинград, где нас с торжеством встретили, и в Ленинграде мы служили до 1923 года, оттуда явился в срочный отпуск.

Источник:

Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591. Л. 1-5. (Рукопись, 1932 г.)

**Г. Рябов. Из жизни интернированных в Германии
(из воспоминаний участника Гражданской войны 1920 года)**

По ликвидации Северного фронта наша 18-ая дивизия была переброшена на запад на борьбу с панской Польшей.

Мне особенно памятливы дни последней половины августа 1920 г. Наши части дивизии дрались за подступы к Варшаве. Под Плонском и Плоцком красноармейцы были переисполнены энтузиазмом. Сюду то и дело слышалось слово «Варшава»; всем казалось, падение Варшавы близко, а за нею все видели и конец панской Польши. В 20-х числах августа, когда красные были уже под стенами Варшавы, поляки прорвали фронт на левом фланге нашей дивизии и зашли нам в тыл. Мы вынуждены были отступить...

Пройдя перед тем огромное расстояние от Западной Двины до Вислы с непрерывными боями, части дивизии основательно истощились. Маршруты для перехода во время отступления с каждым днем увеличивались, но несмотря на это, к известному числу мы все-таки не могли добраться до Августова. Перед нами встал вопрос: или попасть в плен к полякам, или интернироваться в Германию. Предпочли последнее, и в ночь на 24 августа под г. Кольно мы перешли германскую границу.

До пограничного города Иоганнсбурга мы шли почти без конвоя. В городе сразу все почувствовали, что попали в страну, где у власти стоит капитал, и первой мыслию было – бежать отсюда в Россию.

Я лично не мог тогда сразу же это выполнить, т.к. у меня сильно болели ноги. Многие из красноармейцев тогда же то группами, то в одиночку стали удирать, в надежде добраться до границы.

В Иоганнсбурге нас соединили с другими разными частями армий Западного фронта и загнали на участок близ железнодорожной станции, огражденный колючей проволокой. Ночь на 26 августа мы провели под открытым небом. Лил сильный дождь. Земля на участке под ногами сбитых в кучу людей скоро превратилась в месиво. Всю ночь мы провели на ногах; вымокли до последней нитки.

Улучив минуту, когда «всевидящее око» жандарма оплошало, мы вдвоем с тов. Розе, инструктором подива-18 вышли за пределы колючки.

Розе был латыш, хорошо владевший немецким языком. Ему удалось убедить двоих немцев приютить нас поодиночке на ночь. За сокрытие «большевиков» немецкая полиция налагала тогда на граждан штрафы, поэтому немцы не сразу согласились на просьбу Розе.

Взявший меня к себе на квартиру немец оказался рабочим-моляром. В то время он состоял в партии «независимцев». Объяснялся я с ним на ломаном польском языке. Немец и его семья оказались чрезвычайно гостеприимны. Его квартира была в подвальном этаже и состояла из комнатки площадью не больше 2 ½ кв. сажен и такого же размера кухни; в этой квартире помещалась семья из 4 человек, пара гусей и три поросенка на кухне. Несмотря на убогость жилища и тесноту, все же ночлегом у немца я был весьма доволен. Гостеприимная немка за ночь высушила всю

мою одежду; хоть из последних крох, но основательно накормила меня, а при уходе дала на дорогу кусок хлеба и пожелала мне успешно добраться до России.

Утром 26 августа нас под наблюдением небольшого конвоя направили в лагерь Арис. По пути мы свободно заходили в немецкие деревушки. Крестьяне-немцы оказались очень гостеприимны и при остановках основательно подкармливали нас.

Во время этого перехода значительная часть красноармейцев разбрелась по границе, желая перебраться в Россию. Конвой был мал и слаб, и удержать разбегающихся не было сил.

В лагере мы сразу же попали под усиленную охрану. Побег из лагеря продолжались, и довольно часто, но они были сопряжены с большими опасностями. Были случаи, когда немецкие жандармы убивали бегущих на месте.

Жизнь в лагере была скучна и голодна. Хлеба на день выдавали очень мало, что-то около 250 грамм; приварок был ничтожен и плох.

Скука и монотонность жизни начала надоедать. Решили было провести работу среди красноармейцев, связались все партийцы, но в ближайшие же дни наши начинания были нарушены.

Ежедневно в лагерь приводили пойманных беглецов. Добрая половина их была опять водворена в лагерь Арис, значительная часть попала по переходе границы в тюрьмы Латвии и Литвы, и только немногим удалось попасть в Россию.

По лагерю носится масса слухов. Кто-то пустил слух, что коммунистов немцы отправят в Россию в первую очередь из-за боязни распространения «коммунистической борьбы» в Германии.

Появились желающие стать коммунистами из среды «перелицевавшихся», особенно это было заметно среди «военспецов».

Вскоре начальство лагеря вызывает всех комиссаров и командиров на общее собрание. Предчувствуя недоброе, условились, что на собрание от нас пойдет незначительная часть политсостава, человек сорок, а остальные останутся пока в лагере, скрывая свое звание. Наши предчувствия оправдались – ушедшие обратно не вернулись. Оказывается, что на этом собрании выделили комиссаров в отдельную группу и под усиленным конвоем, без вещей, в закрытых грузовых автомобилях, увезли.

Участь увезенных не миновала и нас, скрывшихся пока в лагере под видом красноармейцев. Кое-кто из «перелицовывающихся», очевидно, занялся доносами, что в лагере есть еще комиссары. На их несчастье они не знали всех наших фамилий. Мы, на случай, сговорились между собой, что если будут кое-кого из нас арестовывать, так объявить всем, чтобы не было распыления.

Прошло несколько дней томительного ожидания.

Однажды ночью, только-что улеглись мы спать, слышим громкие голоса немцев снаружи барака. В окна спят ослепительный свет прожектора... Ждем... Открывается дверь, входит капитан немец. На капитане карабин, револьвер, в руках гранта и ручной фонарь. За капитаном пятеро солдат при таком же вооружении и седенький старичок переводчик, бывший обрусевший немец, купец из гостиного двора в Питере...

Вызывают Яранцева (начпродив), Киприянова (военкомдив), Михайлова (секретарь военкомдива), Буланцева (пом. Военкома полка) и др., всего восемь человек, и предлагают собрать вещи.

Заявляем переводчику, что тут есть еще семь коммунистов. Капитан вначале остолбенел, а потом велел собираться всем.

Наскоро одевшись и собрав свой скарб, все 15 человек выходим из барака... На дворе светло как днем. Барак со всех сторон освещен прожекторами; около барака группа солдат человек до 50. Нас окружают цепью в три ряда, винтовки наизготове; вокруг бегают несколько офицеров. Нас напутствуют:

- Если кто попытается бежать, будет пристрелен на месте.

Повели... Куда – не знаем... Несколько томительно-неизвестных минут...

Подводят к железному бараку дугообразной формы; капитан открывает дверь; нас выпускают. Хлопает дверь, гремит засов. Растерявшийся солдат случайно с нами захлопывает и капитана. Капитан ругается, стучит ногами в дверь... Его выпускают.

Мы в железном мешке площадью до 2 ½ кв. сажен. На полу сыро.

В маленькое окошечко проникает свет прожектора. Виден часовой и вокруг барака слышны голоса патруля. Стали устраиваться на ночевку, справив естественные потребности в проломанную в гнилом полу дыру. Расположились кто как: лежа, сидя на корточках. Ночь беспокойна... Всю ночь слышится хлопанье дверей по соседству, разговоры за стенами, и льется яркий свет прожектора в окошечко. Всю ночь немцы перетаскивали в эти железные мешки коммунистов из других дивизий. К утру таких оказалось по соседству с нами еще человек 40. Среди них по недоразумению оказался и беспартийный «спец» нашей дивизии опродкомдив Пташкин...

Утром получили завтрак: целое ведро рисовой каши, подслащенной сахарином, и кофе...

После завтрака ведут в комендатуру на допрос. Вывели сразу всех – человек 50-60. Остановили у здания комендатуры, и затем по одиночке, под охраной двух солдат, вводят на допрос в канцелярию.

Допрашивает чистокровный русский человек в штатском. Потом выяснилось, что это был офицер армии Бермонта-Авалова, бывший на фронте под Питером в момент наступления Юденича.

Допрос сводился главным образом к тому: добровольно или по мобилизации состоял в Красной армии, в какой части служил, какую занимал должность и т.д. После допроса всех уводят обратно, в знакомый уже «железный мешок»...

После исповеди - сытный обед. Немец, принесший обед, сообщил нам, что сегодня вечером нас отправят вглубь Германии.

Нетерпеливо ждем желанного часа... По «милости» часового днем подходит к нашему окну комиссар штаба дивизии Епифанцев, случайно ускользнувший от ареста; он подробно сообщает о всех событиях ночи и угощает сигаретами.

Надвигаются сумерки. Лязг затвора, - открывается дверь, появляется старик-переводчик и предлагает собираться в путь, т.к. нас должно быть отправляют в Баварию. Он пожелал нам скорого и счастливого возвращения в Россию...

Идем на вокзал, охраняемые незначительным конвоем под командой упитанного фельдфебеля. Там много красноармейцев, предназначенных к отправке в одном эшелоне с нами, но нас от них изолируют.

Поезд отходит в строго определенное время... Всех нас, коммунистов, разместили в двух вагонах 4-го класса. У дверей часовые. Укачавшись на поезде, ночью, часовые, убаюканные тряской, вместе с нами спят убийственным сном, и мы свободно выходили на площадку вагона. У некоторых появлялась мысль о побеге.

Наутро на одной из железнодорожных станций недалеко от Кенигсберга встретился эшелон немецких рабочих; рабочие о нашем путешествии, очевидно, были осведомлены... При встрече поездов из окон выглядывали лица рабочих, махали нам лоскутками красной материи, выражая тем свои приветствия. В ответ, открыв окна вагона, мы прокричали «Ура!» и запели Интернационал.

Поезда быстро промелькнули.

Настроение среди нас приподнялось. Чувствуем, что мы не одни, - немецкие пролетарии вместе с нами.

Кенигсберг остался позади...

Спустя некоторое время мы, наконец, в порту Пиллау. Высадились, выстроились около вагона. Фельдфебель произвел проверку – все налицо. Изолирование от красноармейцев продолжается и здесь. Нас ведут на пароход необычной дорогой, через какие-то места свалки: железное старье, части разбитых орудий, очевидно, оставшихся от империалистической войны, ежеминутно преграждают нам путь...

На пароходе в носовой части заметили своих товарищей, вывезенных ранее нас из лагеря Арис. Нас посадили на корму, а посередине поставили караул, чтобы разъединить нас с нашими товарищами. Этой неожиданной встрече все были рады. Ряд хитростей, уловок, и мы, наконец, вместе. Засыпаем вопросами: куда вас увезли из Ариса? где и как жили? все ли целы и невредимы?

Рассказывают, что из Ариса их всех переправили в город Лык, километров за 30 от Ариса, и посадили в тюрьму. Одному из их партии (тов. Иванову, помначподив 54) из Лыка удалось бежать, и он благополучно добрался до России, какими судьбами, точно сейчас не помню...

Таким образом, на пароходе нас оказалось в общей сложности около 110 человек «неблагонадежных». Все мы были из самых разнообразных частей Западного фронта и в подавляющем большинстве из политсостава.

Недалеко по соседству на морской пароход шла погрузка красноармейцев. Вот погрузка закончена. Оба парохода двигаются в путь... На некотором расстоянии от нас по обе стороны виден дымок – это военные суда сопровождают нас.

Путь по морю продолжался около 8-10 часов. Изредка виднелись береговые маяки и лодки рыбаков, а вдали чуть виден был Данциг. Многие из нас страдали от качки.

Вот и Ненштадт. Все высыпают на палубу парохода... Капитан оказался хорошим парнем; предложил нам спеть что-либо. На пристани огромная толпа народа, в несколько тысяч человек. Мы стоголосовым хором спели «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу», еще несколько революционных песен, и закончили Интернационалом. На берегу засуетились полиция, жандармы. Толпу народа стали от

пристани оттеснять. Затем капитану было дано распоряжение продвинуться несколько далее. Нас высадили на берег за полкилометра от пристани и направили к эшелону, все так же изолируя от красноармейцев. Разместили в «телячьих» вагонах человек по 30. Поезд стоит всю ночь.

На следующий день до отхода поезда к нам прибыл товарищ из «Русского бюро военнопленных» в Берлине. Его приезду мы были чрезвычайно рады. Он обошел наши вагоны, роздал «Бюллетень бюро военнопленных», издававшийся на русском языке, и купил для нас и красноармейцев несколько пудов хлеба.

Из Ненштадта мы выехали после полудня, при сравнительно слабом конвое, и при остановках на станциях свободно могли выходить из вагонов.

Некоторое время все шло благополучно. В одну из остановок близ Берлина фельдфебель отпустил двоих из нас за покупками. Ушедшие оба в совершенстве владели немецким. Третий звонок - поезд отходит, а ушедших за покупками все нет. Они бежали. Фельдфебель, расплакавшись, долго причитал, что теперь его сгноят в тюрьме. Мы постарались уверить его, что более таких побегов не будет, и дали ему круговую поруку друг за друга. Это его несколько успокоило.

Вот и Берлин... Видна мощная радиостанция. Разглядываем с большим любопытством. Поезд останавливается в предместьях Берлина. Здесь изменяют маршрут. В Баварию нас нельзя – там забастовка железнодорожников. Направляют к голландской границе в Гаммельн на Везере, в лагерь.

Наш приезд для администрации лагеря был неожиданным. Помещения для нас не оказалось, и нас разместили по карцерам. Карцер – небольшая конура с площадью пола в квадратную сажень; в потолке маленькое окошечко. Рассадили по два человека в карцер. Начинаем бунтовать – вызываем майора, коменданта лагеря, требуем перевода из карцеров.

- Видите-ли, - говорит майор, - я совсем не ожидал, что в мой лагерь столько прибудет народу. А помещений нет. Потерпите немного. Я уж распорядился, чтобы привели в порядок для вас один барак. А пока двери карцеров можно держать открытыми и вы можете общаться между собой. Мы согласились.

Красноармейцы были размещены по соседству в лагерных бараках. Между нашими карцерами и их бараками опять было проволочное ограждение сажени в $1\frac{1}{2}$ в высоту. Обещанный нам барак оказался на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты от лагеря красноармейцев и в прежнее время служил изолятором для заразных больных военнопленных.

Всего нас в изоляторе оказалось 108 человек.

Начиналась скучная лагерная жизнь... Ни шагу за проволоку, ни слова со старыми военнопленными, которые изредка проходили мимо «изолятора». Единственное удовольствие было выходить по вечерам из барака в огород изолятора, тут же, за проволокой, и петь хором под открытым небом революционные песни.

По утрам ежедневно приходил немецкий фельдфебель, здоровался и проводил поверку. После поверки мы всегда запевали Интернационал. Фельдфебель снимал головной убор, стоял навтыжку, по-солдатски, до конца пения. Кончалось пение, и фельдфебель уходил из барака.

Несколько раз в неделю кое-кто из нас под конвоем солдат ходили в город на 2-3 часа, кто для лечения зубов, кто еще почему-либо. Принялись было заниматься учебой: кто взялся за общественно-политические науки, кто за изучение немецкого языка... Пробовали дискуссировать о причинах нашего поражения под Варшавой, но все чего-то не хватало, не было «увязки» в работе. Все ходят с понурыми головами.

Основной причиной этого настроения было горячее желание возвратиться скорее в Россию. Хотелось отдать свои еще сохранившиеся силы на закрепление завоеваний Октября.

В двадцатых числах сентября, вечером наш барак посетили трое русских; один из них восточного типа человек. Не зная, кто они, зачем пришли, – мы просто обрадовались им потому, что они русские. Как малые дети, с шумом бросаемся к ним и окружаем со всех сторон. В кольцо попадает заодно и комендант лагеря.

– Товарищи! – начал один из прибывших, – я являюсь заведывающим секцией интернированных красных войск в Германии при Русском Бюро военнопленных в Берлине. Моя фамилия Каменский. Два дня тому назад я приехал из Москвы через Берлин.

Тут мы не выдержали. В честь встречи с москвичом грянули «ура».

Когда замолкли крики, Каменский продолжал:

«Несмотря на частичное наше поражение под Варшавой, Советская Россия крепка, как никогда. Положение на польском фронте исправляется; подходят подкрепления; Врангель будет бит».

Всего, что говорил Каменский, не упомяну. Мы жаловались Каменскому на изоляцию нас от красноармейцев и высказывали свои желания возвращаться скорой в Россию. Он пообещал и то, и другое. Настроение приподнялось.

На следующее утро т. Каменский опять прибыл к нам. В этот день устраивалось общее собрание всех, водворенных в лагере. Нам тоже разрешалось быть на собрании; но при условии, что никто из нас не сбежит. Даем слово.

Приходит конвой. Мы, подтянувшись по-военному, с революционными песнями появляемся среди красноармейцев. С собрания нас опять увели в изолятор.

Майор был немало удивлен стройности порядка в наших рядах. На живом примере мы показали, что политработники красной армии являются образцом порядка и дисциплины.

По отъезде Каменского живем мечтой об освобождении из изолятора... 25 сентября в 10 1/2 часов утра сообщают, что всех комиссаров и политработников отправляют в общий лагерь с красноармейцами. Большинство из нас это известие встретили с радостью. Только некоторым не хотелось уходить из изолятора, не хотелось смешиваться с общею красноармейскою массою. Днем часа в четыре нас перевели. В барак вмещалось от 100 до 200 красноармейцев. Мы разместились по два человека на каждый барак с таким расчетом, чтобы сразу связаться со всей массой красноармейцев и повести хотя какую-либо культурную работу.

Я пошел с тов. Розе Я.Я. (инспектор политотдела нашей дивизии) в барак № 18 в 7 кампанию (роту). Красноармейцы были все кубанцы из 33 кавалерийской дивизии, народ все хороший, оставивший самое благоприятное впечатление. На сле-

дующий же день идем в библиотеку. Наплыв читателей огромный... Среди красноармейцев жизнь наша стала несколько осмысленней, разнообразней. Велись беседы с красноармейцами на политические темы, читали газеты и толковали о прочитанном, в театре ставило спектакли. Газетами нас снабжали бесплатно издательства белой эмиграции. Присылались «Голос России», «Общее дело» и др.

Из Берлина опять приехал тов. Каменский и вместе с ним председатель Центропленбежа т. Эйдук.

Среди так называемой «бражки» (любителей «новостей») распространились слухи об аресте немецкого майора и других лиц, якобы замешенных в чрезмерной экономии продовольствия. Действительно, наши голодные желудки эту экономию чувствовали. Советское правительство выплачивало Германии на содержание каждого интернированного по 4 марки в день. Сумма достаточная для приличного содержания, между тем, нас кормили плохо.

29 сентября нас вновь посетил из Берлина тов. Каменский и с ним вместе Председатель Центропленбежа т. Эйдук. Днем опять общелагерное собрание, Каменский и Эйдук информируют о положении дел в России. Говорят о некотором улучшении нашего продолжения в будущем. Советское правительство на ежедневное содержание интернированного платит по пять марок. Поднялся вопрос, как быть с так называемым баракком «белых»: с приездом в лагерь определенная часть командного состава, главным образом из кавалерии, ушла от своих красноармейцев в особый барак. Они сагитировали малоразвитых красноармейцев и самостийно назвали себя «Донским полком белых». К моменту указанного собрания этих «белых» насчитывалось около 400 человек. В числе их были и из нашей дивизии: комбат 156 полка Фурсов, комроты того же полка Михайловский и др. вся эта «старорежимная» публика на утренней и вечерней поверке пела «Боже, царя храни». Между тем, этот барак и содержание их шло за счет Советского правительства. Вопрос этот остался неразрешенным поговорив еще кое о чем, собрание разошлось.

Приезд товарищей из России не остался для нас без последствий... Через некоторое время Берлинское Бюро военнопленных «по деловым соображениям» официально вызвало в Берлин отдельных товарищей из лагеря. Те уезжали и обратно в лагерь не возвращались... Их под тем или иную предлогом отправляли в Советскую Россию через Штеттин. Такие вызовы потом приняли почти регулярный характер.

Как ни следила немецкая полиция во время отъезда тов. Зиновьева с объединительного съезда немецких партий в Гайле, все же на палубе парохода уехало в Россию 25 человек наших товарищей... И так продолжалось, пока не выехали все...

Наряду с «официальными» выездами систематически продолжались т повседневные побеги красноармейцев из лагеря. Из лагеря «интернированных» бежали в лагерь «старых военнопленных» и вместе с ними потом уезжали в Россию. Точно так же почти ежедневно из лагеря ускользало 2-3 из среды политработников, помимо тех, что вызывались в Берлин. При побегах политработников им оказывали услуги местные организации «спартаковцев». Автор этих строк из Гамелька уехал под фамилией Кузнецова, а впоследствии из Берлина под фамилией старого военнопленного с Украины «Сидоренко»...

Получив возможность с товарищем Розе выбраться из лагеря по вызову из Берлина, мы отказались от проводника и поехали в Берлин без опеки.

В Берлин мы приехали рано, часов в 6 утра. Решили до занятий в Бюро военнопленных обождать в буфете за стаканом кофе. Сели за стол. Какой-то толстый немец подошел к нам и предложил бутерброды и хлеб. Цена была баснословно дешевая. Мы взяли у него штук 30 бутербродов и буханку хлеба фунтов на десять. Немец попросил разрешения присесть за наш столик. Мы изъявили согласие... Сидим... Розе изредка обменивается с ним отдельными фразами. За немцем-продавцом, уже без разрешения, под разговор присаживается к столу какой-то поляк в штатском и двое офицеров из армии Бермонта-Авалова. Я начинаю волноваться. Кивком головы стараюсь предупредить Розе. Он как будто не обращает внимания на мои предупреждения. Лицо Розе становится такое, что вот он разразится невероятным хохотом... Прошло больше, чем полчаса непонятного для меня разговора между Розе и немцем... Наконец, Розе берет мешок с вещами и говорит:

- Идем.

Затем, обернувшись к немцу, он что-то громко и с сердцем произнес. Мы вышли. Нам вдогонку неслись какие-то сердитые выкрики побагровевшего немца. Оказалось, что немец – агент Антанты. Розе и мне он предлагал вступить добровольно во Французский белогвардейский легион. Розе решил одурачить немца: он, поинтересовавшись об условиях службы в легионе, долго расспрашивал его, а потом громко выругал немца, и мы вышли. Немец тоже в свою очередь не остался в долгу и рассыпался бранью вслед нам.

В Берлине мы пробыли около двух суток. Бюро снабдило нас временными документами, бельем и необходимой штатской одеждой, и направило на ночевку в общежитие безработных. В общежитии у нас произвели тщательный осмотр, выискивая паразитов: заставили раздеться догола, и все швы нашего белья были тщательно рассмотрены. На счастье, паразитов не оказалось. Белье и верхнее платье на нас были чистые, только что полученные из Бюро. Нас провели в общежитие. Обитатели общежития нас приняли весьма дружелюбно.

- Русланд большефик? – был их первый вопрос.

Мы ответили: «Да!».

С сияющим лицом немцы пожимали нам руки и говорили:

- Гут, гут, мой тоже большефик...

На утро мы отправились в Штеттин. На наших документах стояла уже виза германских властей на выезд в Россию. В Штеттине в Европейской гостинице мы разыскали тов. Диккер и его секретаря тов. Свешникова. Они выдали нам денег на прожитие, дали некоторые указания и направили на ночевку. На ночевке мы встретили человек 30, находящихся в нашем положении.

В глаза незнакомым, особенно старым военнопленным бросалась наша «цивильная» одежда. При нашем появлении на улицах Штеттина это бросалось в глаза. На следующий день все, прибывшие в это новое общежитие ранее нас, уехали в Советскую Россию, а мы на пару дней остались для укомплектования.

Через два дня я с Розе отправился на пароходную пристань... Всех «нас» оказалось около 40 человек. Немецкие жандармы внимательно просматривали

наши «аусвайсы» (пропуска), но придаться было нельзя; все «оформлено» как нельзя лучше... При входе на пароход следил за пассажирами молодой немец в штатской одежде. Когда он увидел нас, его лицо расплылось от улыбки. Он очевидно был уже осведомлен о нас, но старался не дать хоть малейшего повода к подозрениям со стороны жандармов. Когда мы поравнялись с ним, он торопливо задает нам вопрос: «Цефильгефанг (гражданский пленный)?» Отвечаем: «Да». Улыбаясь говорит нам «гут», а сам кивком головы показывает нам на трюм парохода. Мы поняли в чем дело и забрались в самое нижнее помещение парохода. Расположились на койках... Наконец, посадка кончена. На пароходе оказалось около полутора тысяч военнопленных империалистической войны и человек до 40 нас.

Военнопленные посматривают на нас с недоумением. Пароход отошел. Мы высыпали все на палубу и оставались на ней пока не проехали гавань... Каковы были переживания в эти минуты, описать трудно... Помню лишь одно, что немецкие рабочие повсюду приветствовали нас, махали шапками и что-то кричали на своем языке.

Мы пока едем «инкогнито». На вторые сутки пути мы вышли в Балтийское море. Один из товарищей раздает на руки каждого наши документы, выданные в Берлине из Бюро военнопленных.

7-е марта, день третьей годовщины Октябрьской Революции¹, застает нас в открытом море. Устраиваем митинг. Ряд ораторов разъясняют значение праздника. У многих из нас сильное желание выступить с речью... Один не выдержал. Забравшись на вышку, он выступил с приветствием от Красной армии. Капитан парохода и пароходный врач слушают с недоумением на лицах.

Маску мы сняли...

Мы подплываем к «Биорки - Финляндия».

Ночь на рейде. Утром высаживаемся в Биорках. Вокзал, товарные вагоны. Финны, боясь «заразы», плотно закрывают нас в вагонах. Поезд пока стоит. Открыв окошечко вагона, видим на опушке леса военнопленных немцев, возвращающихся из Сибири к себе на родину. Они отправляются на пароходе, доставившем нас из Германии.

Медленно двинулся поезд. С нетерпением ждем границы Россией. После полудня Белоостров. Двери вагонов открыты. От радости у многих из нас на глазах слезы... Вот первый красноармеец русской пограничной стражи. Медленно, цепочкой тянемся через границу. Испытание кончено... Мы в России, в Советской России, столь близкой и родной нам... Мы дома, у себя.

Гр. Рябов. Архангельск, 6 мая 1924 г. Губком РКП.

Источник: Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33-46.

¹ Так в тексте – Т.Т.

**Прялухин Ф.А. Бойцы Северного фронта на Западном фронте и в Германии:
воспоминания**

Пояснительная записка в Архангельский истпарт:

« В ответ на ваше письмо препровождаю свой материал в виде воспоминаний. Сообщаю, что документов, подтверждающих действительность, не имеется, ибо при интервенции в Германии обоз Штаба бригады был захвачен белополяками.

Помощник штаба по административной части 161 бригады 54 отдельной дивизии».

... По ликвидации Пинежского направления, оперирующие там 481 и 483 стрелковые полки 161 бригады 54 стрелковой дивизии приказом 6 армии переброшены на Западный фронт для борьбы с белополяками.

По получении приказа о выступлении командованием бригады отдан приказ о снятии с позиций боевых частей и дальнейшем их направлении. Вслед за выступлением боевых частей по маршруту Котлас, Вологда выступили и остальные части и Штаб бригады, дойдя пешим порядком до ближайшей железнодорожной станции, погрузили в вагоны для следования в Вологду.

По прибытию в Вологду части были брошены на охрану Финляндской границы по маршруту Лодейное поле, Петрозаводск, ст. Капписельга. Штаб частей остановился в г. Петрозаводске. Вскоре на смену нам из Центра была переброшена 2-ая Дикая дивизия. Наша бригада снялись с участка и по маршруту Петрозаводск, Лодейное поле следовали опять в распоряжение командарма 6.

... Бойцы пинежского фронта рвались в бой и просили свое начальство о скорейшем направлении на боевой участок. Желание бойцов дошло до высшего командования и по распоряжению последнего на другой день прибытия из Петрозаводска в Вологду были направлены на боевой участок и в этот раз уже действительно на Западный фронт.

... По маршруту Вологда – Полоцк II наши части следовали по железной дороге и через 2-3 дня достигли конечного пункта Полоцка, где и приказали выгрузиться.

Польский шпионаж работал во всю, не успели мы еще окончательно разгрузиться, как над станцией появился неприятельский аэроплан и произвел обстрел из пулемета (без жертв).

Наше командование (чтобы скрытно от шпионов) приказало следовать в расположение, и в тот же вечер приказало пешим порядком выступать дальше, вплоть до фольварка Болония, в районе которого и расквартировались. Остановившись здесь, части после долгих и томительных дней следования были приведены в порядок и боевую готовность для выступления дальше на фронт.

Выступив в поход и проходя пешим порядком по 40-50 и больше верст в день, желание бойцов было только одно, как можно скорее обнаружить неприятеля и попробовать сразиться с ним, но случай не предоставлялся, ибо неприятель, узнав о прибытии красных на этот участок, старался до более удобных для него позиций отступить без боя, при том на каждом шагу препятствовал нашему продвижению, а для этого он всячески нам вредил, уничтожая на пути все переправы вплоть до маленьких дорожных мостов, что, конечно, хотя и не в значительной мере, но все же на следовании пехоты и артиллерии отзывалось.

Но так продолжалось недолго. Высланной в это время конной разведкой под командой т. Хаджи-Мурата установлено, что неприятель сосредотачивается в районе г. Белосток, которого якобы даром отдать не хочет и думает постоять за него. Получив такое сообщение, наше бригадное начальство, учитывая, что здесь неприятель стягивает свои главные силы, в свою очередь также приняло меры к увеличению числа штыков и другого рода

войск в этом направлении. С этой целью запросило начдива-54 т. Цветаева, который, учитывая важность направления и важность момента нанести удар неприятелю, вошел с ходатайством о высылке в его распоряжение подкрепления. Командарм не медля почти ни дня выслал достаточное количество пехоты и артиллерии, а в помощь конным частям выслал конницу кубанцев.

Стянули все боевые части в определенный участок и подготовили их к наступлению. Высланная конная разведка под командованием Хаджи-Мурата доложила, что река, отделяющая нас от Белостока, со стороны неприятеля форсирована. В тот же день пехоте дано распоряжение выступить к Белостоку и не доходя 2-3 верст занять оборонительную позицию. Артиллерии же приказано продвинуться на расстояние досягаемости снаряда, замаскировать орудия и на рассвете обстрелять город, дабы тем самым установить точное местонахождение поляков.

По прибытии на указанные участки части заняли позиции согласно приказа, а артиллерия в указанное время выпустила несколько снарядов по городу, но ответа на выстрелы со стороны неприятеля не последовало. Артиллеристы шутили и говорили: «Затишье, но перед бурей». И действительно, к вечеру того же дня со стороны неприятеля открылся ураганный артиллерийский огонь по нашим частям. Имея незначительный запас снарядов, наши части изредка отвечали, а со стороны врага огонь все более и более усиливался и к ночи доведен был до размеров полной канонады. Пользуясь артиллерийским огнем, польская пехота продвигалась к берегу реки с целью переправы и наступления на нас, но наши части дремали и зорко следили, и лишь только заметив, что поляки осуществляют наступление, а неприятельская пехота уже на середине моста к нашему берегу, как наша артиллерия совместно с пехотой открыла по наступающим огонь и благодаря меткости артиллерии и стойкости пехоты и пулеметчиков наступление было остановлено, мост был разрушен, чем окончательно остановлено наступление неприятеля.

Одновременно кубанцы и конница Хаджи-Мурата, разыскав брод через реку, стремительно на лошадях переправились и прорвались в тыл неприятеля и навели панику. Тем же временем наши инженерные части поврежденную переправу восстановили и дали возможность как можно скорее для поддержки конницы переправиться, и благодаря настойчивости командиров, пехотные и пулеметные части в первую очередь были переправлены.

Вслед за пехотой и пулеметными частями необходимо было для дальнейшего развития наступления переправить как можно скорее и артиллерию, для этого командиром батареи т. Максимовым по примеру конницы был избран брод и артиллерия переправилась на другой берег, а в это время на плотках и по восстановленному мосту переправлялись и боевые припасы. Переправив необходимое на противоположный берег, наши части с той же энергией продолжали наступление на город, но так как город со стороны врага в некоторых местах был сильно укреплен, и без артиллерийского обстрела, одной пехотой брать было трудно и почти невозможно, и чтобы разрешить этот узел и развить наступление, наша артиллерия открыла сильный огонь по городу, не молчала и неприятельская, в этот вечер действительно воздух стонал от разрывов снарядов, ибо с нашей стороны в этой перестрелке участвовало не менее 18 орудий и почти столько же с противоположной, но как ни настойчив был неприятель, все же к утру следующего дня при содействии всех родов оружия сопротивление врага было сломлено, враг дрогнул и начал отступать. Высшее их командование, как выяснилось со слов жителей, уехали на автомобилях, а другие низшие чины на поездах по железной дороге.

После продолжительной и горячей схватки Белосток занят красными частями. За этот бой в руки красных достались богатые трофеи и пленные.

По вступлении наших частей в город жители вначале относились сочувственно и радостно нас встречали, но когда по распоряжению командования необходимо было запастись необходимым для фронта как фуражом, так и продовольствием, и когда начали проводить реквизицию скота, то части населения, преимущественно зажиточной, это не понравилось, но так как большинство города составляли евреи, то со стороны зажиточных евреев заметно было сильное негодование, а некоторые даже оказывали вооруженное сопротивление, и конечно за это некоторые поплатились своей жизнью.

Заняв город окончательно, части расквартировались частью в черте города, а частью вне его и находились на отдыхе 3-4 дня, за это время произведено пополнение частей пехоты и приведены в порядок и все остальные команды.

По расстрелянным мирных жителей трупам, валяющихся по улицам города и вне его, оставшихся после эвакуации белополяков, можно было судить, что здесь «пилсудчики» действительно хозяйничали, и как видно, более всего пострадали евреи, ибо большинство трупов оказались этой нации.

Заготовив необходимое количество продовольствия и фуража и приведя в готовность части, необходимо было следовать дальше, и на второй день, 20 июня 1920 года, наши части вслед за отступающим неприятелем выступили дальше.

Белополяки после первой недели под Белостоком и в дальнейшем отступали, не вступая в бой с красными, но все же кое-где нашим частям, хотя и с мелкими отрядами, приходилось соприкасаться и вступать в перестрелки.

Так продолжалось приблизительно 7-10 дней, наконец, наши части достигли озера Нарог, где еще сохранились от империалистической войны германские бетонные окопы. Здесь-то поляк и засел и думал преградить дальнейшее наше наступление. Засев в бетонных германских окопах, оказал сопротивление нашим передовым частям и всячески препятствовал нашему дальнейшему движению. Наше командование, видя сопротивление врага, решило силой оружия заставить его покинуть окопы и продолжать движение вперед, для этого окопы неприятеля подвергнуты артиллерийскому обстрелу, с одновременным наступлением пехоты, каковой и была поставлена задача во что бы то ни стало занять передовую вражескую линию окопов, но это не так легко удалось. [Только] подошли почти вплотную к окопам неприятеля, как со стороны последнего открыта ружейно-пулеметная трескотня, и видя, что наступление невозможно, и понеся потери людьми, наши отступили.

Оправившись после первой неудачи, к вечеру того же дня наши части и уже в большем количестве и при большей интенсивности артиллерийского огня повели вторичное и уже решительное наступление. В этот раз, несмотря на оказанное со стороны неприятеля сопротивление, наши части наступали в лоб неприятеля, и стремительной атакой удалось выбить неприятеля из окопов первой линии. Последующие линии, видя неустойку первой линии, также покинули окопы. Так упорное сопротивление поляков и на сей раз было сломлено.

Так вторую преграду наступления на Варшаву преодолели и лозунг фронта «Даешь Варшаву, и поскорее!» приближался к развязке, а товарищи красноармейцы после этой схватки с поляками еще больше воодушевились и рвались дальше.

Дальнейшее наше наступление должно было быть по направлению к г. Цеханов. Во время следования к городу, за исключением мелких стычек, сопротивления со стороны поляков не оказывалось. Подойдя к городу на расстояние пушечного выстрела, обстреляли его, а когда из распросов мирных жителей удалось выяснить, что город часа два тому назад поляки оставили, обстрел его был прекращен и красные части 15 августа без боя заняли его.

Но не дремал, вероятно, неприятель, покинув город; он стягивал свои силы в районе города и решил во что бы то ни стало нанести нам удар с тыла. И действительно, ему это на этот раз удалось.

...После дневки, проведенной в Цеханове, красные части выступили из города со всеми обозами, не закрепив за собой тыла, а неприятель, нащупав слабое наше в этом отношении место, когда уже передовые наши части были от города на расстоянии 7-10 верст, начал осуществлять свое намерение, поведя решительное наступление на участок 481 полка, следовавшего сзади как бы вроде прикрытия. Силы неприятеля в этом районе в пять раз¹ оказались значительно больше наших, и наши части, не выдержав натиска и видя, что сопротивление бесполезно, начали отступать, несмотря на просьбы командира полка Смелкова, положение восстановить не удалось, а враг все с большей настойчивостью наседавал.

Видя это, командир полка Смелков выслал впереди следовавшему командиру бригады Волину полковую конную связь с донесением о поражении. Получив сведения, тот в свою очередь донес Начдиву 54 Цветаеву. Последний приказал принять срочные меры к восстановлению положения, и на поддержку 481 полка выслал кубанцев в составе около полка, но несмотря на ряд принятых мер, положение восстановить не удалось; понесся громадные потери людьми, обратились в бегство.

Видя полное поражение, дальнейший маршрут следования был изменен и отдан приказ об отступлении. Штаб бригады и обозы 1 и 2 разрядов и другие команды, состоящие при штабе, направлены по направлению к местечку Прасныш, что и было сделано; но недолго отступление продолжалось нормально. Враг все время имел наблюдение за отступающими и при каждом удобном случае подвергал обстрелу как строевые, так и нестроевые наши части, а для большего преследования отступающих им была брошена кавалерия. Так и на этот раз, когда обозы 1 и 2 разряда и обоз Штаба и другие нестроевые команды бригады под прикрытием конницы Хаджи-Мурата следовали к местечку Прасныш. Не доходя до него 1-2 версты, при подъеме на бугор, через который должны были следовать и все другие наши части, были встречены артиллерийским огнем неприятеля и окончательно обращены в панику и покидали все обозы, а так как возницы были в большинстве своем из местных крестьян, то они, видя это, окончательно растерялись, и, покидав своих лошадей, бросились кто куда, думая лишь только о своем спасении.

После этого неожиданного обстрела наши части окончательно были расстроены и началось поистине паническое отступление. За последний обстрел были и жертвы. И наш бригадный врач Бенеманский, оказывая медицинскую помощь тяжело раненым, незаметно отстал от своих и налетевшей польской конницей был на месте заколот.

Оставшиеся в живых собрались вместе, нестроевые части совместно со Штабом бригады, в числе которых был и я, соединившись с боевыми частями продолжали отступление, но куда отступали и что ожидало впереди, никто не знал, не знало даже и наше командование, ибо всякий маршрут был нарушен, а враг все время преследовал и не давал покоя. Так продолжалось эти роковые день и ночь, но так как дело было в августе и на наше несчастье в ту ночь выпал сильный дождь, ночь была холодная и сырая, и люди окончательно прозябли, ибо многие остались в одних лишь летних гимнастерках. Я лично был в одной матросской рубашке, и чтобы предохранить себя от заболевания, по дороге нашел чью-то рваную шинель и под этой шинелью всю ночь спасался от холода.

На следующий день встретили крестьянина, у которого и узнали, что отступление наше имеет направление на г. Млаву, до которого осталось идти 4-5 верст, но идти надо было открытым путем и по шоссе, что было также небезопасно, ибо на каждом шагу мож-

¹ Так в тексте - ТТ

но было ожидать нападения. Но как ни опасно, на полпути останавливаться нельзя, и, ожидая сиюминутного нападения, а может быть, и полного разгрома наших частей, отступление продолжалось. Наконец, преодолев все трудности и опасности в пути, нам удалось достигнуть долгожданного города Млавы. Здесь-то мы и намерены были отдохнуть и привести себя в порядок для дальнейшего сопротивления неприятелю. Но наши мечты во многом не оправдались. Жители города, настроенные поляками, относились враждебно, а когда конница Хаджи-Мурата, проезжая по городу для проверки наличия неприятеля в городе, в одной из улиц была обстреляна, вначале это показалось странным – врага не видно, а стреляют. И когда немного утихло, и конница продолжала свой дозор, при выезде из города на окраину заметила, что почти из-за каждого дома стреляют, а из чердака одного дома был даже замечен пулеметный огонь. Видя это, конница уже церемониться не стала, а получив команду «Винтовку на руку», следовала обратно, держа руку наготове. Но вдруг сзади ее раздался выстрел, которым и вырвало из рядов конницы взводного командира. Видя это, Хаджи-Мурат решил во что бы то ни стало отомстить. Заметив дом, из которого раздался выстрел – возвратившись, окружили его, и несколько товарищей кавказцев, сойдя с лошадей, ворвались в дом и, подвергнув его повальному обыску, на чердаке дома обнаружена была засада с пулеметом, но интереснее всего, что эту засаду возглавлял «старый еврей лет 50». При задержании его он крепко держался за ручку пулемета системы Кольт, но кавалеристы не испугались: оттянув его от пулемета, со всей яростью со всем пулеметом выбросили его в слуховое окно на улицу – еврей, упавши на замощенную камнем улицу, разбился насмерть. Так кавказцы расправились за смерть своего товарища.

Не успела конница возвратиться, как сторожевые посты донесли о взятии поляками нашей легкой батареи, находившейся на окраине при выходе из города. Для проверки сведений и отбития ее от неприятеля высланы части кавалерии. Прибыв к месту пленения, кавалерия уже неприятеля не застала, он скрылся в ближайшей опушке леса.

Наше командование и пехотные части после мучительных ночей, проведенных при отступлении, расположились в городе на отдых, но враг и на этот раз не оставлял в покое. По железнодорожной линии, проходившей возле самого города Млавы, он, подойдя на бронепоезде вплотную к городу и произведя обстрел города с бронепоезда, удалился. Вслед за бронепоездом появились кавалерийские и пехотные части неприятеля, ведущие наступление на город. Видя это, наше командование отдало приказ о встрече врага, но на это раз это не удалось. Части так были растрепаны, что даже не могли оказать полякам ни малейшего сопротивления. Видя это, был отдан кряду приказ о выступлении из города по направлению к городу Серпец. Получив приказ об эвакуации, части начали выступать, в первую очередь артиллерия. А враг тем временем уже занял восточную часть города и продолжал движение в центр города, подвергая его обстрелу, все быстрее и быстрее продвигался. Хорошо помню, как наши артиллеристы, сидя на орудиях, говорили «Пропали мы!». И действительно, не успели еще наши части полностью выйти из города, как поляки ворвались в город и отрезали путь к отступлению. Заняв город, [неприятель] принялся сразу же за разоружение наших оставшихся частей. Среди оставшихся был командир нашего 481 полка Смелков, что с ним было дальше, сказать трудно, ибо мы были уже далеко от города. Враг не успокоился этим и вел преследование отступающих частей – в этом деле более всего проявляла кавалерия, многим пришлось остаться либо убитыми, либо ранеными.

Оставшись в живых, к полудню 19 авг. 1921 г. дошли до г. Серпца, отсюда идти уже было некуда, оставалось либо сдать полякам, либо перейти германскую границу. Но сдать полякам не хотелось, решили лучше перейти границу, чем живым попасть в плен к полякам. Для окончательного решения этого вопроса собрали совещание всех присутству-

ющих, на котором ставился вопрос, как быть дальше. Много говорить было некогда, ибо время приближалось к вечеру, а вопрос было необходимо решить сейчас же. По обсуждении обстоятельств дела, совещание пришло к выводу избрать надежных лиц и делегировать их к немецкому начальнику пограничной стражи и просить через него находящееся в Германии наше Бюро военнопленных о принятии нас и разрешении перехода границы. Делегация сразу же после окончания совещания вышла к г. Вилимбург, где и намечено было начать переговоры. Благодаря хорошей связи переговоры продолжались недолго, и в 3 часа того же дня делегация возвратилась с положительным для нас ответом. Имея разрешение о пропуске нас через границу, командование решило сделать проверку наличия людей и, подведя подсчет, двинулись к границе под городом Вилимбург, куда через 2-3 часа и прибыли. К этому же времени прибыли фронтовики и других направлений фронта, вероятно, оказавшиеся в таких же условиях. Сюда же немного позже прибыл конный корпус Гая и конница Хаджи-Мурата.

Так наши боевые части Западного фронта 22 августа 1921 г. кончили свою боевую славу.

Ждать дольше было некогда. Выстроившись походным порядком, направились к указанному немецкой пограничной стражей пункту, где и был усиленный пост пограничников. Для более регулярного перехода и сохранения полного порядка нас разбили на группы по родам оружия. В первую очередь были пропущены артиллерия и кавалерия, затем пехота и все прочие команды. Немецкие власти разоружили нас в полном смысле слова, оставляя нас исключительно в обмундировании и обуви.

Пропустив всех нас через границу, а ведь нас было немного-немало около 20-30 тысяч человек, пред немецкими властями встал вопрос, а куда же нас направлять. Чтобы не стоять на улице и не держать под открытым небом, под строгим конвоем в товарных вагонах направили в ближайший от границы лагерь.

Прибыли в 10 часов ночи в тот же день в лагерь. Нас разбили на партии для размещения в бараках. Ёкнуло наше сердце, когда мы вошли в барак. Крыши и стены были толстые, в некоторых местах рваные, и ветер ходил по баракам. К тому же люди после 2-дневного похода были голодны и негодовали. Наконец, известили, что скоро будет горячий обед, вот обрадовались и думали покушать, давно горячей пищи не принимали. Но ожидания наши при виде обеда и хлебной порции разлетелись. Не обед, а какая-то бурда была подана, а хлеба по $\frac{1}{4}$ фунта на день. Но делать было нечего, не своя воля. Хлебнув по несколько ложек поданной теплой водички с какой-то крупой (это, вероятно, вместо супа), мы ложки опустили, и так, полуголодные и озябши, улеглись на полу барака спать. Сон был приятнее всего, ибо почти 4 дня не спали совершенно. Ночь прошла незаметно, в 8 утра нас разбудил звонок, зовущий на утреннюю поверку, после которой был подан утренний кофе – не подумайте, что настоящий, нет, - из сушеных желудей. Вот здесь то и вспомнилась привольная жизнь фронта, там мы ели свининку, гусятинку, да фрукты, а подчас этого и не хотели, - а здесь и желудям рады были.

После утреннего кофе объявили, что сегодня все пойдут в баню, а у кого нет верхней одежды, белья или обуви, те получают. Наконец-то, думаем, и мы приоденемся, и действительно, оделись: выдали старые серые немецкие мундиры, шинели да фуражки без козырьков, а на ноги, у кого не было обуви, колодки деревянные; в числе этих счастливых оказался и я лично.

Наконец, в 10 утра была направлена первая партия в баню. В ней оказался и я. При входе в баню нас сразу же встретил цирюльник и просил обождать, и остриг волосы, брови и усы. Вот и стояли мы в ожидании стрижки, но когда дошла очередь до стрижки, мы удивились, не машинками и бритвами, как у нас в России, а каким-то раствором бреют. Вся эта

процедура стрижки и бритья проходит очень быстро. Подойдя к цирюльнику, он намазывает раствором все те части, где имеются волосы, а потом сразу же смывает щеткой, и волосы сваливаются на пол: чище, чем под бритву. После этого шли в баню, и начиналось мытье. Но бани не парные – русские, а истинно немецкие, постоявши под дождиком, который лился из особо устроенного под потолком решета; 2-3 минуты – приказывают выходить, и тем баня кончается.

Не долго пришлось нам находиться в этом лагере. Немцы, чтобы избавиться от лишних караулов и могущих быть случаев побега, а случаи уже были, задумали направить нас вглубь Германии. На третий день нашего пребывания в лагере нас разбили на партии для отправки по железной дороге, разные части направлялись в разные города, я лично в составе товарищей красноармейцев, комсостава и административно-хозяйственного состава 481 стр. полка и Штаба 161 бригады был назначен в партию, имеющую направление в Баварию.

На следующий день рано утром выдали на дорогу по полфунта хлеба и 1 банке консервов, а после получения продовольствия направили на ближайшую железнодорожную станцию для посадки в вагоны и дальнейшего направления. Ожидать вагоны долго не пришлось. Минут через 10 по прибытии на станцию поезд подошел и, рассчитав по 25-30 человек в вагон, посадку закончили через час. После посадки поезд тронулся.

Куда везут, никто из нас не знал. Кто говорил, в шахты на работы, кто говорил, в другой город. Потом узнали, что везут в Баварию в город Байрет, а оттуда в лагерь.

Три дня продолжалось наше следование. За этот период времени многое удалось увидеть, ибо наше следование проходило через важные города Германии: Кенигсберг, Лейпциг, Гамбург и др. Наконец, 30 августа 1920 г. в 11 часов ночи прибыли в конечный пункт. Еще до прибытия нас ожидал здесь усиленный конвой для сопровождения дальше. Высадили из вагонов моментально и построили в ряды по 4 человека. Окруженные конвоем, следовали по городу в лагерь, который находился в 3-4 км от города. Следуя по городу, его жители с удивлением смотрели на нас. Среди зрителей немало было аристократии, а малые дети гоняли вслед за нами и кричали «Рус, большевик». Да и как было не смотреть, ведь шли русские большевики, и шли кто в чем, кто в немецкой шинели, кто в русской, у кого на ногах русские сапоги, а у кого немецкие колодки.

Ровно в 3 часа ночи мы достигли долгожданного лагеря. Хотя подошли к нему ночью, но удалось рассмотреть, что опять те же бараки с той лишь разницей, что для пущей важности лагерь кругом обнесен колючей проволокой в 4 ряда, а по углам его стояли вооруженные часовые. Ну, думаем, попали в клетку! И не думали, что удастся возвратиться нам отсюда. Раскрылись ворота лагеря, наши солдаты бросились в ворота и чуть не сбили часового, но благодаря окликаем часовых «Рус, хальт!» порядок был восстановлен. Пропустили в лагерь. Здесь также разбили нас на партии по 50-60 человек, разместили по баракам, я с некоторыми пинежскими был направлен в барак № 13. Вскоре размещенным подали ужин – состоящий также из воды с крупой и $\frac{1}{4}$ фунта хлеба. Здесь нам показалось еще страннее, когда узнали, что кормят хлебом-суррогатом, а именно, хлеб печется из костяной и травяной муки, т.е. кость и осиновые опилки, размолотые мелко. Если бы нам об этом не сказали, мы бы ничего и не узнали, ибо хлеб испечен так хорошо и вкусно, что подумать на суррогат не было никакого основания. А когда для убеждения некоторые его высушили, то убедились, что действительно, хлеб состоит из примеси кости и дерева, ибо сухарь превратился в порошок и опилки кости и дерева были хорошо заметны.

На следующий день по баракам со словами «Гутен морген» прошел комендант лагеря и приказал выйти на поверку. После поверки чай, опять-таки из тех же желудей; хотя и неприятно было пить, но пили, т.к. русский человек к чаю привык.

Затем объявили по баракам дежурство, на обязанность коих лежало: получение топлива, отопление барака, бужение на поверку, раздача порционных хлеба и раздача обеда и ужина. Порядок принятия пищи установлен по распоряжению коменданта лагеря: утром в 8 утра чай, в 12 часов обед, в 2 часа завтрак, состоящий из селедки или 1/8 хлеба с маргарином, в 6 вечера ужин, до 9 вечера свободное время. На работу не гоняли, единственным развлечением было кружка по лагерю, обнесенного колючкой.

Не понравилась такая жизнь некоторым из наших товарищей, и некоторые надумали бежать. Но куда бежать, не знали, и немецким языком не обладали. Несмотря на это, некоторые свое намерение выполнили, особенно в этом свою отвагу показал тов. Воденников Федя, который несмотря на охрану лагеря, пользуясь темнотой, ночью пробрался через проволочную калитку и скрылся. Никто кроме его близких по койкам товарищей не знал, но в конце концов на одной из проверок его отсутствие было обнаружено. Комендант лагеря усилил охрану и принял меры к поиску беглеца. Через 10 дней узнали, что он шпиками задержан на границе Австрии и до выяснения его личности посажен в тюрьму. По просьбе коменданта лагеря он был освобожден и вновь доставлен в наш лагерь, посажен за побег на 7 суток под арест, а принесенный им с собой хлеб отобран и передан на кухню для общего пользования.

Как ни хорошо и как ни много раз в день кормили, все же немецкие обеды, состоящие из воды с крупой, не утоляли голода. Чтобы не замереть с голода окончательно, многие наши товарищи ходили по целым дням в поисках пищи. Денег немецких не было, купить нечего, т.к. торговли никакой в лагере не было. Искали пищу в лагере. Некоторые додумались с этой целью проверять помойки, куда выливались все отбросы с кухни - сельдяные головы и мясные кости. Эти отбросы добывали почти с боем, а затем во время топки печи в бараке эти головы и кости вновь переваривали и готовили себе суп, который считался хорошим ужином. Кости варили, пока они окончательно не разварятся. Картофельная шелуха, которую тоже в котелках варили и приготавливали отличное картофельное пюре. Все это тяжело отражалось на нашем желудке, может быть, некоторые получили и болезни, я лично с тех пор от употребления такой грубой пищи страдаю катаром желудка.

От сырости и холода в бараках многие заболели, и той нормы топлива, которая выдавалась на сутки – 200 грамм торфа и 400 грамм каменного угля – для отопления громадного барака не хватало. Чтобы не простудиться и не заболеть окончательно, приходилось добывать топливо своим трудом. Со мной был интересный случай: дежуря по бараку, около 11 ночи топливо закончилось, а ночь вся впереди и чем-то надо отогреть товарищей. В 12 ночи я вышел из барака, чтобы поискать дров, ничего не нашел, но заметил, что у другого барака у дверей оторван один конец доски. Дождался, когда часовой отойдет, сорвал доску с треском и схвативши её, побежал в свой барак. Часовой услышал и окриком «Рус, хальт!» хотел меня остановить, но я, забежав в барак, доску сунул под койки и, погасив огонь, закрылся одеялом. Немец сколько ни говорил по-своему и не горячился, все же установить личность в то время не мог. На следующий день часовой об этом донес коменданту, тот за невыдачу виновника наложил наказание на весь барак «не давать хлеба», пока не выкажут виновника. Сознавая товарищескую дисциплину, мне пришлось пойти и сознаться коменданту. Придя к нему, я сообщил о цели моего прихода, и когда ему доложили, грозный вышел и, не смотря на меня, начал кричать и топтать ногами. Ну, думаю, расстреляют. Что говорил, не знаю, так как языка немецкого не понимаю, - а при уходе в свои комнату буркнул «Русси швайне». Что сие значило, не знаю, а только не успел я прийти в барак, как приходит немец и через своего переводчика передал, что я подвергнут аресту на трое суток. И тотчас же направили меня в карцер на хлеб и на воду - хлеба ½ фунта и 1 кружка воды, вот вся пища, которая полагалась арестанту.

Так продолжалось наше житье-бытье в лагере до тех пор, пока не стало известно, что якобы Россия с Польшей заключают племинарный мир. Услышав такое известие, несколько отлегло нам на душе, и мы ждали, что, если это только правда, то, может быть, в недалеком будущем нам удастся и выехать отсюда в свою родную Россию.

Слухи с каждым днем распространялись упорнее, и наконец, как мы узнали об этом от самого коменданта лагеря, что действительно правда и что якобы комендантом от нашего Бюро военнопленных уже получено распоряжение о выявлении количества людей, на долю коих выпадает счастье ехать в Россию. Но кто именно должен был ехать, никто об этом не знал. Наконец, 11 ноября 1920 года комендант объявил, что возвращению подлежат следующие категории: медицинско-ветеринарный персонал, комсостав от командира взвода и выше, адмхозсостав и кавалерия.

По выявлении, оказалось, что отправке из нашего лагеря подлежат 160 человек, в числе коих счастливых состоял и я.

Когда списки отправляющихся уже были готовы и переданы коменданту, накануне отъезда мы не спали всю ночь, а все мечтали о дороге, сердце радостно билось, еще с вечера было объявлено, что выход из лагеря должен быть законченным до 5 часов утра 12 ноября. Стрелки часов показывали 4 утра. Тяжело было расставаться с остающимися здесь товарищами и, поистине, было тяжело, ведь в боевые дни горе и радость мы делили пополам. Участь их была неизвестна. Когда они выедут, так же было неизвестно. Прощались по-братски, лично у меня при прощании с тов. Клевакиным Артемием Сидоровичем (из Верколы Пинежского уезда), с которым я был почти неразлучно с 1918 по 1920 годы, т.е. с первых и до последних боевых дней, капали слезы – говорить долго не пришлось, ибо раздался зычный голос немца-часового «Выходи!». Вышедши из барака, ночь была морозная, выстраивались в ряды. Комендант лагеря сделал переключку по списку. Открыли ворота лагеря и вызывали по одному за ворота, где снова выстраивались и получили продовольствие на дорогу.

Когда все было закончено, походным порядком в 9 утра направились в город Байрат для посадки в вагоны, для направления к месту погрузки в г. Щетин. Прибыв на станцию, поезд уже стоял и, погрузившись в вагоны и получивши для сопровождения до места высадки по одному конвоиру на вагон, отправились.

Не доезжая несколько км до Щетина, в 9 вечера наш эшелон остановился, высадились на железнодорожной станции, направились в ближайший к городу лагерь «Альдем». По прибытии в лагерь, здесь пришлось встретиться с русскими военнопленными империалистической войны. Радостно встречали они нас, не менее рады были этому и мы. Они оказали нам товарищеский прием, узнав, что мы с дороги, достали горячий ужин и чай, во время которых нам удалось узнать, что они прибыли сюда также из разных лагерей Германии и направляются в Россию, но в ожидании дня посадки остановились здесь. Помнится трогательная картина встречи родных братьев в одном из барачков, один из бывших военнопленных Империалистической войны, а второй из интернированных Гражданской войны. Какова же была радость, когда они встретились, трудно описать, только видно было, что в результате встречи горячие слезы капали из глаз обоих.

После обмена мнениями все улеглись спать.

На следующий день рано утром раздался голос конвоира – о выходе военнопленных из барачков и следования на пароход в Щетин. До города было недалеко.

Проводя военнопленных, в лагере на несколько дней остались мы одни, где и находились до 20 ноября 1920 г. За этот период времени здесь нам пришлось проводить праздник 4-й годовщины Октябрьской революции. В ознаменование этого Великого для нас дня наш начальник эшелона Цветаев, по просьбе остальных товарищей, вышел с ходатайством

перед Бюро военнопленных об устройстве манифестации и парада войскам. После долгих усилий Бюро военнопленных пред немецкими властями, все же парад и манифестация были разрешены, причем последнюю разрешалось проводить только в черте лагеря и на близ лежащем братском кладбище, где было похоронено несколько сот человек русских военнопленных. С 6 на 7 ноября началось приготовление к проведению праздника.

В 10 утра 7 ноября было приказано выстроиться на парад, а в 12 дня Цветаев, проходя по рядам выстроившихся, поздравил с праздником. Ряд выступавших товарищей кратко обрисовали картину жизни в лагерях и условия, в которых волею судеб приходится этот великий день встречать на чужбине и не так торжественно, как это было бы в России.

После выступления наших товарищей выступали некоторые из немцев. Они также сожалели, что здесь, в условиях пленения, мы не можем проводить этот великий день так, как бы следовало его проводить. А выступавший военнопленный сказал, что «недалек тот день, когда вся Германия будет охвачена революционным огнем и тогда немецкий пролетариат свободно вздохнет и увидит яркое красное знамя труда», а чтобы празднование еще больше ознаменовать, объявил, что сегодня силами военнопленных будет поставлен спектакль «Парижская коммуна», на каковой и просил прийти всех.

По окончании выступлений присутствующие направились на близ расположенное братское кладбище. Подойдя к нему, нашим глазам представилось площадь, усыпанная вплотную крестами, а посредине общий памятник. Войдя туда, остановились около общего памятника. Здесь выступил тов. военнопленный и сообщил, что лежат здесь наши военнопленные, некоторые умерли от свирепствующего здесь в лагере тифа, некоторые замученные вконец немцами, вообще, обрисовал всю эту тяжелую и жуткую картину жизни в немецких лагерях и обращение в то время часовых с пленными.

По окончании речи при словах «Память о них никогда не заглохнет в наших сердцах», присутствующие снимают головные уборы и поют «Похоронный марш». После пения выступил тов. Гай, который кратко остановился на участи военнопленных вообще и тех товарищей, которые на этом кладбище пришлось остаться навсегда. «Наш долг, - сказал он, - «отомстить за смерть замученных и почти заживо похороненных наших здесь товарищей, и при словах “Мы здесь находимся перед лицом этих двух сотен с лишним похороненных”, должны дать клятву отомстить палачам за смерть невинно замученных наших товарищей, и близится время, когда гром пролетарского голоса на всю Германию скажет: “Долой палачей и мучителей немецких пролетарских масс”».

Этими словами речь т. Гая, подхваченная громким «Ура», закончилась.

Источник: Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 1-11. (рукопись, 1928 г.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Работая над этой книгой, автор и не предполагала, что ее содержание, к сожалению, окажется столь актуальным в переживаемое нами время. Когда рядом, за прозрачной и почти не охраняемой границей, идут не просто боевые действия, а вооруженные схватки братоубийственной гражданской войны. Когда армейские части той или иной противоборствующей стороны под давлением неприятеля, иногда в горячке боя, переходят на «нашу» сторону.

Как чувствуют себя эти солдаты? Что могут ожидать от подобных проникновений местные жители? Что делать властям в отношении людей, совершающих, возможно, ради сохранения своих жизней, подобные переходы на «чужую» территорию?

Быть может, эта книга, в значительной степени построенная на личных восприятиях военнослужащими ситуации интернирования, поможет ответить на некоторые из этих вопросов...

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава I. «Даешь Варшаву! Дай Берлин!».....	19
Глава II. «Большевики идут!».....	32
Глава III. «Русские не сдаются!».....	40
Глава IV. «Красным лагерем» в Германии.....	56
Глава V. «Везде жизнь!»: Быт интернированных красноармейцев.....	80
Глава VI. Свои среди чужих и чужие среди своих	105
Глава VII. «Домой!».....	126
Заключение.....	138
Приложения:	
• <i>Алексеев А.Д.</i> «Мои воспоминания. 156 стр. полк 18 дивизии в боях на Польском фронте» (фрагменты).....	140
• <i>Коротких М.И.</i> Война с белополяками – захватчиками в 1920 году 156 полка 18 дивизии Красной Армии: из моих воспоминаний.....	146
• <i>Вербов С.Ф.</i> «Даешь Варшаву!...» (из воспоминаний).....	152
• <i>Порядин А.Н.</i> Из лагерной жизни в Германии: воспоминания.....	157
• <i>Турыгин Я.А.</i> Об участии на Польском фронте (воспоминания).....	160
• <i>Рябов Г.</i> Из жизни интернированных в Германии (из воспоминаний Участника Гражданской войны 1920 года).....	162
• <i>Прялухин Ф.А.</i> Бойцы Северного фронта на Западном фронте и в Германии: воспоминания.....	171
Послесловие.....	181

Научное издание

Трошина Татьяна Игоревна

«КРАСНЫМ ЛАГЕРЕМ» В ГЕРМАНИИ

**Интернированная Красная армия» в Германии в 1920-1921 гг.:
об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны**

Монография

В авторской редакции

Оригинал-макет Т.И. Трошина
Дизайн обложки О.М. Морозова

Подписано в печать

Усл. печ. л.

Тираж _____

Заказ _____

Издательство _____

Отпечатано _____